

МСТИСЛАВА ЧЁРНАЯ

ПРИНЦ
в фартуке

Annotation

Высыпала мусор в помойку, а попала на обладателя королевской печати? Думала, что дворцовый переворот не касается тебя, старшего инспектора Опеки? Теперь тебе придётся не только выяснить, что скрывают подозрительные усыновители, но и объяснить поселившемуся у тебя принцу, кто в доме хозяйка.

- [Мстислава Черная](#)
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Интерлюдия 1](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Интерлюдия 2](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Интерлюдия 3](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Интерлюдия 4](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)

- [Эпилог](#)

Мстислава Черная

Принц в фартуке

Глава 1

Сидящий на стуле круглый, как рыночный пирожок, и такой же маслянистый мужчина улыбается невинной улыбкой профессионального мошенника. И взгляд у него... нехороший.

– Мой адвокат сказал, что документы на усыновление в полном порядке.

И это тоже настораживает.

За все годы работы в опеке я ни разу не видела настолько идеальных документов. Я повидала всяких претендентов на усыновление приютских сирот, и опыт на пару с интуицией просто кричат, что доверять детей чете Молл нельзя. Только оснований для отказа у меня на первый взгляд нет. И на второй, и на третий.

Щуплая мадам Молл льнет к супругу и выглядывает из-за его плеча будто крыска:

– Да-да, госпожа инспектор. Я тоже не понимаю. Не только адвокат, вы сами признали, что документы в порядке. Зачем тянуть? Чем быстрее ребенок окажется в семье, тем лучше. Разве не так?

– Рассмотрение займет некоторое время, – обтекаемо отвечаю я, потому что больше сказать нечего.

– Госпожа инспектор?

Я игнорирую крыску.

– Госпожа инспектор, кажется, я буду вынужден подать жалобу. Безосновательное затягивание во вред ребенку, тогда как именно интересы ребенка вы обязаны представлять, – от лебезения бурдюк с маслом переходит к угрозам.

Тю!

Пусть подает. Я действую строго в рамках закона.

Грамотный стряпчий хлопот доставит, без этого никуда, все же затягивание – скользкий момент, по-своему мужчина прав. Но как-то не получается воспринимать угрозу всерьез. К тому же разбирательство процесс небыстрый, усыновление будет отсрочено, и жалоба как раз сыграет против жалобщиков, если их главная цель – оформление за минимальный срок.

– Я знаю, что Карши очень ждет, когда новые мама и папа заберут его домой, – миролюбиво отвечаю я.

– Я полюбила Карши с первого взгляда, – воодушевляется крыска, наверное, решила, что я испугалась и пошла на попятную.

Я хмыкаю:

– Только мальчика зовут Кайми. Вы так сильно его любите, что даже имя не помнете?

Да, отдавать им ребенка точно нельзя. Не знаю, зачем им понадобился мальчик, но когда усыновители не утруждаются даже запоминанием имени своего предполагаемого подопечного, верить в родительскую любовь я отказываюсь.

– Госпожа инспектор!

– Вы можете идти. Документы будут рассмотрены, и в срок вы получите официальный ответ, письмом.

Мужчина уже не скрывает злости, но поднимается медленно, сдерживает порыв вскочить. А жаль. Я бы засвидетельствовала неуравновешенность. Невнятно пискнув, крыска подрывается следом, повисает на его локте, тесно прижимается, словно пытается врасти, слиться.

– Всего доброго, госпожа инспектор, – цедит мужчина на остатках вежливости, и чета Молл покидает кабинет.

Глаза бы мои их не видели.

Дождавшись хлопка двери, я раскрываю папку на первой странице и утыкаюсь невидящим взглядом в заявление. Я уже запросила подтверждение каждой справки, перепроверила каждую бумажку. Я нутром чую, что подвох есть. Почему я его никак не найду?!

А если...

Смутная идея толком не оформилась.

Я пролистываю кипу справок и выхватываю одну. Вот! Эту справку помог оформить адвокат, и к ней прилагается доверенность на его имя. Ничего особенного, почти все усыновители прибегают к помощи стряпчих. Меня заинтересовал не сам факт обращения, а фамилия юриста. Надо пробить, что за фрукт и не отметился ли он в других делах.

А еще надо разобрать две горы отчетов, и понять, почему от суммы, выделенной на приют, до детей дошла пятая часть средств. То

есть почему как раз понятно, кто-то решил, что ему нужнее, нежели оставшемуся без родителей ребенку. Моя задача выяснить имя, собрать доказательства, выдвинуть обвинения – одним словом, унылая рутина.

– Эночка, зайди, – прошу я. Как старшему инспектору, мне полагается не только личный кабинет, но и персональная помощница.

Эночка со мной больше года. Дочка богатых родителей, да еще и сочная блондинка с идеальной фигурой, большими голубыми глазами и пухлыми губами. Подозреваю, что в инспекцию Эночка пришла прятаться от своих многочисленных поклонников.

Госпожа Майс?

– Эночка, будь добра, завари чаю.

Чай у Эночки получается выше всяких похвал.

Дверь в приемную остается приоткрытой, до меня долетает звяканье ложки о блюдец, шум воды и запах ванили. Пока Эночка колдует над напитком, я составляю запрос.

Энна ставит передо мной чашку, а я в ответ протягиваю документ:

– Отправь немедленно.

– Адвокат Блез Дагота? Хм... Аврора Майс, у меня не очень хорошая память на имена, но, кажется, месяц назад он мне попадался. Вы тогда в командировку уезжали, а он помогал паре с удочерением.

– Вот как? – по спине пробегает холодок дурного предчувствия. – Энна, это важно. Найди мне все материалы по делу, в котором он участвовал. Я хочу знать, кем были усыновители и где они сейчас. Точнее, где ребенок. И запрос тоже отошли прямо сейчас.

– Что-то не так, госпожа Майс?

– Пока не знаю.

Серьезно кивнув, Энна выходит. Я не замечала за ней большой любви к детям, но зато Энна надежна. Если я прошу что-то сделать, можно не сомневаться – распоряжение будет исполнено дотошно и в срок.

Чай манит ароматом ванили, но прежде, чем сделать глоток, я прячу документы четы Молл в сейф. Как бы ни хотелось разобраться с Крыской и Пирожком как можно скорее, придется ждать новой информации, то есть проверить удочеренную девочку я смогу не раньше, чем завтра. А пока. Привилегия старшего инспектора пить чай, сколько душе угодно. Я позволяю себе расслабиться на долгие

пять минут, с блаженством вытянув босые ноги. Чай я всегда пью разувшись.

Входит Эночка, молча забирает опустевшую чашку, и для меня это знак, что пора возвращаться к работе. Мне понадобятся. Папка за папкой я выгружаю на стол отчеты, с которыми мне предстоит биться до самого вечера. Где-то в этих документах прячется ответ на вопрос, который меня очень интересует – куда ушли приютские деньги. Терпеть не могу, когда обирают сирот. На столешнице растут бумажные холмы, холмы стремительно превращаются в горы, и меня погребает под собой царство цифр.

Я погружаюсь в расчеты и окружающий мир перестает для меня существовать. Вот например, для детей якобы закупили новые кровати, но старые почему-то не списали. Более того, через месяц после закупки новых кроватей приходил столяр для их ремонта. Дети есть дети, могли сломать, но судя по размеру гонорара мастера, они кровати не то что сломали, а до состояния дров распилили. А тут вообще феерия: якобы в купальне провели косметический ремонт, а затем, вот совпадение, прорвало трубу. Естественно пол и стены пришлось вскрывать, трубы менять, а следом повторять дорогостоящий косметический ремонт. Расходы мыла тоже впечатляют, дети, похоже купаются в нем, а не в воде. Не знаю, сколько часов я так сижу, в какой-то момент цифры начинают слипаться в длинные ряды или наоборот прыгать по строчкам, ускользая от внимания, двоиться. Глаза режет, будто в них песка насыпали, шея затекла. Я бы сражалась с цифрами дальше, но понимаю, что больше упущу, чем найду, поэтому нехотя закрываю папку, ненадолго зажмуриваюсь.

Когда я открываю глаза, за окном уже темень.

– Эночка?

В ответ тишина. Я замечаю на столе остывший чай и записку «Госпожа Майс, я пыталась сообщить вам, что рабочий день закончен, но вы отослали меня».

Помощница неизменно уходит без пяти шесть, и я не могу ее осуждать. Сейчас на часах без пяти одиннадцать. Поморщившись, я убираю папки обратно в шкаф, накидываю на плечи форменный плащ, гашу свет, выхожу и запираю за собой кабинет.

Я живу не так далеко от инспекции, поэтому возвращаться предпочитаю пешком. Всего-то перейти шумный, залитый огнями

проспект, а дальше попетлять между многоквартирными домами, стоящими впритирку друг к другу. Квартал за узость улочек пренебрежительно прозван каменным мешком, но мне здесь нравится, хотя, говоря откровенно, зелени и свежести простора порой не хватает.

Уже у подъезда я ловлю себя на том, что пока шла, выпала из реальности и проскочила мимо угловой пристройки хозяйки Хошши. Женщина держит домашнюю кухню, готовит вкусно, берет недорого – идеальный вариант для одиночки вроде меня. Представив, что придется сначала возвращаться до пристройки, потом работать ложкой, я передергиваю плечами. Нет уж, усталость валит с ног, обойдусь без ужина, сразу замотаюсь в плед и спа-а-ать.

Я нашариваю в кармане ключ, поднимаюсь на третий этаж. На площадку выходят двери сразу четырех квартир, моя крайняя правая. Я отпираю. Мыслями я уже давно в кровати. Не глядя, делаю шаг вперед, но цепляюсь за что-то мыском ботинка и лечу на пол.

– Черт!

Кажется, я разбила коленку. Как маленькая.

Кое-как поднявшись, я дотягиваюсь до лампы. Зажигается свет, и я с унынием обзираю открывшийся разгром.

Обычно уборкой занимается приходящая раз в десять дней помощница по хозяйству, но позавчера она прислала записку, что приболела, и в результате порог завален бумажными пакетами, битком набитыми мусором. Я честно собиралась их выбросить, но утром постоянно забываю, а вечером тащиться до помойки откровенно лень. Я бы и сегодня проигнорировала пакеты, хотя от них уже пахнуть начинает, но их слишком много. Еще чуть-чуть, и они выселят меня из моей же квартиры!

Может быть, сойдет, если убрать только часть, самые, так сказать, ароматные?

Постояв немного, смиряюсь с очевидным – сами они не убегут. Присев на корточки, я подбираю рассыпавшиеся пустые упаковки, обертки, утрамбовываю в пакет. Чтобы лишнего не бродить, можно в каждую руку взять по два, благо пакеты объемные, но не особо тяжелые.

Прихрамывая, спускаюсь вниз. Помойка за углом дома, идти не так уж и далеко. Коленку больно... А еще сонливость отступает, и я отчетливо ощущаю, что голодна.

Два мешка я забрасываю в контейнер без проблем. Забрасываю и третий, а четвертый выскальзывает из пальцев, падает между ящиками, и к грохоту падения примешивается чей-то стон. Подозрительно новый ботинок, который я тоже приняла за мусор, дергается, и, прежде чем я успеваю отреагировать, из щели на меня вываливается мужчина с гнилой банановой шкуркой в темных волосах и хватает меня за ногу.

Я испуганно вскрикиваю, а мужчина ловко подсекает меня под и без того больную коленку, дергает на себя. Слишком быстро, я просто не успеваю реагировать, падаю на него. Мужчина перехватывает меня за руку, кожу припекает, будто к запястью прижали горячий кругляш.

Мы встречаемся с мужчиной взглядами.

– Я запрещаю звать на помощь, – внятно произносит он, и вдруг силы оставляют его, и он валится обратно в проем между мусорными контейнерами.

Я отстраняюсь, задираю рукав, недоверчиво смотрю на проступившую на руке татуировку. Печать?!

Глава 2

Я скучная зануда-инспектор, отвратительная хозяйка и убежденная холостячка, обожающая свою работу и предпочитающая людям цифры. Даже в юности я никогда не теряла голову и избегала сомнительные приключения. Почему, почему именно я попала в переплет?! Не занималась квартирой, и начинать не стоило, знала же, что домашние дела – не мое. Черт. Я обвожу татуировку подушечкой указательного пальца. Как будто ее можно так легко стереть, ха! Линии рисунка наливаются предостерегающим багрянцем. Я отдергиваю палец. Сомнений нет, мужчина приложил меня королевской печатью. Разумеется, не настоящей, а ее тенью двойником. Но какая разница? Приказ мужчины все равно что приказ самого короля.

«Запрещаю звать на помощь» – что он имел в виду? Что не нужно собирать толпу зевак или что вообще никого не нужно звать?

Не надо быть детективом, чтобы догадаться – мужчину кто-то преследовал, но упустил, однако, достать все же успел, вероятно, магией, раз крови я не заметила.

Моя бедная коленка.

Я поднимаюсь.

Мужчина, который, казалось, потерял сознание, реагирует на мое движение – снова хватается за ногу. Чтобы устоять, мне приходится схватиться за край контейнера, и, конечно, я попадаю рукой во что-то скользкое и одновременно липкое. Вот мерзость!

Я опускаю взгляд на недобитка.

Зло берет. Не на мужчину, а на ситуацию и собственное невезение.

– Леди, именем короля приказываю оказать мне содействие.

Печать напоминает о себе легким покалыванием и теплом.

– Да понятно, что обратно в мусорку вас уже не закинуть, – вздыхаю я. Вне работы я и вежливость плохо совместимы. Слова срываются с языка до того, как я вспоминаю, что передо мной вообще-то доверенное лицо короля. Скажи мне кто, что встречу птицу столь высокого полета, в жизни бы не поверила.

К счастью, мужчина пропускает мой вздох мимо ушей.

– Помогите мне встать.

Ничего, что я леди, а не грузчик?

– Может, вы потерпите, пока я вызову лекаря?

– Нет!

– В смысле «нет»? Я в оказании первой помощи не смыслю, а вам помощь явно нужна.

Мужчина не отвечает, слышно только его тяжелое дыхание. Хватка на ноге усиливается, щиколотку будто капкан сдавливает. Предчувствие синяков не оставляет места сочувствию, да и вряд ли мужчина в нем нуждается. Особенно шумно вдохнув, он, наконец, отпускает меня, переворачивается на четвереньки.

– Никого нельзя. Меня ищут, – он пытается ухватиться за стенку контейнера, но рука соскальзывает.

Я наклоняюсь, подхватываю его под локоть. Неожиданно, но с моей помощью он встает очень легко, правда, тут же едва не заваливается обратно. Я смутно понимаю, что делать дальше. Судя по настрою, от экипажа мужчина тоже откажется, иначе бы он уже отправил меня искать извозчика. Но в таком состоянии, как у него, мужчина никуда не дойдет.

Банановая шкурка, до сих пор каким-то чудом продолжавшая держаться в его волосах, съезжает по лбу на нос и падает.

– Это что, помойка? – хрипло спрашивает он.

– Может, все-таки лекаря? Неофициально, – вопрос я тактично игнорирую, вряд ли мужчине станет легче, если я подтвержу, что да, помойка.

– Леди, вы живете неподалеку?

А это к чему? Дурные предчувствия усиливаются, но не ответить нельзя. И врать нельзя.

– В этом доме.

– Прекрасно. Вас послали мне боги. Я остановлюсь у вас.

– А меня толкнули черти, не иначе.

Мужчина с восхитительной наглостью опирается на мое плечо. К счастью, он не обрушивает на меня свой вес и не повисает безвольным мешком, тащить на себе, как я опасалась, не приходится. Больше того, мужчина довольно бодро перебирает ногами, но при этом его ужасно шатает. Похоже, я угадала насчет магии. Вероятно, удар был ментальным, мужчина с трудом ориентируется в пространстве, для него, что тротуар, что небо, что стена дома – все едино.

До подъезда я его довожу без особых затруднений, подумаешь, шли не по прямой, а выписывали зигзаги. Нестоящим препятствием становится лестница. Меня всерьез пугает, что мужчина либо сверзится через перила вниз, либо опрокинется назад.

– Черт бы тебя побрал, – на мое ворчание он все равно не реагирует, можно хоть словесно душу отвести.

Коленку больно, загаженный форменный плащ жалко, а уж про квартиру лучшее вообще не вспоминать. Я привыкла считать ее своей личной территорией, и вдруг получаю подселенца. Я очень смутно представляю, куда его девать. Квартира у меня бывшая однокомнатная, мастера отгородили мне спальный закуток тонкой кирпичной перегородкой и получилось подобие двух комнат. Каждая размером с будку, ага.

– Леди...

Я все-таки его уронила.

Странно, что всего один раз.

Оставив мужчину на ступеньках, я поднимаюсь на лестничный пролет одна, открываю квартиру и зажигаю лампу. Света, чтобы осветить лестницу полностью, не хватает, но по крайней мере не придется дальше карабкаться в кромешной темноте.

За недобитком-подселенцем возвращаюсь.

У нас еще минут пять уходит, чтобы преодолеть последние метры. Я конвоирую мужчину в гостиную и подталкиваю в сторону двухместного диванчика, идеально вписавшегося между дверью и шкафом. Продавленный, побитый молью, удобный, как растоптанные тапочки. Мужчина проводит ладонью по обивке запрокидывает голову на скругленную мягкую спинку и закрывает глаза. Похоже, выдохся.

Я зажигаю вторую лампу. Мужчина никак не реагирует на яркий свет. Хотя какой он мужчина? Лицо юное. Навскидку я бы дала ему двадцать четыре или двадцать пять. В каждой черточке прослеживается порода, у простолюдинов не бывает настолько скульптурных лиц, да и насыщенный каштановый цвет волос признак принадлежности к аристократии. Парень как минимум чей-то бастард. Впрочем, ничего нового, о его происхождении лучше всего говорит сам факт, что у него был теневой двойник королевской печати. Выше только король.

Рослый, но не крупный, тренированный. И надо честно признать – приятный взгляду.

Одежда. никакая. Темная кожаная куртка, темные брюки. Парень предусмотрительно оделся так, чтобы не выделяться в толпе, но в то же время я отмечаю и качество материала, и пошив, вещи сделаны явно на заказ. А еще куртка не по погоде плотная, будто надета из расчета на удар ножом. Хотя, возможно, что как раз именно с таким расчетом она и надета.

Сопит безмятежно...

Нет, я прекрасно осознаю, что злиться на парня не за что, и что такого сна, как у него, врагу не пожелаешь, но все равно раздражает. Я не особо ласково расстегиваю пуговицы и отбираю куртку, бросаю ее на подлокотник, затем стягиваю с парня ботинки, но их в комнате не оставляю, а выношу в коридор и плюхаю на один из пакетов с мусором. Второй раз идти к помойке у меня духу не хватит. Квартира, простите, не безразмерная. Я проверяю, заперла ли я входную дверь и возвращаюсь в гостиную.

Отобрать у парня рубашку? Увы, я слишком устала, чтобы развлекаться подобным образом. Я вытаскиваю из шкафа свежую наволочку. Я сплю с двумя подушками, запасных нет, так что придется пожертвовать свою. Одеяло вообще только одно, но в шкафу есть шерстяной плед, да и не холодно, не должен замерзнуть.

– И что с тобой делать? – продолжаю я ворчать вслух.

Попытка уложить парня закончилась провалом – ноги на диване не поместились, а сам он так и не проснулся. Может, попробовать свернуть его в клубок как ежика? Или просто оставлю как есть, пусть ноги торчат в прихожую, не мешает.

Наскоро умывшись и сполоснувшись, я с унынием осознаю, что от ужина в пользу сна я отказалась напрасно, время глубоко за полночь, утром на работу. Выспаться мне не грозит. А ведь встать, наверное, придется раньше из-за недобитка.

Кстати, ему повезло. На кухне нашлась последняя чистая чашка. Посуду я тоже не мою, складываю в раковину и оставляю помощнице. Когда она сможет прийти? Даже если завтра, посуда все равно уже кончилась. В чашку я наливаю питьевую воду, отношу в гостиную, ставлю на столик у дивана, гашу свет и с чувством выполненного перед Короной долга, уползаю спать.

Я наивно надеялась проспать до утра?
Посреди ночи я подсакиваю от оглушительного грохота.

Глава 3

Землетрясение? Вторжение вражеских войск?

Сперва я вообще не могу понять, почему в тихом квартале громоподобный грохот. На улице тихо, грохотало в моей квартире. Может, притвориться, что я ничего не слышала? Грохот повторяется.

Ругнувшись, я встаю. Не знаю, хочу я спасти кухню от недобитка или недобитка от кухни.

– Что происходит? – я врубаю свет. – О-о-о. Моя любимая чашка!

Сама не знаю, как так повелось, коллеги на праздники дарят мне исключительно чашки, и у меня их накопилось несколько десятков. Использованные я ставила одну в одну и собирала в аккуратные башенки.

Недобиток лежит под столом, а весь пол от стены до стены усеян осколками.

Проморгавшись, парень ошеломленно смотрит на меня. Я запоздало осознаю, что спросонья вышла в кухню, как была, в брючной пижаме. Впрочем, ткань плотная, все, что нужно скрыть, скрывает. Парень отводит взгляд, садится, оглядывается:

– Которая именно любимая?

– Каждая.

– Я все еще в помойке, да?

А вот это было грубо, хотя, надо признать, справедливо. Ну не умею и не люблю я заниматься домом, что теперь? Живу я, можно сказать, на работе, а в квартиру прихожу ночевать. Чистоту поддерживает помощница, но она заболела и получилось, что получилось. В конце концов, я не рассчитывала на гостей.

– Вам лучше?

Парень довольно уверенно встает. Вряд ли головокружение прошло окончательно, в движениях заметна неуверенность, но по крайней мере парень больше не шатается. Он еще раз оглядывается. По-моему, он отказывается верить своим глазам. Привык во дворце к хоромам.

Интересно, он что-нибудь в своей жизни кроме роскоши видел?

Пожалуй, мне его даже самую малость жаль.

– Спасибо за воду, леди, но ту, что вы оставили, я уже выпила, а после ментального оглушения жажда очень сильная.

Значит, природу удара я определила верно.

– На подоконнике в графине слева от вас. Питьевую воду я покупаю в ледяных брикетах, они в холодильном ящике. Нужно что-нибудь еще? – я неожиданно для себя зеваю, едва успеваю прикрыться ладонью.

Парень неведь чему удивляется, словно уставших людей никогда не видел.

– Н-нет, благодарю, леди.

– В таком случае, – я киваю на осколки чашек, – почувствуйте себя как дома.

Хах, как и задумывалось, традиционное предложение гостеприимства прозвучало настоящим проклятьем.

Я разворачиваюсь, и, зевая, возвращаюсь в спальню, забираюсь обратно под одеяло, переворачиваюсь на правый бок. Сон накрывает моментально, но прежде, чем я проваливаюсь в черную бездну без сновидений, я еще успеваю поразиться, что соседство с незнакомцем меня никак не тревожит, это совершенно не в моем характере. Во мраке сна что-то мерещится, но настолько неявное, что когда во тьму врывается писклявый вой будильника, остается лишь тягостное ощущение.

Противное дребезжание бьет по ушам, я специально выбрала будильник с самой мерзкой трелью, такая даже дохлого поднимет.

В дверь раздается стук:

– Леди, что происходит?

Сонливость моментально слетает. Я подскакиваю.

– Черт, так вы мне не приснились, – я отключаю будильник.

– Я не черт, леди.

Пф-ф!

– Господин Не-Черт, не могли бы вы уйти на кухню? Мне нужно привести себя в порядок.

– Да, леди.

Из-за двери раздаются приглушенные отдаляющиеся шаги, проход в ванную свободен, но умывание подождет. Первым делом я подношу руку к лицу. Исчезновение татуировки сделало бы это утро

по-настоящему добрым, но печать за ночь никуда не делась, и в ответ на мое внимание линии наливаются багрянцем.

Жаль...

Корона, скипетр и печать являются не только символами власти, но и древними артефактами. Их истинная мощь, естественно, скрывается и является одной из самых охраняемых государственных тайн, но некоторые возможности артефактов широко известны. Печать с моей кожи исчезнет, как только я выполню приказ. «Оказать содействие». Я эгоистично надеялась, что того, что я уже сделала, будет достаточно, но нет. Может, мне придется отправиться во дворец, чтобы сообщить о недобитке? Перспективы неприятные.

Добравшись до кухни, уже полностью одетая, только форменный плащ накинуть осталось, я обнаруживаю парня сидящим за столом, причем держится он с таким видом, будто находится в дворцовой столовой на званом королевском ужине, а не на убогой кухне. Из-за диссонанса я даже с мыслью сбиваюсь на секунду.

Пол так и усыпан разноцветными черепками. Нет, я не ждала, что парень бросится прибираться, после того как разгромил два башенки чашек. Не факт, что он вообще знает, с какой стороны за веник браться, уборкой занимаются слуги. Меня цепляет, что он не испытывает ни капли смущения. Я буравлю его неприязненным взглядом, не скрывая отношения. Парень лишь усмехается и разводит руками. Да, он прав, поступая на государственную службу, я принесла присягу. Пустая церемония, если честно, потому что никакой магии не хватит контролировать десятки тысяч человек, однако след в ауре все же остается, именно поэтому теневой двойник королевской печати на мне сработал, и не подчиниться я не могу, не столько из-за того, что отказ будет расценен как государственная измена, сколько из-за того, что татуировка сперва начнет беспокоить, потом жечь, а может и вовсе убить.

– Рада, что вам лучше, господин Не-Черт.

– Доброе утро, леди. Сожалею, что мой бодрый вид ввел вас в заблуждение. Я оправился от оглушения, это правда, но все еще мало на что гожусь. Мне нужно восстановиться.

Чашка, в которую ночью я наливала недобитку воду, уцелела. Себе возьму использованную, из которой я пила всего один раз, ошпарю кипятком, и сойдет. Чай, как Энночка, я заваривать не умею, помню,

она пришла в ужас, когда в первый день работы, увидела, что я пью. С какой жалостью она на меня смотрела... На следующий день она принесла новую заварку и пакетик с ванилью.

Поставив на стол чашки, я достаю из шкафчика сухари и сажусь.

– Приятного аппетита, господин Не-Черт. Я правильно понимаю, вы хотите, чтобы я сообщила о вас и сказала, откуда забрать?

С татуировкой во дворец меня не сразу, но пропустят. День, увы, убит. Но может, успею навестить удочеренную девочку?

– Нет, леди, ни в коем случае, – парень отвечает слишком серьезно, даже намек на ухмылку исчезает с его выразительного лица.

– Простите?

– Леди. Меня пытался убить человек, которого я считал другом и которому безоговорочно доверял.

– Не. преступник?! – я потрясенно смотрю на парня.

Я предположила, что недобиток служит в Королевском комитете безопасности, вероятно, напал на след особо опасного преступника или узнал нечто важное, но был замечен и с трудом ушел от погони. Но парень утверждает, что преступником оказался кто-то свой. Это ведь... невозможно. Только что парень пошатнул мою картину мира.

Помимо присяги, которую дают мелкие чиновники вроде меня, есть еще Большая церемония, во время которой присяга принимается лично королем, и в ритуале участвуют королевские регалии. Предать невозможно. Если король доверил парню теневого двойника печати, то не мог предварительно не получить абсолютную верность. Почему предатель не был связан клятвой? Или контроль можно сбросить? Не уверена, что мне нужно знать подробности, государственные тайны смертельны. Но даже так я могу сказать, что происходит что-то очень плохое.

– Леди.

– Нет-нет, не надо, – перебиваю я и даже ладони вскидываю в защитном жесте. – Я спросила, не подумав. Лучше скажите другое. Чтобы я встретила непосредственно с королем, вы тоже не хотите?

Не факт, что это осуществимо.

– Нет, леди. По двум причинам. Во-первых, добиваясь аудиенции, вы привлечете слишком много внимания, и те, кто хотят моей смерти, придут первыми. Во-вторых, его величеству будет проблемно

заниматься моим вопросом. Нет, леди, мне нужно восстановиться. И после этого я уйду.

Обещание недобитка пугает до чертиков.

Глава 4

Трон под королем шатается – вот что сказал недобиток. Логика простая: беспорядок во дворце ведет к хаосу в стране. Моя тихая мирная жизнь под угрозой, ни улицах в любой момент может стать опасно. И сироты... О них власть будет беспокоиться в последнюю очередь.

– Должна ли я остаться с вами, господин Не-Черт. Кстати, как мне следует к вам обращаться?

– Как вам нравится, леди. «Не-Черт» вполне годится. Свое настоящее имя я вам не назову.

– Да, конечно, – настоящего имени я и не ждала, но в свете дня придуманное со злости прозвище не кажется уместным.

Наверное, парень бастард, в нем нет ни высокомерия, ни аристократической спеси, зато практичности на десятилетия хватит.

– Оставаться нет необходимости. Чем вы мне можете помочь? Разве вы целитель? Ваш прогул привлечет внимание, смертельно опасное для нас обоих.

Я всего лишь выносила мусор. Почему все обернулось так?!

Впрямую парень опять же не говорит, но выводы делать я умею. Во-первых, если его найдут враги, меня уничтожат вместе с ним как свидетеля. Во-вторых, недобиток ожидает масштабных поисков, раз даже прогул никому не нужного инспектора Опекки грозит вызвать интерес ищущих.

– Господин Не-Черт, могу я узнать, как долго вы у меня пробудете? Речь идет о сроке в день-два или большем?

– Не терпится от меня избавиться, леди? – хмыкает он.

– И это тоже, но спрашивала я из иных побуждений. Если вы задержитесь, то вам явно нужна сменная одежда. В моем гардеробе мужских вещей нет.

– А, вот вы о чем. Да, я задержусь.

Какая жалость.

Сухарь, который я опустила в чашку, давно раскис. Привычку размачивать я «подцепила» у старой няни, доживавшей свой век при сиротском приюте. Я вылавливаю ошметки чайной ложкой и съедаю.

Парень смотрит шокированно. Хах, я только что страшнейшим образом нарушила столовый этикет. Честное слово, я не нарочно, просто отвлеклась на размышления и забылась.

– Вечером приведу помощницу по хозяйству, она все уберет.

Раз «моя» болеет, на один раз приглашу дочку хозяйки Хошши, например. Вот если бы я сразу это сделала, а не тянула до последнего, никого подселенца в моей квартире сейчас бы не было.

– Леди?

– Да?

– Леди, вы ручаетесь своей жизнью, что уборщица не сплетничает в городской страже?

Парень мог бы высмеять, но вместо этого спрашивает абсолютно серьезно, позволяет самой осознать грубейшую ошибку. Уж если прогул опасен, хотя можно сослаться на мигрень и взять отпуск, то посторонний человек в квартире, каким бы безобидным он ни казался, опасен. Да даже если моя прежняя помощница поправится – с чего мне ей доверять?

– Оу... Простите, сглупила.

Я окидываю взглядом пол. Я должна сама убирать черепки? Может быть, отпинать их в угол достаточно? В конце концов, это просто керамика, ничего плохого не случится, если она немного полежит у стены. А когда все закончится, домработница подметет. Ладно, подумаю об этом вечером.

– Мне пора, господин Не-Черт, и так уже опаздываю, – я залпом допиваю остатки чая и поднимаюсь из-за стола.

Недобиток кивает и галантно встает вслед за мной, провожает до входной двери.

– Берегите себя, леди.

Вот интересно, парень более-менее уверен, что я не побегу его сдавать или слепо рискует, потому что я его единственная надежда?

– Спасибо, я буду осторожной. Вернусь. Обычно я задерживаюсь на работе допоздна, но если во второй половине дня посетить приют, то в инспекцию можно не возвращаться, вопросов ни у кого не возникнет. Хорошего дня, господин Не-Черт. Ах да, у меня еще где-то пряники были.

Я захлопываю дверь, запираю.

Раз внимание привлекать запрещено, сходить к хозяйке Хошши и принести недобитку завтрак я уже не успеваю. Бедный парень, кроме чая, сухарей, каменных пряников и сливочного масла, у меня ничего съедобного нет.

Ой, я опять забыла пакеты с мусором. Но не возвращаться же теперь! Я уже спустилась.

По тесным улочкам я почти бегу, придерживаю полы плаща. Вчерашний, запачканный, я бросила в корзину к прочей одежде. Те же блузки я в обязательном порядке меняю каждый день, так что в корзине тоже гора накопилась. В шкафу запас свежих вещей все меньше. На проспекте я притормаживаю, покупаю у лоточницы два горячих пирога с мясом, морщусь. Я хоть и не готовлю, но обычно не позволяю себе питаться кое-как. Правильно говорят, что неприятности – существа стайные, навалилось все одно к одному.

Здороваясь с коллегами, я торопливо поднимаюсь в свой кабинет. Эночка уже здесь. Напевая под нос детскую песенку про растяпу-мага, перепутавшего все зелья на свете, она сосредоточенно подпиливает и без того идеальные ногти.

– О, госпожа Майс! – Эночка приподнимается в знак приветствия, но не встает и пилочку не откладывает.

– Доброе утро, – улыбаюсь я.

– Госпожа Майс, такие новости!

– Ответ на запрос пришел? – удивляюсь я. Раньше полудня я документов не ждала.

Эночка смотрит на меня с легкой укоризной и переходит на заговорщицкий шепот:

– Нет, Аврора Майс. Новости из дворца. Вы не поверите, что случилось!

– Вот как?

По спине прокатывается холодок дурного предчувствия. Неужели грянуло?

– Покушение на жизнь короля!

Ох, теперь ясно, почему парень сказал, что прорваться на аудиенцию шансов нет.

– Его величество не пострадал? – хмуро уточняю я.

Эночка выбирается из-за стола, и шепчет уже на ухо:

– Кто знает? Нападение совершил принц, и по официальной версии его величество слег от душевного потрясения, а принц сумел сбежать, и теперь его ищут.

Совпадение или...? У меня нет представления о принце, знаю только, что он родился чуть больше двадцати лет назад и в свете появился один единственный раз – в день своего дебюта.

По возрасту недобиток подходит, однако со слов Энны получается, что принц бежал из дворца, спасаясь после неудавшегося убийства. Времени переодеться у принца не было, а недобиток одет совсем не по-дворцовому. Опять же, манера общения. Парень умеет быть очаровательно наглым, но при этом в нем нет ни капризности, ни властности. Вряд ли принц стал бы разговаривать со мной как с равной, а парень стал. Получается, что все-таки совпадение. Возможно, он один из пособников принца?

Я с трудом удерживаюсь, чтобы не погладить татуировку. Лучшее решение – не лезть, не знать, ведь если недобиток действительно принц, я должна его выдать, не так ли?

– Будем надеяться, что его величество быстро оправится и наведет порядок.

– Да-да, именно так.

Попросив у Энны чай, я прохожу в кабинет.

Надо бы о проблемах приюта думать, но из головы не выходит недобиток. Если он преступный принц, то почему он так легко позволил мне уйти? «Оказать содействие» настолько размытая формулировка, что при желании выдать парня я смогу. Запереть меня в квартире не получилось бы, запаса сухарей и на пару дней не хватит, но связать гораздо более жесткими запретами – легко.

Да бред, из него принц как из меня принцесса.

Я выгружаю из шкафа папки и ныряю в расчеты. Концентрация на цифрах дисциплинирует разум и избавляет от пустых домыслов. Я с первого взгляда замечаю то, что пропустила вчера: уроки у двух классов ведут учителя-однофамильцы с одинаковыми инициалами. Готова спорить на что угодно, что это один и тот же человек. Получается, в класс вместо положенных тридцати человек набивается шестьдесят?

Очень хочется потряхнуть приют немедленно, но я сдерживаюсь. Сперва надо закончить с документами, чтобы спросить сразу за все, не

дать ни единого шанса.

— Госпожа Майс, поступил ответ на первый запрос. Пара, удочерившая интересующую вас девочку, проживает в Бегольском районе.

Интерлюдия 1

Керт

Дверь закрывается, в замочной скважине с щелчком поворачивается ключ, раздаются торопливые шаги и тотчас стихают. Моя невольная спасительница ушла, и я обессиленно приваливаюсь к стене, переживая мучительный приступ слабости. Ментальный удар не просто оглушил, удар начисто лишил меня магии. За грудиной, где я всегда чувствовал пульсацию энергии, сосущая дыра, и надеяться, что рана затянется, неоправданный оптимизм. Возможно, прямо сейчас я умираю буквально.

Теснота кажется удушающей, квартира не намного просторнее гроба, хотя вряд ли я могу рассчитывать на такую роскошь, как торжественные похороны. Полагаю, меня сожгут, а прах развеют. Стать ветром не так уж и плохо, да?

Прямо сейчас я ни на что не годен, единственное, что в моих силах – медленно восстанавливаться и думать. Ум – это все, что у меня осталось, и как бы ужасающе беспомощно я себя ни чувствовал, пока я жив, я буду сражаться.

И для начала мне стоит познакомиться с леди, от которой в ближайшие дни будет зависеть моя жизнь. Взгляд упирается в бумажные пакеты с мусором. Три из них опрокинуты и частично просыпались. Судя по запашку, выставлены к порогу давно.

Парадокс...

Среди людей водятся те еще свиньи, грязью в квартире меня не удивить. Однако назвать квартиру захламленной язык не поворачивается. Вероятно, пакеты зацепил я, когда леди ночью тащила меня невменяемого, а до этого пакеты стояли в два ровных ряда. Я легко могу представить, как леди по мере накопления ставила пакеты поочередно в правый и левый угол у двери, пока они не заполнили все пространство вдоль порога. Почему не выносила – загадка. А, нет, вчера я помешал ей. Но почему она добила до последнего?

На кухне использованной посуды не так уж и много, леди явно чаще питается вне дома, две тарелки и приборы замочены в тазике с водой, ждут, когда их помоют.

Чашки... Чашки были составлены одна в одну и стояли у стены аккуратными столбиками.

Леди явно привыкла к порядку, только он у нее своеобразный. Я бы ни за что не додумался раскладывать мусор по системе.

И, наконец, я подхожу к корзине с одеждой в стирку. Сверху брошен форменный плащ. Я приподнимаю полу.

Чувствую себя извращенцем, копающемся в грязном белье. В белье я, естественно, не полезу, достаточно блузки. Не засаленная, не затасканная, всего лишь один раз надеванная. Опять же, утром леди шумела в ванной, и я готов ручаться, что она занималась гигиеной, а не плеснула в лицо пару пригоршней воды вместо умывания.

Странная женщина. Имя я. не спросил.

Пожалуй, я не могу назвать ее симпатичной. Ей больше подходит миловидная. Светловолосая, голубоглазая – обычная. Встреть я ее на улице или в учреждении, не обратил бы внимания, но и неприятия она бы у меня не вызвала.

Я возвращаюсь на кухню.

Что за дрянь у нее вместо чайной заварки? Сухари так и остались на столешнице, но мне, чтобы восстановиться требуется явно нечто посущественнее.

Под ногой хрустит черепок. Я отбрасываю его в сторону. Прежде я никогда бы не стал есть в такой обстановке, но прежде я и не проигрывал.

Я прохожусь по шкафам в поисках съедобного, но шкафы пусты. Только в одном из них мне попадаются четыре круглых камня, которые леди называла пряниками. Желудок нехорошо отзывается на мысли о предстоящей голодовке, которая совсем не способствует выздоровлению. На всякий случай я открываю холодильный ящик.

Как она живет? Нет, серьезно – как?! Уму непостижимо. В холодильном ящике аккуратными стопочками сложены брикеты замороженной питьевой воды и сливочное масло? Я закрываю ящик, оглядываюсь. А. что мне поесть-то?! Да уж, щенка или котенка я бы этой леди не доверил.

На столе под полотняной салфеткой, защищающей от пыли, я нахожу нож для рыбы, двузубую вилку для оливок и с десяток чайных ложек. В тазике обнаруживается поварский тесак и лопатка для торта. Чем из этого я должен отрезать масло? Не уверен, что мой учитель

этикета сможет дать ответ. Я выбираю нож для рыбы, он чистый, и устраиваюсь за столом уплетать намазанные жиром сухари. Этот завтрак, если я все-таки сумею выжить, я буду помнить до конца своих дней.

Каменные пряники я мстительно оставляю хозяйке.

Взгляд снова цепляется за черепки. Пожалуй, мне интересно, как вечером поступит леди. Похоже, она считает, что пока она готова платить домработнице, домашние дела ее не касаются. Такой образ мысли вряд ли будет у простолюдинки, да и внешность выдает в ней леди. У крестьянок не бывает изящных маленьких рук и длинных тонких пальцев. Но странно, что аристократка поселилась в «каменном мешке». Она отказалась от связи с родней? Но ведь все равно могла выбрать более респектабельный район для переезда, не похоже, что у нее проблемы с финансами.

Разобраться важно, ведь она та, от кого зависит моя жизнь.

За размышлениями я не замечаю, как догрызаю последний сухарь. Голод притупился, но головокружение только усиливается. Я придерживаюсь за край стола, пережидая приступ.

Я рассчитывал спокойно проанализировать события последних дней, начать работу над планом, прикинуть свои ближайшие действия, но меня буквально валит с ног. Чтобы не растянуться в битых черепках, по стене я добираюсь до дивана, падаю и отключаюсь.

Когда я открываю глаза, в комнате царит полумрак. Здесь нет ни окна, ни часов, судить о времени трудно. Я прислушиваюсь. Квартира молчит.

Леди до сих пор не вернулась?

Я поднимаюсь, зажигаю лампу, прохожу на кухню. Не заметив, наступаю на один из черепков. Они все еще здесь? Хах, разумеется, ведь слуг нет.

На кухне едва слышно тикают антикварные часы. Время близится к восьми вечера. Рабочий день у государственных служащих заканчивается в шесть. Я весь день проспал? Чувствую себя физически лучше, а в смысле магии только хуже, образовавшаяся дыра словно тепло из меня вытягивает, неприятное ощущение, которое легко было игнорировать, становится весьма болезненным.

Я вынимаю их холодильного ящика брикет льда, бросаю в чайник. Пока вода закипает, подхожу к окну, сдвигаю плотную штору. Я хочу

увидеть подъезд, увидеть входящую в него леди, но открывающийся вид... Вида как такового нет, прогал шириной два метра, и стена следующего здания, окна в котором также зашторены. Нет, мне не нужно, чтобы меня кто-то случайно заметил, рассмотрел. Я задерживаю штору.

Где леди?!

Утром она сказала, что опаздывает, когда было без двадцати девять, то есть до места работы ей добираться меньше получаса. Она должна была вернуться давным давно, но ее все нет.

Ей отчетливо не понравилось, что я втягиваю ее в неприятности. Она могла взять срочный отпуск и сбежать?

Глава 5

Личное дело девочки я читаю на ходу, в тряском экипаже. Естественно, я не стала тащить с собой полный комплект документов, только заключение с самой основной информацией. Меня не покидает ощущение, что я безнадежно опаздываю. Может, стоило взять пару стражников в качестве сопровождающих? А как я объясню? Интуиция, увы, не аргумент.

При беглом просмотре я нашла только одну зацепку, но ее совершенно недостаточно, чтобы бить тревогу. Инспектор Опекі обязан время от времени навещать усыновленного ребенка и проверять, в каких условиях малыш живет, однако в законе не установлены конкретные сроки. С одной стороны, это правильно, проверка имеет смысл, когда она внезапная. С другой стороны, некоторые мои коллеги, и их, к сожалению, немало, трактуют закон в сторону уменьшения объема работы, проверяют ребенка на второй-третьей недели после принятия в семью и через год.

Девочку удочерили всего месяц назад. Отчет о проверке отсутствует. Черт, это даже зацепкой не назвать – сроки пока еще не нарушены.

Опять же, если я напрасно паникую, то приход стражников может напугать малышку.

– Прибыли, госпожа инспектор.

Я еще раз проговариваю про себя имена удочерителей, сверяюсь с документами и прячу папку в сумку, выбираюсь на мостовую.

Извозчик кивком показывает нужный мне подъезд.

– Благодарю, – я вручаю ему квитанцию.

Проезд для меня бесплатный, в конце месяца извозчик сдает квитанции в Дорожный департамент и получает оплату по фиксированной ставке, но главное – это налоговые льготы и бесплатное продление лицензии, так что чиновники у частных желанные пассажиры.

– Ждать, госпожа инспектор?

– Не уверена, – честно отвечаю я и вхожу в подъезд.

Семья живет в многоквартирном доме, на втором этаже в трехкомнатной квартире, не считая гостиную. Супруга домохозяйка, супруг помощник управляющего магазином тканей. Я поднимаюсь по просторной лестнице и три раза ударяю по пластинке изящным молоточком.

А я молоточком так и не озаботилась... Если я кому-то понадоблюсь, человеку придется долбить кулаком.

В ответ тишина.

Я стучусь настойчивее, но изнутри не доносится ни звука. Время – день, семья вполне могла выйти на прогулку

Ждать? Я в третий раз повторяю серию ударов, и реагируют соседи.

– Если нет никого, зачем грохот поднимать? – на пороге появляется дородная дама в заляпанном соусом фартуке. Тугие кудряшки на голове воинственно подпрыгивают.

– Добрый день. Старший инспектор Опеки Аврора Майс, – представляюсь я.

Сухой официальный тон действует на женщину успокаивающе. Она хмурится:

– Опека – это же по детям, нет?

Верно.

– Тогда к кому же вы? На нашей площадке детей нет. Вот у соседей сверху каждый вечер, как время укладываться спать, орет на весь дом.

Не поняла юмора...

Я достаю папку, сверяю адрес. Может быть, я квартирой ошиблась? Нет, все верно, я стучалась именно туда, где должна быть девочка.

– Госпожа, не могли бы вы мне помочь? Ваши соседи Олена и Ган Вито?

– Нет, не они. Впервые слышу, хотя. Вы сказали «Ган»? Пару месяцев назад видела я пару, и вроде бы она называла мужа то ли «Гар», то ли «Гам». Наверное, он был Ган. Они купили квартиру, отремонтировали. Целую неделю шумели. Но потом почему-то не переехали, а недели три назад появилась вдова Жаклин. Вроде бы она новая хозяйка. Глуха на оба уха, так что стучите в дверь, если хотите с ней поговорить.

Эм? Сначала она сделала мне выговор за то, что я шумлю, а теперь сама же советует бить еще громче?

– Менять место проживания без одобрения инспектора Опекі запрещено.

– Мне-то какое дело? – поражается женщина.

– Извините.

Она выходит из квартиры, оттесняет меня в сторону и пинает нужную мне дверь ногой. Один удар, второй.

– Вот как надо! – заявляет она, глядя на меня с превосходством, и возвращается к себе, хлопнув напоследок.

Меня на прощание обдает ароматами чего-то невероятно вкусного. Рот наполняется слюной, я сглатываю.

Из нужной мне квартиры наконец-то доносятся шаркающие шаги, замок открывается бесшумно. Соседка не обманула, передо мной кто угодно, но не приемная мать девочки. Той тридцать сем, а женщине лет семьдесят, седая, с высохшей испещренной морщинами кожей, на дочерительницу она не тянет.

– Здравствуйте, – громко здороваюсь я и показываю свой служебный значок. – Старший инспектор Опекі Аврора Майс.

Женщина смотрит на меня непонимающе:

– Опекa? Но, госпожа, мне не по возрасту с детьми возиться, куда же мне ребенка-то?

Она решила, что я хочу принудительно вручить ей малыша на попечение? К счастью до такого маразма у нас еще не додумались.

– Что вы, я ищу людей. Вероятно, они проживали здесь до вас. Не могли бы вы ответить мне на несколько вопросов? – навязываться нехорошо, но орать на пороге некрасиво, тем более речь о ребенке, только вот женщина либо намека не понимает, либо игнорирует, в квартиру она меня не приглашает. – Скажите, вы являетесь собственницей квартиры или вы арендуете? Имена Олена и Ган Вито вам о чем-нибудь говорят?

– Да, я купила у них квартиру.

Надо запросить официальные данные, но пока получается, что чета приобрела квартиру, отремонтировала под требования Опекі, а затем... продала, не имея на это никакого права. Мне не понятно, как они чисто технически это провернули. Опекa выдает положительное заключение и одновременно отправляет в Жилищный комитет

«детское» уведомление. Департамент не мог признать сделку законной без одобрения инспектора, но никакого одобрения не было, в деле о нем ни слова.

– Простите, а когда именно? Случайно, дату не помните?

Если предположить, что господа заключили сделку сразу после ухода инспектора. Нет, все равно не сходится. Проверка законности длится не менее трех дней, «детское» уведомление успело бы поступить.

– Чуть меньше двух месяцев назад.

– Как? Месяц назад Ган Вито был собственником, – это данные из Департамента.

Вообще ничего не понимаю.

– Мы подписали договор два месяца назад, но в силу он вступил месяц назад, когда я внесла оплату.

Ах вот как.

Честно говоря, я первый раз с таким сталкиваюсь. Ничего себе дыра у нас в законодательстве. Да это не дыра, а целая дырища. Черт, похоже Блез Дагота гораздо опаснее, чем мне представлялось, ушлый тип.

Хорошая новость одна – теперь я знаю, где получить аргументы. Час в Жилищном департаменте, и я подниму тревогу.

Вниз я спускаюсь в слегка приподнятом настроении. Ситуация страшная, но я радуюсь, что поиски сдвинулись с мертвой точки, причем Крыску с Пирожком я тоже прижму. О том, что может быть слишком поздно, я стараюсь не думать. Это ведь не моя вина, правда? Хах, как будто для девочки есть хоть какая-то разница, кто виновен. Так, не о том думаю. Важнее всего правильно спланировать и собрать минимум документов, с которыми можно идти к дознавателю.

Я настолько погружаюсь в себя, что не замечаю дороги. Казалось, только тронулись, и вот уже приехали.

– Ждать? – уточняет извозчик.

– Как получится.

Час – это слишком оптимистично.

В Жилищном департаменте мне бывать не доводилось. Как инспектору Опекы. Когда я покупала квартиру, разумеется, проходила регистрацию.

На первом этаже ведется прием горожан. Махнув значком, я сразу поднимаюсь на второй. Пожалуй, начальник департамента подойдет мне лучше всего.

Я давно привыкла, что не все стремятся выполнить работу также тщательно, как я, но сегодня будет по-моему, ведь мне есть, чем начальника напугать. В оконном стекле отражается оскал. Я бы побоялась встречаться с обладателем такой улыбки в темном ночном проулке. Черт, это же я отражаюсь. Нет, надо придать лицу более дружелюбное выражение, ведь начинать с угроз дурной тон.

В приемной начальника из-за стола встает его помощница.

– Госпожа, вам назначено?

А где «здравствуйте»?

Я повторно демонстрирую значок:

– Вопрос не терпит отлагательств.

– Хм? Хорошо, я провожу вас...

Секретарша устремляется к выходу из приемной, еще и рукой показывает на выход.

– Кажется, вы не поняли. Вопрос не терпит отлагательств, – повторяю я и пересекаю приемную.

– Госпожа!

Шанс предупредить начальника девочка потеряла. Для порядка я все-таки стучу костяшками о косяк, но вхожу, не дожидаясь приглашения.

Если брать строгие правила этикета, то в учреждениях стучать как раз не положено, ведь формально каждый государственный служащий готов принять посетителя в любой момент в свои рабочие часы. Но помимо этикета есть своего рода традиция.

– Господин Шерв, я говорила, что вы заняты!

Ложь, причем двойная. О том, что начальник занят, секретарша не предупреждала, да и он не занят, если не принимать во внимание открытки, которые от неожиданности мужчина рассыпал на столешнице. На изображениях обнаженные тела в позах, далеких от пристойности.

– Эм.

Мужчина суетливо сгребает открытки.

Я прохожу вперед, с трудом удерживая вежливую приветливость. В душе я ликую. Пойманный за весьма сомнительным занятием,

мужчина будет сговорчивее. Я подхожу к столу, на открытки не смотрю, делаю вид, что вместо эротических картинок на столе лежат документы.

– Здравствуйте, господин Шерв. Я старший инспектор Опек Аврора Майс. Я здесь в связи с преступлением. Без нашего разрешения была продана квартира с «детским» уведомлением.

Формулировку я продумала еще в экипаже. Мои слова можно понять двояко. Я говорю, что преступление совершили усыновители, но мужчина скорее всего услышит обвинения в адрес подчиненных, и он не сможет меня игнорировать.

– Добрый день, госпожа Майс, присаживайтесь, – ему наконец удастся справиться с открытками, и он прячет их в верхний ящик стола. – Может быть, чаю или горячего шоколада? Признаться, я не совсем понял, о чем вы. Как можно продать «детскую» квартиру без разрешающих документов Опек? Звучит слишком нелепо. Я бы понял, если бы дело происходило где-то на периферии, где инспекторов Опек не хватает, но в столице нет шанса скрыть незаконную сделку.

– Тем не менее.

Как хорошо, что основные документы я прихватила с собой. Я вынимаю из папки справку, выданную Департаментом для Опек с подтверждением, что Ган Вито является единоличным собственником квартиры, затем заключение моего коллеги, признавшего жилищные условия приемлемыми.

– И, госпожа?

Я указываю на заключение:

– Вы должны были получить «детское» уведомление.

Усыновители имеют право продать квартиру, но только после того, как приобретут новую. Инспектор точно также выдают заключение, новая квартира получает статус «детской», а со старой ограничения снимаются.

– Да, – соглашается начальник.

– Я показала вам все, что есть в деле удочеренной девочки. Когда я пришла по адресу с проверкой, девочки я не обнаружила, а дама, представившаяся хозяйкой, сообщила, что купила квартиру у четы Вито.

– То есть вы не знаете? Так про какой преступление вы мне говорите?

– Скрываться от Опеки незаконно. Господин Шерв, девочка может быть в опасности.

– Я понял. Подождите, я лично пойду в архив.

Я благодарю кивком.

Мужчина уходит, напоследок сказав секретарше что-то враждебное. Слов я не расслышала, зато интонации уловила. Она недовольно поджимает губы, но голову в знак своей неправоты склоняет.

Мы с ней остаемся наедине.

– Чай, госпожа инспектор? Горячий шоколад?

Она мне в чашку не плюнет?

– Воздержусь.

Секретарша не оставляет меня в кабинете начальника одну, но и выйти не просит, проходит за боковую конторку и принимается с деловым видом что-то чиркать на чистом листе бумаги. Я отворачиваюсь, наблюдать за ней нет никакого желания.

Ожидание мучительно. Без ложной скромности, я умею работать с документами, я умею быстро находить нужные сведения и замечать нестыковки. И у меня нет никакой уверенности, что господин Шерв также хорош. Руки чешутся самой забраться в архив, но я сдерживаюсь – нельзя бесцеремонно лезть на чужую территорию. Пока мужчина настроен помогать, но если я продемонстрирую недоверие, пусть и из самых лучших побуждений, отношение ко мне ухудшится. А пока же он на крючке: и интересные открытки на рабочем месте, и регистрация незаконной сделки.

По ощущениям проходит целый час, но часы в кабинете утверждают, что всего-то двадцать три минуты.

Господин Шерв возвращается.

Я нетерпеливо приподнимаюсь на стуле:

– Да, вы правы, госпожа инспектор, сделка не совсем незаконная, но мой сотрудник ничего не нарушал.

Его сотрудник мне вообще не интересен.

– Вы сказали, что сделка не совсем законная. Что вы имеете в виду, господин Шерв.

– У нас, госпожа инспектор, слепое пятно в законодательстве. Ваш Вито, продал квартиру до того, как подал на нее документы в Опекунство. Хитро вывернуто, должен признать. Дело в том, что он заключил договор, который вступал в силу после оплаты, то есть на момент поступления вашего запроса он еще числился собственником. А когда покупательница принесла подтверждение оплаты, мы выдали ей свидетельство о собственности, ведь сделка уже заключена, дополнительных проверок не требуется.

– Да, я понимаю, никто бы не стал так бессмысленно подставляться.

– Я тоже не понимаю, на что рассчитывал ваш Вито.

– Господин Шерв, мне нужна справка...

– Госпожа, сожалею, но закон защищает приватность новой собственницы.

Он дурак?

– Господин Шерв, разумеется. Но опираясь на «детское» уведомление, вы можете выдать официальное разъяснение, на какую дату Ган Вито перестал быть собственником и в связи с чем.

– Но у нас нет справок такого формата...

То есть он за свой департамент испугался, а на девочку ему плевать?! Я стискиваю пальцы в кулак, но сдерживаюсь, не срываюсь. Возможно, мужчина хороший отец и не допускает мысли, что кто-то вредит ребенку. Вдруг претенденты на усыновление живут в недостаточно просторной квартире, а забрать малыша хотят, вот и вывернулись. Почему нет? Одна бездетная вдова, чтобы выглядеть солиднее, вступила в фиктивный брак. Про подозрительного адвоката мужчина же не знает.

– Господин Шерв, – я чувствую, как мой тон вымораживает кабинет. – Свободную форму никто не отменял. Кажется, вы не поняли. Ребенок пропал. Я, конечно, могу вернуться с дознавателем, но это колоссальная потеря времени, которого у девочки может не быть.

– М-м-м... Госпожа инспектор, вы не преувеличиваете? То, что приемные родители намеренно ввели Опекунство в заблуждение относительно своих финансов, не делает их плохими в отношении ребенка.

– Вы никогда не слышали о детях, оказывающихся жертвами насилия, господин Шерв.

– Проклятье!

Мужчина вынимает гербовый бланк, глубоко задумывается, даже губами шлепает, подбирая формулировки.

Собственно, вины Департамента нет, Вито действительно воспользовались лазейкой. Должен ли был служащий повторно проверить документы? С одной стороны, регламент этого не требует. Грубо говоря, участники сделки разбили единый процесс оформления на два этапа. С чего бы клерку возвращаться на шаг назад? С другой стороны, мог бы проявить дотошность.

Через пять минут я становлюсь обладательницей документа с печатью Департамента и размашистой подписью начальника.

Спрятав документ в сумку, поворачиваюсь к мужчине.

– Что-то еще, госпожа?

– Да, господин Шерв. Просьба, – я придвигаю к себе листок для заметок и быстро записываю фамилию, адрес, дату отправки «детского» уведомления. – Поднимите, пожалуйста, бумаги четы Молл. Я подозреваю, что мы увидим такую же картину,

Мужчина хмурится:

– Это что у вас там происходит?

Я не отвечаю.

Видно, что он колеблется, но все же принимает решение в мою пользу и снова выходит. Возвращается на сей раз гораздо быстрее, и тоже с документами.

– Я была права?

– До, госпожа Майс. Полагаю, я выдам вам для них такой же документ. Может, вы и остальные фамилии назовете?

– Пока найдены два случая, остальные будем проверять, так что еще увидимся, господин Шевр. Благодарю за содействие. Всего доброго.

– Всего доброго.

Секретарша вскакивает из-за конторки и провожает меня к выходу из кабинета. Когда я уже переступаю порог, начальник Департамента меня окликает:

– Госпожа инспектор.

– Да?

– Скажите... Вы планируете поднять вопрос со «слепым пятном» немедленно или бросите все силы на поиск пропавших детей?

– Разумеется, найти детей важнее.

– Безусловно, госпожа. Вы не будете возражать, если вопрос подниму я? Наша сфера ответственности, да и, как Ган Вито провернул обман, нашел я.

– Я буду признательна, если эту часть вы возьмете на себя.

Поскольку «дыру» в законодательстве в начале разговора я не «слила», и начальник додумался до нее сам, посмотрев документы, на первенство я не претендую. Я не солгала, дети для меня важнее.

Я выхожу на улицу. Надо же, извозчик ждет.

– Куда дальше, госпожа?

– Сперва в Опеку, потом в Отделение городской стражи, – решаю я.

Надо узнать, получила ли Энна ответ на второй запрос. Вдруг уже пришло? К дознавателю, если возможно, лучше идти с полным перечнем усыновителей, обращавшихся к Блезу Даготе.

Поесть?

Некогда!

Про недобитка в моей квартире я и вовсе забываю.

Глава 6

– Запросить в Департаменте, какой еще собственностью располагает Ган Вито, вы не догадались, госпожа Майс? – дознаватель отодвигает бумаги и скрещивает на груди руки.

Я отзеркаливаю его позу:

– Простите, но как вы себе это представляете? Вы лучше меня знаете, что закон защищает приватность граждан. Я инспектор Опек, а не страж.

Черт, у него такой взгляд, как будто я преступница, а не коллега. В глобальном смысле коллега. Что же мне так везет-то? Хотя пусть сколько угодно изображает бурлящий недовольством чайник, мне понравился деловой подход и готовность работать. По крайней мере дознаватель от меня не отмахнулся и не послал архив Опек.

Теоретически документы о переезде семьи Вито могли потеряться. Ложная тревога – я не верю в такую роскошь.

– Пропавшая девочка и мальчик, на которого претендует вторая пара, у них есть что-то общее? Кстати, еще раз. Что вас натолкнуло на мысль, что с усыновителями не все в порядке? Вы упомянули, что документы у них идеальные.

Прыгать с темы на тему – это какой-то особый прием? Мне бы на будущее, для общения с претендентами на усыновление, пригодилось.

– Интуиция. Или, если хотите, опыт. Я за время работы в Опек на разных усыновителей насмотрелась. Я затрудняюсь объяснить, они не произвели впечатления людей, любящих детей. Они торопились. И идеальность тоже сыграла свою роль. Обычно те или иные огрехи есть всегда, редко, кто готовит документы с первого раза правильно. Я их проверила, упомянула ребенка, но имя назвала неправильно. Супруга радостно повторила, не похоже, что она знала имя. Что касается вашего первого вопроса... Затрудняюсь ответить, я не вела дело девочки, и с документами познакомилась очень поверхностно. По хорошему, нужно бы поднять дела остальных детей.

Дознаватель придвигается ближе к столу, скребет указательным пальцем подбородок, другой рукой барабанит по столешнице.

– Госпожа инспектор, может быть, Кайми чем-то особенный? Что насчет наследства?

Я качаю головой:

– Родители мальчика неизвестны, хотя. Там странная история. Жрец услышал детский плач, пошел на звук и нашел за колонной корзину с годовалым малышом. Ребенок был хорошо укутан, чтобы не замерз, в корзине лежала бутылочка с молоком. И была записка, предположительно от матери. Она писала, что ребенка зовут Кайми, просила у него прощения. «Меня вынудили жестокие обстоятельства», никаких подробностей.

– Вы читали записку?

– Да, она приложена к личному делу, и ее передадут либо самому Кайми на выпуске, либо его приемным родителям при усыновлении. У нас останется копия.

– Так, а мать мальчика искали?

Нет.

– Нет?!

Похоже, я удивила дознавателя.

– Закон королевы Элораны. Родители детей, оставленных в храме, не преследуются. Вроде как боги им судьи. Закон до сих пор действует. И, знаете, как по мне, лучше пусть мать безбоязненно оставит ребенка в теплом помещении храма, чем, боясь ответственности, бросит на улице или сделает еще какую-нибудь опасную для ребенка глупость.

– А почему вы сказали, что история странная? Мне казалось, не так уж и редко детей подбрасывают. По разным причинам.

– Да, все так. Но, во-первых, мало кто знает про закон королевы Элораны, хотя его не отменили, последние лет тридцать не принято говорить о нем открыто. Если во времена королевы Элораны жрецы рассказывали, что им можно оставить ребенка, то сейчас жрецы молчат, сами тему не поднимают. Во-вторых, подобные записки редкость. Наверное, не удивлюсь, если однажды родители Кайми объявятся.

С каждым вопросом дознавателя я все больше нервничаю. У меня нет причин сомневаться в его профессионализме, но отделаться от мысли, что расспросы о родителях Кайми пустая трата времени не могу. Какое отношение его родители имеют к пропавшей девочке? Кайми сейчас в приюте, в безопасности. А вот девочка...

В дверь раздается стук.

Нас прерывает подчиненный дознавателя. Получив разрешение, он проходит в кабинет, кладет перед дознавателем папку с документами. Дознаватель их быстро пролистывает, переводит взгляд на меня и расплывается в улыбке, приправленной охотничьим азартом:

– У Олены Вито в собственности есть загородный дом. Госпожа инспектор, не желаете присоединиться и совместно нанести визит?

Черт!

– Прятаться в доме, который так легко найти, разве это не глупо?

– Госпожа, вы не представляете, какие глупости порой делают люди.

– Понимаю, но я имела в виду несколько иное. До сих пор чета Вито поступали продуманно.

– Неужели? Вы ведь здесь, госпожа инспектор. Нет, я на самом деле согласен. Вы здесь спустя месяц, срок пугающе большой, за это время можно сделать что угодно. И насчет глупости вы правы. Я тоже не думаю, что мы кого-то найдем, но не проверить мы не можем, а поскольку речь идет об удочеренной девочке, представитель Опекы обязан присутствовать, вы это сами знаете. Так что...

Он не заканчивает фразу, вопросительно смотрит на меня.

Это какая-то проверка? Если да, то не понимаю, чего он добивается.

Сказать «да», послушно сесть в экипаж...? Время уже давно за полдень, до загородного дома, даже если он относительно недалеко от города, доберемся к вечеру. Возвращаться в ночь. И ради чего? Просто прокатиться, чтобы соблюсти формальность? А кто будет в это время работать?

Я смотрю дознавателю в глаза и принимаю волевое решение:

– Нет. Возьмите кого-то из моих коллег, а я займусь документами девочки. Возможно, уже пришел ответ на запрос, каким еще парам помогал тот адвокат. Я смогу поднять остальные дела. Пользы будет гораздо больше.

А еще у меня приют «висит». Пару дней подождет, не критично, но если я увязну в роли «разъездного» инспектора, не исключено, что детям придется ждать и месяц, и два. Сколько продлится расследование?

– Хорошо, госпожа Майс.

Он разочарован или доволен?

Как бы то ни было, выбор я сделала, и я уверена, что я права. От того, что я буду рвать жилы и лично лезть в каждую щель, толку не будет. Вот документы.

Дознаватель провожает меня до выхода из кабинета.

Я спускаюсь, выхожу на улицу, глубоко вдыхаю. Почему-то немного тянет затылок, и вообще усталость ощущается. Разберусь с девочкой, и приютом, и попрошусь в отпуск. Хочу... на курорт, на воды. Я аж зажмуриваюсь, предвкушая поездку.

Передо мной останавливается экипаж. Извозчик не стал дожидаться, когда я к нему подойду, а подъезжает сам. Наверное, если бы не он, я бы вспомнила, что неплохо бы пойти пообедать, но он сбивает меня с мысли, и я команду – в Опеку.

Короткую дорогу до инспекции я перечитываю документы, которые взяла с собой. Из экипажа я так и выхожу с папкой в руках, а нужную страницу зажимаю пальцем. Отвлечься все-таки приходится. Я благодарю извозчика, расписываюсь в очередной квитанции.

– Сегодня больше никуда, – улыбаюсь я ему.

Извозчик разочарованно вздыхает, но тут же хитро прищуривается:

– А как же домой?

Домой – это из собственного кошелька.

– Подозреваю, что ночевать мне сегодня на работе, – хмыкаю я.

Извозчик неодобрительно цокает языком. Я пожимаю плечами. Я люблю свою работу, а еще я верю, что делаю нужное дело и не представляю свою жизнь иной. Работа наполняет мою жизнь смыслом. Если бы не работа, не знаю, как бы я вынесла расставание. Так, к чертям прошлое, незачем о нем вспоминать. У меня теперь все хорошо, просто замечательно. Я счастлива. Я счастлива, я сказала!

Я влетаю в приемную.

– Госпожа Майс, кто вас так разозлил? – Эночка широко распахивает глаза.

– Пришел ответ про Блеза Даготу?

– Да, госпожа Майс! Я уже подняла все дела, где он отметился. Папки у вас на столе.

– Спасибо, Энночка. Что бы я без тебя делала? Чаю, будь добра.

Войдя в кабинет, я натываюсь на целую гору папок.

Откуда столько?!

Энна разложила дела по датам, и я хватаю самую раннюю папку. Брат с сестрой, взяты в семью полгода назад. Я сразу «ныряю» в конец, где должен быть минимум один отчет инспектора, и отчет есть. По указанному адресу в день проверки никто не ответил.

Возможно, инспектор ждал до вечера, что на самом деле маловероятно. Время ожидания в отчете не ставят, только дату.

– Я его убью, – говорю я спокойно.

– Кого, госпожа Майс?

Инспектора, который прикрепил «пустой» отчет и со спокойной совестью сдал дело обратно в архив.

– Эночка, у нас есть копии всего этого?

– Эм... Нет, госпожа Майс. Чтобы столько перекопировать...

– Езжай в отделение Стражи и пригласи дознавателя Фронша немедленно. Хорошо? – учитывая размах, согласовывать следует каждый шаг.

– Д-да, госпожа Майс.

А пока дознаватель приедет, у меня есть около получаса, чтобы позаниматься приютом.

Глава 7

Время к десяти вечера. Сегодня ощутимо прохладнее, чем вчера, и я плотнее запахиваю плащ и ловлю во взгляде дознавателя плохо скрываемое неодобрение.

Я его дернула в Опеку, когда до конца рабочего дня оставался час. Наверное, дознаватель рассчитывал уйти домой вовремя, но... но его пути к дому случилась я. Он видел детали, которые упускала я, а я в свою очередь многое поясняла по порядку усыновления и проверок. Просматривай мы эти документы каждый сам по себе, пользы было бы в разы меньше. Я увлеклась и его увлекла. Кажется, он пытался меня урезонить, но тщетно. Когда я вхожу в раж, окружающий мир перестает для меня существовать, я просто не слышала ничего, что не касалось работы.

– Госпожа, вы до утра прерываться не планируете?! – он довольно грубо вырвал у меня папку и заставил сделать глоток воды прямо из графина, только тогда я очнулась.

Неловко вышло...

– Я бы еще пару часиков поработала, – вздыхаю я.

Мы уже вышли из здания инспекции, так что можно побухтеть.

– Seriously? Вы страшная женщина, госпожа Майс. Я искренне сочувствую вашим подчиненным. Так, полагаю, экипаж в это время мы найдем только на проспекте? – он оглядывается, но улица темна, лишь под фонарями желтеют пятна света.

– Да, на проспекте. Идти недалеко.

Дознаватель галантно предлагает мне опереться на локоть. Я смущенно касаюсь пальцами плотной ткани форменного мундира. На службе имеет значение старшинство, в первую очередь должностное, во вторую – возрастное. Его жест. несколько неуместен, было бы лучше, если бы мы просто шли рядом, но я чувствую вину за испорченный вечер и не отказываюсь. В конце концов я женщина, нет ничего плохого, если мне окажут крохотный знак внимания.

До проспекта несколько десятков шагов.

– Госпожа Майс, куда мы едем?

– Мы?!

– Эм, госпожа Майс, кажется, я выразился двусмысленно. Я лишь хотел сказать, что я чувствую себя обязанным проводить вас.

– Спасибо, но не стоит. Я живу здесь рядом, только дорогу перейти.

– Тогда.

Какой вежливый. Несмотря на уже испорченный вечер, он готов тратить на меня свое время. Приятно почувствовать заботу кавалера, пусть это всего лишь учтивость. Домой я его, естественно, не поведу, там пакеты с мусором до сих пор не вынесены.

И тут меня как в ледяной водой плеснуло – недобиток! Я же совсем забыла, что с помойки притащила дохлятину. Это я его на весь день оставила в квартире, где нет еды?! Черт. Вот какого черта он у меня завелся, а?!

– Госпожа Майс, вам плохо? Вы покачнулись.

– Я в порядке, просто сообразила, что должна была кое-что сделать. Обещала. Это личное. Господин Фронш, спасибо большое, но провожать действительно не нужно, еще раз спасибо и до встречи завтра!

Вечером, почти ночью, движение на проспекте заметно слабеет, я легко перебегаю на противоположную сторону, по наитию оборачиваюсь. Дознатель поднимает открытую ладонь. Ох, я ведь даже ответного «до свидания» не дождалась. Ну и кому тут следует освежить в памяти уроки этикета? Не буду показывать на себя пальцем.

Я взмахиваю рукой и ныряю в проулок.

Я бы и сама поела с удовольствием, вместо завтрака я съела два пирога с мясом. Обед... Про обед я забыла, как и про ужин.

Магазины давно закрыты, купить съестного негде. В пристройке хозяйки Хошши темнеют давно погашенные окна. Вероятно, женщина не только распродала блюда и убрала кухню, но и давно уже спать легла.

Черт!

Я настойчиво стучу в дверь. Если я приду без еды, недобиток помрет с голоду, съест меня или начнет грызть мебель? Может быть, его заинтересовали пакеты с мусором? Чего только ни сделаешь с голодухи. Хах, определенно, я не могу вернуться с пустыми руками.

Хозяйка открывает через несколько минут и добродушной не выглядит, а в немаленьких руках и вовсе сжимает чугунную сковороду.

– Прошу прощения, – я предусмотрительно отступаю на шаг.

– Вы?..

– Прошу прощения, – повторяю я.

Женщина опускает сковородку:

– Вам плохо? Вы так бледны. Заходите скорее.

Да бросьте, неужели я и правда настолько плохо выгляжу? Наверное, это все освещение.

– Нет-нет, я в порядке. Госпожа Хошши, я понимаю, что вы уже закрыли кухню, но уже везде все закрыто, – вру, ночные рестораны открыты, но делать крюк нет никакого желания.

– Я вчера не поужинала, а сегодня вовсе обошлась двумя пирожками. Госпожа Хошши, спасите меня, пожалуйста, – начинала хорошо, а заканчиваю плаксивым тоном маленькой девочки.

Хозяйка тяжело вздыхает и отступает в сторону:

– Вот бедовая дивчина, дурная голова. Идемте уж, накормлю. В чем только душа держится?

– Госпожа Хошши, ни в коем случае. Я возьму с собой. Мне бы не только ужин, но и завтрак, и в идеале перекус на работу. Я куплю все, что у вас осталось!

Хозяйка медлит, но просьбу принимает, лишь с раздражением отмахивается:

– Хоть разогрейте. Как будто вы это сделаете.

Спасибо!

Хозяйка скрывается в глубине дома. Я остаюсь ожидать у входа.

Разогреть? В пристройке всего пять столов, я предпочитала ужинать в зале, но когда мест не хватало, приносила с собой, и еда остыть, естественно, не успевала. Из холодильного ящика продукты будут холодными... А как греть? С готовкой я не дружу еще больше, чем с уборкой. Недобиток, если он все-таки принц, очень расстроится, если я попробую проверить температуру пальцем? Ха.

Хозяйка приносит мне весьма объемный пакет. Выглядит она при этом крайне недовольной. Понимаю, я ее потревожила.

Забрав пакет, протягиваю деньги

– Здесь в два раза больше, – считает она молниеносно. – Сдачу.

– Не нужно сдачи. Госпожа Хошши, я причинила вам неудобство. Еще раз простите. Желаю вам доброй ночи.

Прекрасно, проблему с едой я решила. Судя по весу пакета, недобитку хватит на пару дней. Сколько едят мужчины? Он же не может быть очень прожорливым, верно?

У госпожи Хошши есть только один недостаток:

– Когда она уже мужа заведет? – госпожа разговаривает сама с собой, но нарочно громко, чтобы я точно слышала. – Дельный мужчина давно бы к порядку призывал.

Пф-ф!

В чем-то я ее понимаю, вчера тоже на недобитка ворчала, а сегодня. При мысли, что он меня ждет, злиться почему-то больше не получается.

Я вхожу в подъезд, поднимаюсь на этаж. С объемным пакетом в руках справиться с замком не сразу получается. Я проворачиваю ключ, отпираю дверь.

По глазам ударяет яркий свет. Видимо, услышав мою возню, недобиток выбрался в прихожую и зажег лампу. Проморгавшись, я встречаюсь с ним взглядом. Недобиток стоит, привалившись к стене, руки сложены. Но самое главное – у него выражение лица, как у сварливой жены, встречающей мужа с попойки.

Глава 8

Эй, мне не рады в моем собственном доме? Что это за встреча? Я принесла еду!

Я вытаскиваю ключ из замочной скважины, переступаю порог, цепляюсь за пакет. Оказывается, мусор так и валяется в коридоре. Логично – моя помощница по хозяйству все еще болеет, да и нельзя ее приглашать, пока недобиток в квартире. Все эти нелепые мысли успевают прокрутиться в голове, пока я лечу носом вперед.

Какой позор. Хуже, чем вчера, потому что теперь мой шмяк видит недобиток.

Невесть как он успевает среагировать, подхватывает и меня, и пакет с продуктами. Я успеваю удивиться, как быстро недобиток оклемался. Получается, терпеть осталось недолго? Мои надежды жестоко разбиваются. Я чувствую волну дрожи, и недобиток снова прижимается к стене. Хм, сила в руках есть, а голова в норму не пришла.

– Спасибо.

– К вашим услугам, леди.

Странно получается, я все еще прижимаюсь к недобитку, а он поддерживает меня.

Он вдруг морщит нос, шумно втягивает воздух, наклоняется ко мне. Мне мерещится, что он сейчас уткнется мне в шею, я застываю, мне хочется вывернуться, избежать прикосновения, но одновременно его близость не вызывает отторжение, даже наоборот, крепкая хватка приятна, приятно, что он защитил от падения и, я уверена, если вдруг у меня подкосятся ноги, он все равно меня удержит.

Недобиток склоняется ниже шеи, я его не интересую. Он утыкается носом в пакет, громко сглатывает.

– Господин Не-Черт, вас не затруднит отнести на кухню?

– Конечно, леди.

Я отдаю пакет, снимаю плащ, перевожу взгляд на ботинки. Я все-таки должна выбросить мусор, но как же это несправедливо. Почему у меня есть зарплата, деньги, но я не могу воспользоваться услугами уборщицы?

Ха, а это идея!

– Господин Не-Черт, можно вас отвлечь на буквально на пару секунд?

– Что случилось, леди?

– Может быть, я приведу уборщицу, а вы, чтобы не столкнуться с ней, на время выйдете? Если сделать это завтра также поздно, то вас никто не увидит.

– Нет, леди.

– Но почему?!

– Леди, у вас на квартире стоит магическая защита?

– Да, но самая простая.

– Уверен, магический поиск мои враги тоже ведут. Даже на шаг выходить опасно.

– Ох... Вам виднее, господин. Спасибо, что разъяснили.

Думаю, он все-таки не принц. Принц бы ограничился приказом, а недобиток ведет себя скорее, как человек, привыкший работать под началом кого-то старшего.

Принц или не принц, уборщицы не будет, а мусор сам себя не вынесет. Не хочу признавать очевидное, но убирать придется мне. Оставлять дальше вообще не вариант. Мало того, что второй раз падаю, так уже реально запах появился. Вчера он только чуть-чуть прибивался, а сегодня уже чувствуется.

Поминая черта и недобика, я собираю то, что успела просыпать, подхватываю четыре мешка, остаются еще три. Может, у меня где-то найдется один большой, чтобы два раза не бегать? Нет, проще сходить дважды, чем искать.

Спускаясь по лестнице, я молюсь про себя:

– Лишь бы никого больше... Только бы не очередной недобиток.

Мусор мне выносить противопоказано.

Глупо, но я останавливаюсь за углом и прислушиваюсь и одновременно задумываюсь. Если я вдруг услышу чей-то стон, неужели я спокойно уйду? А ведь не смогу. Поэтому незачем слушать, надо просто закинуть мешки в контейнер.

Впереди тихо.

Я подхожу к контейнерам, закидываю первый пакет, второй. Мне чудится, или я слышу шорох? Разыгравшееся воображение шалит.

Я спокойно забрасываю оставшиеся пакеты. Шорох повторяется. Я отступаю на шаг:

– Не-ет... Просто нет.

Успокаивает, что для человека шуршание слишком тихое. Возможно, уличный кот? Мой голос срабатывает как приглашение. В темноте, разгоняемой лишь тусклым светом далекого фонаря, трудно рассмотреть детали. Над краем бака появляются три пальца, оканчивающихся загнутыми когтями. Пальцы. у человека таких быть не должно, слишком дистрофичные. Да и когти явно не подпиленные по форме ногти.

Я отступаю еще на один шаг.

Пальцы медленно обхватывают край контейнера, существо вылезает.

– Черт.

Реально – черт. Тощее создание размером с кота. Под серой кожей отчетливо проступают ребра. На лысой голове выступают треугольные уши-лопухи.

– Ум? – черт стегает по контейнеру гибким крысиным хвостом и фыркает, заметно дернув пяточком.

Я смотрю на него, черт смотрит на меня.

Зловредное существо, пакостник. Считается, что взрослый черт притягивает к людям неудачи, но это не больше, чем глупое людское суеверие, хотя бы потому что магия так не работает. С помощью магии можно вылечить, защитить жилье. Иными словами – сделать что-то конкретное. Магия по сути ничем не отличается от лекарства и замка. Магия не способна влиять на судьбу, это уже из области сказочного волшебства, а черт создание не сказочное, а вполне существующее.

Поминать черта суеверные считают плохой приметой – можно накликасть.

– Черт, – выдыхаю я.

Мне бы развернуться и уйти, но... Тощий, моргает жалобно. Но самое главное, судя по размеру и легкому пушку на пяточке, передо мной невзрослый черт.

– Ум...

Не знаю, ушла бы я, если бы черт продолжал спокойно сидеть на краю контейнера, но он протягивает мне лапку соломенной тонкости.

Детенок же.

Я делаю шаг вперед и предлагаю ладонь раньше, чем успеваю осознать, что делаю.

Взвизгнув, черт отталкивается от контейнера всеми конечностями и тяжело плюхается мне на руку, проворно вскарабкивается до локтя, цепляясь за одежду, обнимает и смотрит недоверчиво, но в то же время с такой жгучей надеждой, что я отчетливо понимаю, что к недобитку теперь добавится задохлик.

— Тоже есть хочешь?

— Ум?!

Специально чертями я не интересовалась, знаю, что они всеядные, и потому видеть черта голодным удивительно. Они же едят буквально все: очистки, пряжу, кожаные куртки. Может, этот полез в защищенный дом, и его магией приложило? Но обычно черти хорошо чуют угрозу и здания с защитой стараются избегать, именно поэтому в столице они, практически, исчезли.

Чертей не назвать разумными в полном смысле этого слова, они не обладают речью, но могут понимать, что им говоришь. Я как-то читала про эксперимент, маг, предположив, что черти физически не способны издавать звуки, как человек, пытался обучить подопытных языку жестов, но успеха не добился, черти выучили ровно один жест — дай поесть.

Я возвращаюсь в квартиру.

Поднимаясь, предаюсь грустным размышлениям — должна ли я вынести оставшиеся три пакета?

— Сперва мыться, — строго предупреждаю я черта, прежде чем переступить порог квартиры.

Выражение глаз вполне осознанное, но понимания я во взгляде не вижу. Похоже, черт не понял, что я от него хочу.

Пакеты ждут меня, и то, что вечером мусор не выбрасывают, глупое суеверие. Мысленно ругнувшись, я малодушно оставляю их до утра, самые «ароматные» я выбросила, а в этих сложен безвредный хлам вроде пустой баночки из-под шампуня, ваток и прочей ерунды.

Черт принюхивается, но спрыгнуть на пол не пытается, а когда я предупреждающе придерживаю его со спины, и вовсе крепче сжимает мою руку, всем своим видом показывая, что он послушная паинька.

Разувшись, я прохожу напрямиком в ванную.

— Леди, все в порядке? — окликает меня недобиок.

– Да.

Черта он не заметил.

В ванной затыкаю слив в раковине пробкой, пускаю теплую воду, добавляю мыло. Я пользуюсь хорошей косметикой, мыло без капли искусственных примесей, навредить не должно, даже если черт в процессе мытья его съест.

Не знаю, понимает ли черт, что я задумала, смотрит, как мне кажется, с недоумением и любопытством.

Я подхватываю его под свободной рукой, и черт послушно отцепляется, позволяет взять себя двумя руками и безвольно повисает.

– Грязи и беспорядка я в своем доме не потерплю.

Учитывая, что в прихожей все еще стоят мешки с мусором, звучит странно, но противоречия я не вижу. Квартира у меня в порядке, просто требует влажной уборки, и мусор нигде не валялся. Все, что идет на выброс, я сразу складываю в пакеты, а пакеты выстраиваю у порога один к одному.

Я по шее опускаю черта в воду, крепко держу, да и лапами он достает до дна.

Черт вытаращивается на меня со смесью ужаса и обиды. Миг, он дергается, вырывается, от неожиданности и боязни навредить я легко выпускаю его. И черт с диким визгом взвизывается под потолок, а с меня стекает плеснувшая вода и густая пена.

– Леди?

В ванную врывается Не-Черт. Прилепившегося под потолок задохлика он не видит, зато видит мокрую меня.

Черт, почему я краснею, как девочка?!

Недобиток моргает. Картина более, чем странная, в одиночку так облиться, как я, суметь надо. Наверное, в его глазах, я сейчас похожа на мокрую курицу.

– Я в порядке, – я вдруг смущаюсь, не знаю, какие слова подобрать, чтобы объяснить, кого еще я приволокла в квартиру. Это мой дом, почему я должна стесняться.

Заминка нам дорого обходится.

Черт, уперевшийся в стены лапами, не дает мне времени указать на него, прыгает вниз, точно на плечо недобитка, отталкивается и через открытую дверь вырывается в коридор, а недобиток, не ожидавший такого подвоха, по инерции валится на меня.

Парень успевает выставить руку и удержаться за стену, но все равно прижимается ко мне всем телом, его одежда моментально намокает, и между нами остается лишь тонкая мокрая ткань и клочья пены.

Кран так и не закрыт, именно в этот момент, вода в раковине переливается через край.

– Леди?

Он отстраняется, оттягивает край своей рубашки.

Со стороны кухни раздается грохот.

– Сожрет, – с ужасом выдыхаю я.

Черт, наш ужин!

Недобиток бросается в кухню первым. Я пытаюсь не отстать, но все же трачу драгоценные секунды, чтобы закрыть кран – только соседей затопить не хватало.

На кухне недобиток стоит перед столом, а черт, собравшись в компактный серый комочек, сидит на шкафу и нервно постукивает хвостом. Прощай, кухня. Они же мне сейчас все разнесут. Притаскивать черта было очень и очень плохой идеей.

Недобиток медленно делает шаг вперед, черт, готовясь сигануть нам на головы, подбирается.

– Леди, пожалуйста, немедленно проверьте защиту квартиры. Если черт смог проникнуть...

Кто-то не сложил два и два? Я киваю, хотя стоящий ко мне спиной недобиток видеть жест не может.

– Да, я проверю, но думаю, что с защитой все в порядке. Это я черта принесла.

Недобиток замирает, молчание длится несколько секунд, и тишину нарушает хрупнувший под его ногой осколок. Глиняные черепки разбитых чашек укрывают пол колким ковром, недобиток не стал утруждать себя подметанием, и я не могу сказать, что я его осуждаю. Видимо, он ждал меня, как я ждала уборщицу.

Похоже, мои слова впечатлили недобитка настолько, что он забывает про готовящегося к прыжку черта и разворачивается ко мне. Черт же, воодушевленный шансом, прыгает сперва на стол за пакетом с нашим ужином, до которого он не успел добраться, хватает. Но пакет для детенка оказывается неподъемным. Наверное, поэтому он на шкаф

его не затащил. Отчаянно пискнув, черт пытается схватить хоть что-нибудь.

Недобиток, не оборачиваясь, ухватывает его за хвост. Черт пищит, скребет ногтями столешницу.

Вот что с ним делать?

– Тише, – я подхожу ближе и протягиваю ладонь.

Я отмечаю, что парень держит черта крепко, но не сдавливают слишком уж сильно.

– Ум, – чертик дергает задней лапкой, горестно вздыхает.

– Я могу вернуть тебя на улицу, – спокойно объясняю я.

Черт прижимает уши к голове и шипит. Ага, понял и не рад, обратно в помойку ему не хочется.

– Леди, вы рассчитываете ему что-то объяснить?

Я не отвлекаюсь на скепсис недобитка.

– Я могу оставить тебя дома. Здесь.

– Уа?

Черт в ответ на мои слова изворачивается и шлепает недобитка по руке с явным намерением освободиться от захвата.

– Нет, – предотвратить шлепок я не успеваю, но за лапу запоздало хватаю, за запястье. – Это мой дом, моя территория, и здесь мои правила. Хочешь остаться – соблюдай их. Безобразничать нельзя. Хватать без разрешения нельзя.

Чертик шмыгает носом и изображает вселенскую обиду.

Я непреклонна. То, что детенок запал мне в сердце, не означает, что я позволю сесть себе на шею. И уж точно я не позволю громить квартиру.

– У-у-у, – дуется он.

– То есть улица, – делаю вывод я. – Господин, вы нас не проводите?

– Разумеется. Как вам только в голову пришло принести черта, леди.

Он поверил, что я выброшу детенка?

И с какой стати он меня еще и укоряет? Много о себе возомнил, даже если ты принц.

– Но он же такой милашка, – я протягиваю руку и делаю то, что мне уже давно хотелось, я щекочу пальцами за треугольным ухом.

Чертик восторженно зажмуривается и издает практически кошачье мурлыканье, и, когда осознание его настигает, широко распахивает глаза. Не знаю, кто из них мой заявлением сражен больше, черт или Не-Черт. Все же не каждый назовет лысое серокожее существо с поросычьим пяточком и крысиным хвостом милым.

Ум.

Уж не знаю, что черта подкупило, но он протягивает мне лапку и прикидывается безвольной тряпчочкой, позволяет себя взять.

– Перед едой, – на слове «еда» чертик вскидывается и разевает рот, – руки мой.

– У-у-у, – он по-прежнему возмущается, но уже тихо.

В ванную мы возвращаемся втроем: черт на мне верхом, и недобиток у него на хвосте.

– Сначала мыться, потом есть, – напоминаю я, мысленно готовясь к новому взбрыку. Черт, спокойно сидевший на руках, при виде ждущей его в раковине мыльной воды предпринимает попытку взобраться мне на голову.

Перехватив черта, я опускаю его в воду. Очень помогает, что недобиток по-прежнему держит его за хвост, именно это и спасает мои волосы, потому что попытку бегства черт все-таки предпринимает. И, наверное, не от зловредности, а просто от страха. Несмотря на то, что я держу и не позволяю погрузиться с головой, чертенок пытается крутиться и молотит лапами по воде.

Я зачерпываю остатки пены и шлепаю ему на макушку.

– Уа?

– Видишь, ничего страшного, – успокаиваю я.

Чертенок перестает молотить по воде беспорядочно, очередной удар он наносит с явным выражением любопытства на мордочке. Еще удар.

Я медленно отпускаю его, готовая в любой момент подхватить, но чертенок не проявляет ни малейшего беспокойства.

– Полагаю, дальше вы сами справитесь, леди.

– Да, спасибо.

Недобиток выходит. Я бросаю взгляд в зеркало и успеваю заметить, что последний шаг, прежде чем недобиток скрывается за стеной, выходит у него нетвердым. Ему нехорошо? Я торопливо заканчиваю купание, выдергиваю из слива пробку и смываю с чертика

мыло струей из крана, а затем закутываю в полотенце и возвращаюсь на кухню.

Я все это время чутко прислушивалась – вдруг недобиток упадет? Меня слегка беспокоит, что после ментального удара парень не получил лечения. Я в этом ему помочь не могу, увы, разве что принести из аптеки травяные сборы...

Недобиток устроился за столом, закинув ногу на ногу, руки скрещены и весь он снова излучает крайнее неодобрение.

На столе пакет, заметно, что в нем рылись, и делал это явно не чертенок.

– Что-то не так?

Леди, разве вы не сказали утром, что принесете мне сменную одежду.

Упс, забыла.

Знал бы он, что я про ужин чудом вспомнила.

– Разве я говорила, что принесу сегодня? – озадачиваюсь я.

Недобиток вскидывается и зло прищуривается. Я осознаю, фраза, в которую я вкладывала самый безобидный смысл, прозвучала издевкой. Оправдаться? Извиниться? Недобиток опережает.

– Поскольку моя рубашка испорчена, я не могу продолжать носить ее.

А вот это вполне в духе принца.

Я пожимаю плечами, из воздуха я ему одежду не достану, но могу предложить одну из своих блузок. Хотя вряд ли она на него налезет...

Пока я пребываю в своих мыслях и пытаюсь понять, как решить проблему, недобиток рывком стаскивает рубашку через голову и бросает на подоконник. Я провожаю рубашку взглядом и поворачиваюсь к недобитку. Хм... Чего он добивается? Нашу ситуацию нельзя назвать нормальной и оценивать с точки зрения этикета, но все же обнажаться перед леди допустимо только если она твоя любовница. В этом смысле интересоваться недобитком я точно не могу. Возможно, он смутить меня захотел? Впрочем, чего бы он ни добивался, мне все равно. Если чего-то хочет, то пусть говорит прямо.

А рельеф хорош.

Я опускаю голову и принимаюсь разворачивать свертки. В промасленную бумагу хозяйка Хошши завернула котлеты, те самые,

которые следует разогреть. Наверное, нужна сковородка, но сковородки у меня нет. И что делать?

За десять лет самостоятельной жизни я решала все бытовые проблемы одним единственным способом – нанимала. Худо-бедно я освоила заварку чая, но и то Энна скажет, что это не так.

Хах, впору предложить недобитку должность помощника по хозяйству и гонорар. Оскорбится ведь.

Бумага сойдет вместо сковородки? Не попробую – не узнаю. Чертик пытается утащить котлету, но я перехватываю его за лапу и в ответ получаю обиженное ворчание. Учítывая, что за страдания в ванной я обещала еду, чертик прав. Я открываю шкаф. Недобиток уничтожил все запасы сухарей, пряники остались.

– Держи вкусняшку, – вручаю я черту всю упаковку целиком.

Радостно пискнув, чертик перелетает на подоконник и принимается шуршать пакетом, а я возвращаюсь к столу. Завтрак надо убрать в холодильный ящик.

– Леди?! – недобиток внезапно подскакивает со своего места.

А?

Я оборачиваюсь.

Узнала – бумага вместо сковородки не сойдет, она сгорит. На плите пляшет пламя.

Глава 9

Ругнувшись, парень бросается к плите.

За его спиной, я не вижу, что он делает. Воспользовавшись моментом, я занимаю единственный стул и подпираю щеку кулаком. Когда мне еще покажут такую красивую обнаженную спину? Идеально пропорциональная, будто вылепленная по анатомическому атласу. Под кожей переливаются мышцы.

– Леди, – выдергивает меня из созерцания недобиток.

– Она не должна была загореться, – жалуясь я.

– Неужели?!

– Это же не деревянная плита, – пожимаю я плечами. С пожаром недобиток ловко справился. Как, я, увы, не поняла.

Деревянные плиты в столице запретили королевским указом еще до моего рождения, когда в Большом пожаре выгорело семь кварталов. Сейчас все пользуются магическим подогревом: либо перезаряжают многоразовый накопитель у мага, либо полностью меняют кристалл. Удобно и безопасно. Откуда мне было знать, что оно все равно может загореться?

На память невольно приходят сцены из прошлого.

Я ведь на самом деле из знатного рода, а галерея портретов благородных предков длиннее, чем галерея королевской династии. Загородный особняк в размерах соперничал с загородной королевской резиденцией. Мы не жили в столице... Дома я получила образование, достойное принцессы. История, этикет, политика, право, ведение документации, бухгалтерский учет. Уроки домоводства не считались чем-то важным. Нет, не так. Меня научили управлять слугами, принимать решения относительно меню, отслеживать закупки, но все это из области управления.

До совершеннолетия на кухне я побывала ровно два раза. Впервые, когда мне было лет семь, и я тайком пробралась на запретную территорию из любопытства. Естественно, я ничего не поняла, а дергающаяся в руках повара еще живая рыба напугала меня до слез. Меня поймала гувернантка, немедленно отвела к матери, и мать строго выговорила мне за неподобающее поведение, наказала.

Больше на кухню меня не тянуло. Не столько из-за выговора, сколько из-за рыбы.

Второй раз я побывала на кухне, когда учитель рассказывала о работе поваров, кухарок, посудомоек. Проведя меня по большому наполненному неприятными запахами помещению за каких-то пять минут, учитель напомнила, что леди большого дома никогда не опустится до прихода на кухню. Каждый должен заниматься своим делом, и обязанность хозяйки контролировать экономку, дворецкого, управляющего. Наверное, так бы и было, если бы. Ах, какая разница? Я ни о чем не жалею.

После разрыва с семьей, несмотря на то, что я потеряла право носить родовую фамилию, я все еще сохранила привилегированный статус аристократки, что позволило мне сразу претендовать на должность инспектора. Я работаю в Опеке, делаю нужное дело. Моя жизнь бессмысленная – о чем жалеть?

Разве что скучать по комфорту... Сейчас, вспоминая, сама не понимаю, как справилась. Я ведь привыкла, что обо мне заботятся две личные горничные, и вдруг оказалось, что у меня вообще нет слуг, что я совершенно одна и предоставлена сама себе. И если хоть какие-то представления об уборке у меня были, я видела работу горничных, то о стирке и готовке – нет, потому что вживую наблюдать мне не доводилось.

Я прекрасно справилась с наймом помощницы по хозяйству, все было хорошо целых десять лет. Кто же знал, что появится недобиток и все испортит?

– Не дровяная, – повторяет он за мной с нечитаемой интонацией, а затем забирает продукты с обеденного стола на столик у плиты.

Я с некоторым удивлением наблюдаю за действиями парня. Он открывает кран на полную мощность, достает из тазика тарелку, брезгливо стряхивает капли и подставляет под бьющую струю.

– Моя помощница всегда приносила губку и бутылку с чем-то.

– Неужели.

Я замолкаю. Я чувствую неловкость и одновременно раздражение, причем раздражения больше. Смотреть на недобитка мне больше не интересно, я поднимаюсь и ухожу в спальню.

Неожиданно, в собственном доме я ощущаю себя чужой, лишней. Или правильнее сказать, что квартира никогда не была моим домом? Я

оглядываюсь, смотрю на мебель, на стены, как будто впервые вижу. Работая в Опеке, я повидала немало квартир, и обычно все они так или иначе несли след индивидуальности хозяев. Моя квартира. Посторонний с первого взгляда поймет, что здесь ночуют, но не живут. Я бы могла устроить свой дом, сделать его совсем другим. Сделать его родным и уютным. Но я не сделала, продолжая годами жить в месте, которое мне не нравится. Почему?

Меня накрывает острым ощущением одиночества.

Я вдруг начинаю задыхаться, точь-в-точь, как тогда, десять лет назад. И точь-в-точь, как тогда, никто не приходит. Я сжимаю подлокотник и сосредотачиваюсь на ритме дыхания. Владеть собой и уметь контролировать каждый вздох меня научили.

Почему?

Я думала, что оставила прошлое в прошлом, что моя новая жизнь. Оказывается, я лишь прикрыла пустоту в своей душе, спрятала от самой себя. А теперь вдруг хлипкая заслонка проломилась, и я рухнула.

Что мне теперь делать? С собой, с собственной жизнью.

Десять лет не потрачены впустую, я буду продолжать свою работу. Но впервые хочется сделать что-то и для себя, и при этом я совершенно не представляю своих желаний.

– Леди, ужин подан, – доносится до меня голос недобитка.

Я не пришла в себя после внезапного срыва. Хотя почему внезапного? Раньше или позже он должен был произойти. Делиться сердечными проблемами с недобитком я точно не собираюсь, ему не надо о них знать. Я натягиваю на лицо маску приветливости, как меня учили дома, не задумываясь, выхватываю из шкафа блузку и прохожу на кухню:

– Вот.

Отдать свою блузку вместо рубашки – я думала об этом как о шутке, я совершенно точно не планировала этого делать всерьез. Когда я ловлю себя на ошибке, уже поздно исправлять.

Недобиток принимает блузку двумя пальцами.

– Сменная одежда, по-вашему?!

– Другой нет, – мямлю я.

Стыдно, а объяснять и извиняться не тянет, поэтому с видом полного равнодушия я сажусь за стол. Парень успел помыть не только

тарелку, но и вилки, а тарелка... Она у меня одна. Покупала я полный набор, естественно, но одна за другой тарелки разбивались. Вот чашку я ни разу не била. Взгляд цепляется за черепки, и я тихо вздыхаю.

Парень разрезает одну из двух котлету на кусочки и передает нож мне. Мы будем есть с одной тарелки одновременно? Я бы предпочла подождать очереди, но возражать как-то неудобно. Я просто медлю.

— Вы и с этим сами справиться не можете, леди? — недобиток нависает надо мной.

О чем он?

Фыркнув, он забирает мою вилку, накалывает кусочек и подносит к моим губам.

Интерлюдия 2

Керт

Глаза у нее становятся круглые как у совы.

Сам до конца не понимаю, что меня дернуло так поддразнивать. Леди вернулась из спальни сама не своя. Я слишком хорошо научился отличать подлинное равнодушие и безэмоциональную маску, которой аристократы стягивают свое лицо, пряча чувства. Леди умеет себя держать, она явно получала уроки у лучших учителей, но в то же время. Навык она подрастеряла, маска вышла неуклюжей – леди так и не смогла спрятать взгляд, он не равнодушный, а пустой. Я пытаюсь вспомнить, какие громкие падения были за последние. лет двадцать, хотя проще спросить, как ее зовут.

И в таком состоянии оставлять леди точно нельзя. Или я преувеличиваю? Эмоции мелькнули, когда она осознала, что именно мне вручила, смутилась и притворилась, что так и задумано, ага. Эмоции гаснут, леди снова начинает проваливаться в бездну.

Чем я мог ее спровоцировать? Вероятно, я затронул какие-то личные ассоциации.

Надо что-то делать, и я делаю первое, что приходит на ум, отбираю у нее вилку, накалываю кусочек котлеты, подношу к губам. Бледные, безжизненные, совершенно непривлекательные, но отчего-то я вдруг пытаюсь представить, какими они будут на вкус. Я. с ума сошел?

Леди отклоняется. В глазах вспыхивает негодование. Я смотрю на нее с откровенной насмешкой. Леди отбирает у меня свою вилку:

– Могу!

И это все? А разозлиться по-настоящему, поставить меня на место? Получается, опыта справляться с подобными ситуациями у нее нет? Даже неудобно становится, вроде как ребенка обидеть. Впрочем, она не ребенок, а просто заморыш. Ее бы в отпуск, на курорт, и превратится в красавицу. Результата я в любом случае добился – леди оживилась.

Ужинаем мы в неловком молчании. Для леди неловком. Меня же все устраивает... кроме отсутствия второго стула. И черта! Покончив с

пряниками – как только зубы не сломал?! – он тихонько перебрался ближе.

Стыдно сказать, мелкий черт обводит меня вокруг пальца. Он тянется к пакету, я отвлекаюсь на его загребушие лапы, а черт гибким хвостом подцепляет сахарную плюшку и прыгает на шкаф.

– Любишь сладкое? Купить тебе конфет?

А мне?! Не конфет, конечно.

Дикость же, никогда бы не подумал, что в глазах леди проиграю черту. Или это месть за мою выходку с вилкой? Если месть, то я уважительно склоняю голову.

Леди поднимается из-за стола:

– Спасибо.

Я молча провожаю ее взглядом.

– У-у-у, – насмехается надо мной черт.

– Что б ты понимал.

Докатился, отвечаю полумразумной зловредной тварюшке.

Леди ушла, и я кладу в тарелку еще пару котлет и ставлю на плиту. Одной штуки мне мало. А леди точно наелась? Что за неразумное создание, а? Как она одна выжила? Совершенно не умеет о себе заботиться. С одной стороны, это ее проблемы, с другой. Мне бы со своими разобраться.

Я прислушиваюсь к ощущениям. Ни малейшего намека, что магия восстанавливается или хотя бы начнет восстановится в ближайшее время, а без магии я все равно что мертвец. Без подпитки связь с родовыми артефактами истощится, и на этом и для меня, и для отца все кончится.

Заварив чай, я разливаю его в две чашки.

– Кыш с кухни, – говорю черту.

По-моему, леди плохо понимает, что к утру черт съест все, что она принесла. Или ее это не заботит. Голодать-то опять не ей!

– Ум?

– Кыш, – повторяю я.

Черт бросает в меня скомканной бумагой из-под плюшки, спрыгивает на стол и, хлестнув меня по ноге хвостом, проворно удирает.

Подхватив чай, я выхожу с кухни, плотно закрываю за собой дверь:

– Леди?

Она не отзывается.

– Ум? – а вот черт чаем заинтересовался, плюхается откуда-то сверху мне на плечо. Не больно, но ощутимо, будто туго набитой перьевой подушкой приложили.

– Это не тебе.

– У-ум? – черт моргает, корчит умильную мордаху.

– Я твоя хозяйка, чтобы на такое вестись, – похоже, полумразность чертей преуменьшена или это мне особенно умный попался, с пониманием речи у него полный порядок.

Сморщившись, черт мимикой демонстрирует, что он думает о моей жадности и неуступчивости, а затем резко спрыгивает. От толчка я едва не разливаю чай. И ведь он, поганец, нарочно.

Кто в здравом уме заводит черта в качестве питомца? А что она будет делать, когда черт вырастет? Совершенно неприспособленная... Ничего, будет ей курорт в дополнение к стандартной государственной награде.

– Леди, – повторяю я уже у ее спального закутка. – Леди, не могли бы вы уделить мне пару минут?

– Да?

Пока я уплетал вторую и третью порции, леди успела сходить в душ, и ко мне выходит с чуть влажными волосами, окутанная цветочным запахом мыла или шампуня. Точно, что не парфюм. А еще леди кутается в халат, по виду ни разу не ношенный. Завтра в мусоре наверняка будет упаковка.

– Ваш чай, леди, – я не спрашиваю, не предлагаю, сразу протягиваю чашку.

Леди смотрит на меня с некоторым замешательством. Удивительно, но домашний образ ей очень идет, но желание она вызывает по-прежнему одно единственное – отправить ее на курорт, и лучше недолго.

Она принимает чашку совсем неаристократично, обеими ладонями, да еще и обхватывает за стенки, игнорируя ручку. Видимо, к чаю она пристрастилась уже после перемен в жизни.

Я приглашающе киваю на диван.

Леди настороженно садится:

– Вы что-то хотели, господин Не-Черт?

Спросить имя. Я имею полное право потребовать, чтобы она, наконец, представилась, но требовать не хочется.

– В каком ведомстве вы служите, леди?

– В Опеке. Я старший инспектор.

– У вас так много работы, что вы вынуждены оставаться допоздна? – я чувствую, как мой тон леденеет.

Я ждал, а она...

В обязанности инспектора входит контроль за приютами и ведение дел усыновителей. Проще говоря, проверка документов, выезды и по результатам написание отчетов, причем мелкие огрехи никому не интересны.

– Обычно меньше, но сейчас очень много.

Странно.

Между Опекой и неудавшимся переворотом во дворце нет никакой связи, но совпадение само по себе тревожно. Леди хмурится, отчего на лбу появляется морщинка, напоминающая трещину. Аристократки не позволяют себе «ломать» лицо, и оттого впечатление особенно сильное, хотя едва ли леди собиралась меня впечатлять.

Она делает глоток:

– У вас получилось гораздо лучше, чем у меня.

Конечно, ведь кроме качества чая, важно соблюдать пропорцию и не передерживать, а леди. Я ужасался, когда заглянул утром в заварочный чайник. Это даже «на глаз» не назвать, леди сыпанула раза в три больше, чем следовало. Но надо признать, у горечи отличный бодрящий эффект.

– Рад, что вам понравилось. Расскажите про свою работу? Я не из праздного любопытства спрашиваю. Меня напрягает, что ваше «много» случилось одновременно с попыткой захвата власти.

– Не вижу связи, – пожимает она плечами, почти слово в слово озвучивая мои собственные мысли. – Я сейчас занимаюсь двумя делами параллельно. Одно – рядовое. Деньги, поступившие в приют, до детей не дошли, надо считать, кто сколько и как прикарманил, и выдвигать обвинение. А второе... несколько малышей были усыновлены по подложным документам, одна девочка точно пропала, остальных будем проверять завтра. Завтра, потому что сегодня устанавливали имена предполагаемых жертв похищения. Честно говоря, такой мрак. Там и халатность всплыла, и нарушения.

А?!

– В столице пропадают дети?!

Леди сутулится, съеживается.

– Ага. И, знаете, господин Не-Черт, что самое страшное? Преступления всегда были и будут, от этого никуда не деться. Страшно, что никто, вообще никто, целых полгода не замечал, что происходит. И, наверное, еще страшнее, что я наткнулась по чистой случайности. Мне претенденты на усыновление мальчика не понравились, а документы у них были идеальные. Честно? Большинство коллег на моем месте отдали бы ребенка, а я полезла проверять каждую мелочь, подняла дела, в которых отметился их адвокат, поехала в семью, и обнаружила, что семьи по адресу нет, квартира продана.

– У дознавателя уже есть хоть какие-то версии?

– Нет. Господин Не-Черт, у вас чай остывает.

Да? А я и забыл про него.

– Так что там с версиями? – я делаю глоток, но не чувствую вкуса. Кому и зачем могли понадобиться дети?

– Пока нет, но вряд ли похищения имеют отношения к перевороту, если вы об этом, господин Не-Черт.

Она читает мои мысли?! Если да, то все, что я вижу это притворство и попытка завоевать доверие. Нет, глупости. Никто не мог знать, по каким координатам откроется ненаправленный портал, а я прошел их два. И проулок. Я смутно помню, как бежал, пока еще мог удерживать себя в сознании. Я мог свернуть к любому другому дому. Я не верю в случайности, но наша встреча с леди именно совпадение. Да и зачем моим врагам мое доверие? Им нужна только моя смерть, леди ни с кем не связана, а раз не связана, то в притворстве еще меньше смысла.

Пожалуй, могут быть только два варианта. Либо мы действительно думаем в одном ключе, либо леди бессознательно улавливает мои мысли.

– Откуда у вас такая уверенность, леди?

Она пожимает плечами:

– Заговорщики, чуть-чуть не дотянувшие до успеха, не могут быть бедными. Переворот, как учит пример соседей, удовольствие дорогое.

Что? Уроки истории – это не больше чем красивая сказка, однако леди явно в курсе изнанки многих событий, в том числе и относительно недавних. Такое обучение проходят лишь дети пяти самых знатных родов.

Но за последние тридцать лет не было никаких громких скандалов...

– Да, согласен, обычно заговор начинается с поиска спонсоров или даже спонсоры ищут исполнителей.

– Усыновители провернули аферу с квартирой, там хитрая схема продажи в два этапа, чтобы уйти от контроля Опеки. Они явно торопились вернуть деньги. Мне кажется, что, если бы они не испытывали проблем с финансами, они бы не стали подставляться. Какой смысл, если деньги можно вернуть позже? Документально еще не подтверждено, но дознаватель уверен, что была использована одна и та же сумма.

– Не совсем понял, о каком использовании речь

– Первая пара купила квартиру, удочерила девочку и тотчас продала квартиру, тем самым вернула деньги. Так?

– Да.

– Вероятно, эти же деньги пошли на покупку квартиры второй пары, потом третьей. Мы ждем ответа Жилищного департамента, будем смотреть даты, но предварительно получается, что претенденты на усыновление покупали квартиру только после того, как предыдущая пара осуществит продажу.

– Теперь понял.

– Вот. А если у нас «прокручивается» одна и та же сумма, то логично предположить, что у преступников финансы ограничены.

– Дешевле было бы просто похищать детей.

– Да, но это гарантированно бы привлекло внимание.

Спорно. Если, например, пожар устроить, то исчезнувших детей скорее признают погибшими, чем пропавшими без вести. Однако несколько пожаров подряд – повод для расследования. Вывод очевиден: преступники заинтересованы в конкретных детях, а не в количестве.

– По поводу цели похищения идей нет?

Леди устало качает головой.

Хм. Одна мысль напрашивается

– А какого возраста дети? – уточняю я.

Мне всегда казалось, что бездетные пары предпочитают младенцев, воспитывать с пеленок легче, чем искать подход к уже осознающему себя ребенку, знающему, что усыновители не родные родители.

– Младшему пять исполнилось два месяца назад.

– В пять лет первая проверка на предрасположенность к магии.

Леди вскидывается.

– Да! Господин, вы гений! Как мне в голову не пришло? Я, – она встает. – Надо проверить, посмотреть справки, разобраться, кто имел к ним доступ. Утром, когда дознаватель придет, у меня уже все будет, и мы сможем продолжить.

Леди хватая плащ, накидывает поверх халата.

Она серьезно?! Она на работу в ночь собралась?!

– Куда?! – я преграждаю ей путь.

Ненормальная!

– Проверить, разумеется! – еще и оттолкнуть пытается, а пробравшийся в комнату черт, корчит с верхотуры рожи, издевается.

Я перехватываю леди за плечи:

– Посмотреть справки – дело на пять минут, если дела детей в кабинете, – они ведь в кабинете, ни за что не поверю, что леди вернула их в архив. – Сбегаете на работу и вернетесь, так?

– Д-да?

Она еще и меня спрашивает?!

– Можете, конечно, провести ночь в Опеке, а утром продемонстрировать коллегам ваш домашний гардероб.

Попытки вырваться леди прекращает, позволяет забрать плащ. Я скручиваю его и бросаю на диван, себе за спину, подальше от соблазнов, сажусь и протягиваю леди ее недопитый чай. Пойти что ли повторно заварить, чтобы был горячий? Нет, надо закончить разговор и отправить неугомонную высыпаться.

Леди колеблется, но все же послушно присаживается с другой стороны дивана, бросает на меня пыливый взгляд:

– Господин Не-Черт, у вас еще какие-то идеи есть?

Почувствовала?

– Если я прав по поводу магии, то можно надеяться, что непосредственной угрозы для жизни детей нет.

К пяти годам ребенок начинает чувствовать магию, и чем раньше начнутся занятия, тем лучше. Разумеется, ни о каком серьезном обучении речи не идет, в основном с одаренными детьми играют в игры, развивающие чувствительность. Манипулировать магией дети учатся с четырнадцати-пятнадцати, а то и с шестнадцати, осваивают самые-самые азы. Полноценное обучение начинается не раньше восемнадцати.

В пять лет одаренный ребенок ничем не отличается от ровесников. Кроме потенциала. Похититель собирается ждать, воспитывать «под себя»?

Леди отставляет чашку, опускает голову:

– Вы... не думаете, что детей вывозят из королевства?

Рабство на континенте запрещено, за исключением двух стран, да и то у них уже скорее не рабство как таковое, а долговая кабала, за убийство раба наказывают жестче, чем за убийство свободного. Если жена ломает спину, работая прачкой, чтобы прокормить троих детей, а муж просаживает ее деньги в кабаке или казино, то зачем такого держать на воле? В руднике от него будет хоть какая-то польза, и женщине без обузы легче.

Через океан рабство процветает.

– Одаренные, даже дети, стоят дорого. Незаметно вывезти группу детей труднее, чем одного ребенка. За полгода девочку бы точно успели вывезти. Раз денег не появилось, значит, этого не сделали.

– Но в чем смысл собирать детей внутри королевства? Рано или поздно Опека бы заметила пропажу.

Сказать или не сказать?

Я бы не сомневался, если бы откровенностью поставил под удар только себя. Сколько крови прольется, если в королевстве начнется смута? Я обязан вернуться, а, вернувшись, смогу позаботиться о детях.

Леди смотрит на меня. Не удивлюсь, если она снова что-то поняла. Иначе почему она отворачивается? И мне чудится упрек со смесью разочарования.

Шанс, что я вернусь, едва ли отличается от нуля. А она сидит молчаливым укором совести! Даже черт притих, свернулся клубком и только одним глазом на нас сверкает, второй зажмурил.

– Леди.

Как же поступить?

Выдав засекреченные сведения, я не только себя под удар подставляю, но и леди. Это ведь просто: как только она заговорит, то неизбежно привлечет внимание. Молчание бесполезно, я могу молчать с таким же результатом.

– М?

– От того, сможете ли вы правильно распорядиться информацией, которой я с вами поделюсь, зависят не только наши с вами жизни, но и спасение детей. Когда дерутся за власть, до сирот никому нет дела. Вас уберут как свидетельницу, дознавателя отправят в дальнюю командировку, дело передадут кому-то новому, а «лишние» материалы изымут и уничтожат. Вам придется быть осторожной не ради себя или меня, а ради детей. Вы меня поняли?

Надеюсь, уроки в семье не прошли даром.

Если бы леди бездумно закивала, я бы пожалел, что согласился рискнуть и... наверное, что-нибудь бы соврал. Леди поворачивает голову, несколько минут молча всматривается мне в лицо, хмурится. Я не тороплю. Влезать в государственные секреты следует осознанно. Лучше, конечно, вообще не влезать, но она совсем не думает о себе, зато думает о чужих детях.

Я в очередной раз недооцениваю леди.

Она ошеломляет:

– Вы подозреваете деарцев, господин Не-Черт?

Я чувствую, как леденеет все внутри. Я привычно не позволяю эмоциям отразиться на лице, хотя скрывать их от леди причин нет, срабатывает вбитый с детства рефлекс.

Слишком точное попадание.

– Вы мысли читаете, леди? – не выдерживаю я.

– Хм? – она вполне искренне удивляется. – Нет. Просто логика. Дети с магическим потенциалом и похитители, информация о которых засекречена – деарцы первые, кто приходят на ум. Но мне казалось, в нашей стране их не осталось. Нет?

Чего и следовало ожидать от дочери великого рода.

Однокомнатная квартира, кирпичной стеной разделенная на спальный закуток и гостиную-конуру кажутся особенно неуместными. Леди тратит свой талант попусту. Какой старший инспектор? Будучи главой Опек, она бы принесла гораздо больше пользы. Даже место главы слишком мелко для нее. Пост министра?

Хах, размечтался. Нет, не о том я думаю.

Леди задала вопрос. Знать бы, насколько она осведомлена. Выдавать сведения, без которых можно обойтись, я все же не хочу.

– Как ушли, так и вернулись. Первые сообщения о деарцах стали поступать около двух лет назад. Леди, у вас есть карта? Если искать детей, то прежде всего в общинах.

– Было бы неплохо найти документальную связь усыновителей с этими местами. Тогда я смогу настаивать на проверке, не упоминая культ. Если мы «случайно» их обнаружим.

– Леди, я бы посоветовал сосредоточиться на поиске детей, а существование деарцев игнорировать, иначе вас заставят замолчать.

Решение быть откровенным определенно правильное. Единственное, что я могу сделать для безопасности леди – предупредить о проблемах. Если бы она наткнулась на культ вслепую, было бы во сто крат хуже.

Почему мне плохо от того, что я не могу проконтролировать?

– Еще чаю? – предлагаю я.

Леди, погруженная в размышления, едва заметно кивает.

Я выхожу в кухню, а когда через десять минут я возвращаюсь с горячей кружкой, нахожу леди... спящей. Первый порыв позвать ее, я сдерживаю. Я просто не понимаю, как она так быстро отключилась, вот только сидела и напряженно хмурилась, и уже расслабленно дышит, хотя безмятежной не выглядит. Еще и поза неудобная, леди поджимает под себя босую ногу. Тапок на полу.

Часы остались на кухне, но и без них понятно, что время перевалило за полночь, из-за меня леди прошлой ночью не выпалась.

Я ставлю чашку на стол, подхожу ближе. Уснула. Скрюченная, на диване – никуда не годится. Я осторожно, чтобы не разбудить, поднимаю леди. Такая невесомая, как котенок. На моих руках леди хмурится поворачивает голову и, не просыпаясь, устраивается удобнее. Несколько шагов, я останавливаюсь. Я должен опустить ее на кровать, да?

Леди по-прежнему не просыпается. Я опускаю сверху одеяло и выхожу. Спокойной ночи, леди. Черт, когда начинал разговор, я всего лишь хотел узнать имя леди.

К моему возвращению черт успел не только спуститься из-под потолка на диван, но и выхлебать весь мой чай.

Глава 10

Опаздываю на работу второй день подряд, и сегодня – значительно.

Зато я выпалась и привела мысли в порядок. Мысли, касающиеся работы. Что делать с собой, со своей жизнью, я в замешательстве, так еще и недобиток крутится рядом, строит из себя галантного, чай заваривает. И смотрит проникновенно, словно в душу заглядывает. Мне бы игнорировать и уж точно не принимать близко к сердцу. Ну и что, что мне с ним неожиданно легко, и что он больше не воспринимается чужаком, вторгнувшимся в личное пространство? Он. Если я его на роль личной горничной определяю, он обидится? Для дворецкого господин Не-Черт слишком вольно позволяет себе заходить в мою спальню.

Я о работе должна думать, а думаю о нем. Недобиток разбудил в моей душе что-то неясное, давно забытое.

Мысли мыслями, а документы я сортирую едва ли не быстрее, чем обычно.

– Интересно.

– Вы что-то нашли, госпожа Майс? – дознаватель временно обосновался в моем кабинете. Не я, недобиток догадался, я лишь подтвердила его догадку.

– Я пролистала личные дела детей. Я искала, что у них может быть общего. Точно, что не происхождение и не наследство. Я не могу себе представить, что похитители внезапно знают о прошлом детей больше нас. Так вот, на сотню детей в среднем приходится около десяти одаренных.

– То есть похитили будущих магов?

Я «слила» информацию не слишком подозрительно?

Вроде бы нет. Собственно, я уверена, что сама бы догадалась, когда подняла записи о развивающих занятиях, только без подсказок мне бы понадобилось гораздо больше времени.

– Да, – киваю я. – И мне очень интересно узнать, кто нарушил детскую приватность. Инспектор отодвигает отчет, который читал.

– Госпожа Аврора, а как предполагаемые усыновители выбирают ребенка?

Он намекает на то, что списки одаренных никто не сливал, усыновители узнали о предрасположенности к магии во время знакомства?

– По-разному бывает, но вашу мысль, господин дознаватель, я поняла. Одну секунду, – я снова принимаюсь шуршать справками, а параллельно объясняю. – Бывает, что благотворители приходят с подарками, знакомятся с детьми, а через некоторое время начинают приходить к конкретному ребенку и подают на усыновление. Бывает, что сироту забирают дальние родственники или друзья погибших родителей. Чаще стараются выбрать младенцев, по цвету глаз и волос похожих на кого-то из пары.

– Хм? Как потом ребенку объясняют визиты инспектора? Или приемным детям всегда сообщают, что они приемные?

– Тайна усыновления строго охраняется. По желанию родителей инспектор может приходить под видом целителя. Так вот, все «наши» усыновители не знакомились с детьми, они сразу подавали заявку, а ребенка выбирали чуть ли не первого попавшегося.

– То есть?

– Воспитатели в обязательном порядке фиксируют, с кем из детей знакомились предполагаемые приемные родители. Так вот, господа приходят в приют уже в статусе претендентов на усыновление, запрашивают информацию по детям от пяти лет и старше, задают вопросы, выбирают нескольких. Вероятно, отвлекают? Тут везде пишут, что претенденты уделяли каждому малышу минут по пять, пока не увидели «своего». Черт!

– Что такое?

– «Полюбили девочку с первого взгляда», – цитирую я. – Вы в такое верите, господин дознаватель? Как по мне, даже из сухого официального отчета театральность восторга просматривается. Как они позволили?

Да, я знаю, что не всем моим коллегам интересны проблемы сирот, но все равно иногда их равнодушие убивает. Ладно бы речь шла о деньгах, которые украли из бюджета. Но ведь речь о самой жизни сирот.

Дознаватель встает из-за стола. Я не обращаю внимания. Наверное, ему нужен какой-то документ. Я оказываюсь совершенно не готова к тому, что он остановится за моей спиной и опустит ладони мне на плечи:

– Аврора, так бывает. Вы не должны чувствовать вину за действия других людей.

Я, качнувшись, подаюсь вперед. Столешница через ткань болезненно впивается в тело. Я разворачиваюсь. Чужие ладони соскальзывают с моих плеч. Теперь я чувствую столешницу спиной. Я стараюсь выглядеть спокойной и в то же время отодвигаюсь, насколько возможно. Дознаватель непозволительно близко.

Смотрю на него, а вспоминаю недобитка. Странно так. Недобиток позволял себе гораздо больше, у дознавателя жест почти дружеский, но отторжение вызывает почему-то именно он.

– Господин Фронш, я признательна вам за поддержку. Я понимаю, что у вас самые благие пожелания, однако будет неуместно, если мы начнем общаться слишком вольно.

В глазах дознавателя вспыхивает злой огонек.

Неужели я была груба? Я старалась отказать мягко.

– Почему же, госпожа Аврора?

Он все еще обращается ко мне по имени, но хотя бы делает это чуть более уважительно.

– Я убеждена, что на работе личному нет места, а следовательно, общение не должно выходить за рамки делового этикета.

Его злость разгорается ярче.

– Госпожа Майс, мы оба взрослые. Не стоит рассказывать про правила, это звучит фальшиво.

Что ему не нравится? Я старалась щадить его чувства, ведь отказ переносится гораздо легче, когда причина кроется во внешних не зависящих от тебя обстоятельствах, чем в тебе самом. Впрочем, как угодно. Мы действительно оба взрослые. Дознаватель... не мой тип. Наверное, он хороший человек. Почему бы и нет? Но рядом с ним не возникает чувства защищенности, как рядом с недобитком, поэтому нет.

– Дело для меня на первом месте, господин дознаватель. Независимо от того, как это звучит, это правда.

– Я вас услышал, госпожа.

Возможно, я фантазирую, но мне кажется, что он использовал не столько обезличенное обращение, сколько укороченное, и подразумевалось все то же – «госпожа Аврора». Черт, ему обязательно быть таким раздражающим?

– Как продвигаются поиски?

Дознаватель отстраняется только после моего вопроса. Он отходит к столу, разворачивает карту королевства:

– Вот, госпожа, взгляните, серыми точками отмечены места, так или иначе связанные с похитителями. По мере проверки адресов, мы будем перекрашивать точки в зеленый, если ничего не найдем.

Я усилием воли давлю в себе нетерпение и подхожу ближе. Не-Черт вчера говорил и утром напомнил, что выдавать свою осведомленность опасно, поэтому к его предупреждению я отношусь со всей серьезностью. Я преднамеренно встаю полубоком, чтобы дознаватель не мог видеть выражение моего лица.

Серые точки рассеяны по всей территории королевства, и их неожиданно много. Я пытаюсь сопоставить то, что вижу, с районами, которые перечислил Не-Черт.

– Госпожа, о чем вы так напряженно думаете?

Черт!

– Если детей собирают с какой-то целью, то вряд ли с ними занимаются сами усыновители. Возможно ли, что похитители организовали свой приют? Приют – не тот масштаб. Скорее, большой дом, где несколько взрослых присматривают за детьми. В городе появление семьи с десятком детей привлечет внимание, значит, дом должен быть на отшибе или за городом. Господин дознаватель, мне кажется, именно такие дома следует проверить в первую очередь. Как вы считаете?

– Я тоже об этом подумал. Сейчас стражи проверяют вот эти точки, – он использует карандаш вместо указки. – Первые сведения я жду через час.

– Хорошо...

Я слышу, как дрожит мой голос, ничего не могу с собой поделать. Я гадала, как указать на районы, где предположительно могли обосноваться деарцы. Делать ничего не пришлось, одна из точек в нужной области, и есть еще шесть совпадений, но, когда будут проверять их, пока не понятно.

– Как много времени понадобится, чтобы проверить все адреса?

– Трудно сказать. Вот сюда и сюда, – карандаш скользит по карте, – добраться проблематично. И еще учтите, что список адресов для проверки будет пополняться.

Кивнув, я отхожу в сторону.

Я почти закончила с личными делами пропавших детей.

В дверь распахивается без предупреждения.

На пороге подтянутый парень в форме стража, на вид ему лет двадцать, скорее мальчишка. Или так кажется из-за растрепанных волос? Из-за плеча парня выглядывает встревоженная Энна. Похоже, она чувствует себя неловко из-за того, что не успела предупредить, но не ей останавливать стража при исполнении.

Вытянувшись в струнку, парень отдает честь и рявкает в полную силу легких:

– Докладываю! Дознаватель Фронш, вас вызывает командир отделения!

Сколько рвения... Я морщусь и прикладываю палец к уху. Впрочем, крикну до меня дела нет, он сверлит взглядом дознавателя.

– Госпожа инспектор, вынужден вас оставить.

Я киваю, глупых вопросов что случилось вслух не задаю. На душе становится тревожно. Как начальник, я бы не стала отвлекать подчиненного, занимающегося поиском детей. Вызов мне не нравится, внутри аж зудит от предчувствия новых проблем, которые добавят сверху.

Дознаватель и страж уходят.

Я перевожу взгляд на Эночку:

– Будь добра, чай.

Если дать недобитку хорошую заварку и ваниль, он или Эночка справятся с приготовлением лучше?

Я возвращаюсь к личным делам детей. Я почти закончила читать. Ничего, что могло бы показаться хоть немного заслуживающим внимания, я, увы, не нашла. Не-Черт был прав –единственное, что объединяет детей, это их магический потенциал.

Я откладываю дела – прямо сейчас больше я ничего сделать не могу – и возвращаюсь к отчетам по приюту. Аромат ванили щекочет нос, Энна ставит чашку справа от меня. Обычно ради чая я откладываю бумаги, но не сегодня.

Увлечшись, я как всегда теряюсь во времени.

Когда я вынырываю из бумаг, еще светло. На дне осталось полглотка. Времени прошло немного? Я поднимаю взгляд, и, наконец, понимаю, что меня отвлекло. Вернулся дознаватель. Энна звала меня безуспешно, а ему одной фразы хватило, чтобы я услышала:

– Плохие новости, госпожа Майс.

– Дети?! – вскидываюсь я.

То, что мы с недобитком решили, что их собирают ради отдаленного будущего, не значит, что мы правы.

– Нет. Не совсем. Уже проверенные адресу оказались пустышками. Госпожа инспектор, командир отделения приказал померить энтузиазм.

– Что?!

– Командир передал мне сразу два новых дела, под предлогом, что мои коллеги не справляются с расследованием. Оба дела запутанные, и очевидно, что переданы мне, чтобы отвлечь, чтобы я не мог полноценно заниматься поисками. Пренебрегу – меня вовсе отстроят.

Ничего не понимаю...

Я никак не упоминала культ. Речь шла именно о пропаже сирот. Так почему сверху вмешались?! Только если.

– У преступников наверху есть покровитель?

Есть покровитель, но нет денег – как это может быть?!

– Госпожа инспектор, вы все понимаете правильно.

– И. что мы будем делать?

– Делать? Энна, оставьте нас.

Энна косится на меня и послушно выходит, плотно закрывает за собой дверь. Можно быть уверенной, что Энна не попытается подслушать. То, что прозвучит сейчас, останется между мной и дознавателем. Я уверена, что он вновь назовет меня по имени, но он молчит.

В кабинете воцаряется тишина. Дознаватель не спешит ее нарушать. Мы смотрим друг другу в глаза, и в его взгляде я чувствую его непримиримость. Чем дольше я смотрю ему в глаза, тем отчетливее понимаю, что нельзя первой отвести взгляд. Это сражение, не знаю, почему, но это настоящее сражение.

Я не моргаю до сухой рези в глазах.

Дознаватель сдается первым.

– Аврора, не глупите. Приказ пришел с самого верха. Как я уже сказал, меня отстранят, если я продолжу упорствовать. Вас же. Аврора, я не хочу узнать, что, возвращаясь с работы, вы наткнулись на набравшегося в хлам дебошира и погибли от ножевого ранения.

– Вы.

– Вот.

Он кладет передо мной листок с адресом.

– Что это?

– Здесь живет Кай Ранс, страж в отставке. Он был тяжело ранен, целители признали его непригодным к продолжению службы. Я полагаю, он мог бы согласиться продолжить расследование тайно, в частном порядке.

Ха, что за шутка такая?

Я медленно встаю из-за стола:

– Господин дознаватель, вы меня за дуру держите? Потрудитесь объяснить, уж будьте любезны, как один человек, да еще и без официальных полномочий, справится с задачей, которая по силам только группе? Вы лично нанесли на карту точки, они разбросаны по территории всей страны. До удаленных добираться несколько дней. Как один человек может их проверить?

– Аврора...

– Я поняла, достаточно. Спасибо, что откровенно предупредили. Простите, но я должна обдумать новости.

– Да.

Дознаватель оставляет листок с адресом отставника на краю моего стола, отходит и принимается собирать свои документы. Карту с отметками. оставляет. И поглядывает на меня с видом несправедливо обиженного.

Отчасти дознаватель прав: если наверху хотят, чтобы расследование было прекращено, продолжать вопреки запрету глупо – нас прибьют раньше, чем мы продвинемся хотя бы на шаг, детям наше самоубийственное геройство точно не поможет, так что мужчину я не виню, наоборот, признаю его правоту. Однако на душе все равно гадко.

А его попытка отправить меня к отставнику? Вроде бы хоть какой-то выход, неофициальное расследование силами одного человека лучше чем полное бездействие, но кто сказал, что я получу помощь, а не попаду прямиком в смертельную ловушку? Откуда мне

знать, предупреждает меня господин Фронш или проверяет, насколько я упряма?

Его предложением я точно не воспользуюсь. У меня есть кандидатура получше.

– Кажется, я пропустила обед? – я перекладываю «детские» дела в шкаф, следом убираю папки по приюту.

Интересно, а сверху приказ передали только командиру отделения или главе Опеки тоже? В любом случае вряд ли мне позволят поднять шум.

Обед я использую как предлог, чтобы уйти, но дознаватель воспринимает мои слова по-своему.

– Какое совпадение, госпожа инспектор. Я тоже. Позвольте составить вам компанию? Слишком навязчиво.

– Не стоит, господин дознаватель.

Я набрасываю на плечи форменный плащ, затягиваю пряжку. Дознаватель наблюдает, не пытаюсь приблизиться.

– Аврора.

– Господин дознаватель, вы уже собрались? Тогда я вас провожу.

Я хочу забрать оставленную мне карту, но я не хочу, чтобы дознаватель видел, что я вынесу ее из кабинета.

– Не утруждайтесь, госпожа, – довольно резко отвечает он и уходит.

Пф-ф!

Я сворачиваю карту, прячу во внутренний карман, туда же бросаю записку с адресом отставника и выхожу в приемную:

– Эночка, я на обед.

– Госпожа Майс?! Это на вас не похоже...

– Нужно проветрить голову, – пожимаю я плечами.

– Да, госпожа Майс.

Я ухожу.

Все-таки хорошо быть старшим инспектором. Вернуться на работу придется, но никто не упрекнет, если я буду отсутствовать два часа или даже три. Я не в силах ждать вечера, мне очень нужен совет.

И не только совет.

Ветер гонит по улице пыль. Я поднимаю воротник, кутаюсь в плащ и прибавляю шаг. На проспекте, если идти в сторону центра, работает кафе «Баранья ножка». Обычно мне лень делать крюк ради

него, к тому же допоздна кафе не работает, закрывается, я банально не успеваю.

Я не соврала, когда сказала, что мне нужно проветриться. Злость плохой союзник. Я подставляю лицо порывам ветра, воздух приятно холодит кожу, но расслабиться не получается. Не только из-за тревоги за детей. Мне мерещится чужой взгляд. Я не оборачиваюсь, но поглядываю на стекла витрин, стараясь в отражении поймать наблюдателя. В том, что за мной следят, я не сомневаюсь. Чужой взгляд сопровождает меня до кафе. Я не решаюсь заказать два обеда, беру один, но сытный.

— С собой, пожалуйста.

Зал в кафе небольшой, желающих пообедать много, и свободных мест нет, так что ничего удивительного, что я беру заказ на вынос. Но вернуться-то я должна в инспекцию, пообедать в кабинете никто не запретит.

Часть пути я действительно прохожу обратно. Тот, кто за мной следит словно теряет интерес, но я поворачиваю не налево, а направо, домой. Чужой взгляд буквально впивается в затылок. Не выдержав, я оборачиваюсь. Никого.

Глава 11

Я поднимаюсь на этаж, вхожу в квартиру и замираю на пороге. Я дверью ошиблась? Я настороженно осматриваюсь и не узнаю свою прихожую. Вот мусор у порога мой, последняя порция, которую я честно собиралась прихватить утром, но снова забыла. К старому мусору прибавился новый пакет с обертками от вчерашнего ужина и сегодняшнего завтрака.

– Леди? Не ожидал. Вы все же решили не дать мне умереть с голоду? Я тронут.

Ага, квартира моя. Но...

– Что это? – спрашиваю я.

До меня доходит, что изменилось. В квартире свежо дышать. Атмосфера неуловимо изменилась. На тумбочке влажный след. Недобиток вымыл мне квартиру?! Однозначно не принц.

Он складывает руки на груди:

– Слегка передвинул мебель.

Точно! Именно мебель меня и смутила, когда я вошла.

– З-зачем?

Это нормально – хозяйничать в гостях? Надо признать, стало лучше. Уютнее, что ли. Недобиток одной перестановкой не ограничился. Шарф, который я когда-то бросила на вешалку и забыла, теперь завязан в форме банта. На тумбочке невеста откуда появилась вазочка с зеленым растением. Вазу, вероятно, мне когда-то подарили, а вот откуда недобиток выкопал растение? За плинтусом у меня точно ничего не росло. Неужели черт притащил с улицы? Или... Тонкие листья-стрелочки это лук! Вероятно, в пакете, собранном хозяйкой Хошши был.

– Ум?

Стоило о черте подумать, он высунулся из комнаты.

– Простите, леди. Я должен был спросить разрешение. Я хотел занять себя хоть чем-то, чтобы отвлечься.

– Отлично получилось, мне нравится.

– У-ум?

Черт шумно принюхивается, выпускает длинный розовый язык, облизывается и прыгает ко мне.

Недобиток легко перехватывает поганца в основании хвоста и забирает у меня пакет. Оставшийся без добычи черт тяжело вздыхает, вырывается и уходит, а недобиток отбирает у меня плащ. Я только глазами хлопаю, слишком резкие перемены. Недобиток закидывает плащ на крючок, относит пакет в кухню.

Надо переобуться, но домашних тапочек в привычном месте нет.

Леди?

Я...

Парень подходит вплотную, между нами остаются сантиметры. Я сглатываю, а он присаживается на корточки, расстегивает ботинок на левой ноге. Пальцы невесомо касаются щиколотки. У меня от легчайшего прикосновения перехватывает дыхание.

– Вы.

– Леди, мне показалось, вы нуждаетесь в помощи, – проникновенный взгляд снизу вверх, и снова легкое касание.

На стопе оказывается тапочек.

– Я могу сама.

Никогда мужчины не помогали мне переобуваться, а недобиток нахально превращает простую смену обуви во что-то волнительное.

Он избавляет меня от второго ботинка, подает тапочек и плавно поднимается.

– Голова не кружится, – с едкой заботой спрашиваю я. Сказать спасибо язык не поворачивается, с слишком смущена.

Недобиток усмехается и уходит в ванную, но на пороге останавливается:

– Леди, поторопитесь, а то обед остынет.

Я дожидаюсь своей очереди мыть руки.

Когда я прихожу в кухню, недобиток уже абсолютно серьезен:

– Леди, что-то случилось? Когда вы пришли, мне показалось, вы очень расстроены. Вы повеселели.

Так он нарочно?!

Я сажусь за стол. Стул один, и недобиток мне его галантно уступает.

– Случилось. Мы ошиблись в предположениях. Я не знаю, почему у похитителей нет денег, но покровитель у них есть, причем в самом

верху. Дознавателю рекомендовали сосредоточиться на расследовании других дел.

– Вот как? Это многое меняет.

Я рассказываю все, что случилось за день, рассказываю максимально подробно, в деталях. Парень, запросто сидя на подоконнике как на лавочке, внимательно слушает. Несмотря на свое же предупреждение, что обед остынет, пока я говорю, к еде он не притрагивается, и все больше хмурится.

Незаметно у меня появляется второй слушатель. Черт, вероятно, привлеченный запахами, осторожно входит, потягивает воздух пяточком и издает утробный тихий рык. Его хвост возбужденно метет по полу, но бросаться на стол черт не спешит. Хм, ковер из черепков исчез, осколки больше не усеивают пол. Черт, щекрябая когтями, подбирается ближе.

– У-ум? – и вспрыгивает на подоконник к Не-Черту, чем несказанно меня удивляет.

Парень не глядя опускает руку и чешет черта за ухом, а тот довольно ворчит и на еду не покушается.

Недобиток, оказывается, талантливый дрессировщик.

– Вы правы, леди. Вам не стоит обращаться к отставнику, это может быть опасно. Леди... Что вы носите в сумке?

– Эм.

Если в документах у меня безупречный порядок, в квартире тоже порядок, но своеобразный, то в сумке наполовину бардак. В сумке два отделения, и в первом я держу документы, там все идеально. Второе отделение – это отделение сюрпризов, запускаешь руку и вытаскиваешь всегда что-нибудь неожиданное.

– Леди, я хочу, чтобы отныне вы всегда брали черта с собой. Телохранитель из него не получится, но помочь сможет.

Притащить зловредного духа в инспекцию? Я боюсь за наш архив.

– Вы хотите, чтобы меня уволили? – ворчу я.

На самом деле я признаю правоту недобитка, и даже скажу спасибо чуть попозже, просто прямо сейчас недовольство помогает задавить страх. Насколько плоха ситуация, что парень готов доверить меня даже черту?

– Я хочу, чтобы вас не убили, леди, – отвечает Не-Черт.

Лучше бы молчал. У меня мороз по коже.

– Извините, господин. Мне не по себе, и я говорю глупости. Посажу в сумку. Хей, друг, пойдешь со мной?

– Ум.

Я придвигаю тарелку чуть ближе, отрезаю кусочек мяса и отправляю в рот. Второй кусочек протягиваю довольному черту. Аппетита нет.

– Возможно... – я морщусь и замолкаю.

– Леди?

Я отрицательно качаю головой:

– Нет, ничего.

Леди, раз вам пришла на ум идея, значит, что-то в ней есть.

– Я лишь подумала, что, возможно, у вас есть на примете человек, которому можно доверить хотя бы проверку адресов, но такой человек сразу поймет, что я пришла от вас. По той же причине нельзя воспользоваться тeneвым двойником королевской печати.

– У меня нет больше тени печати, на вас израсходовал.

Беспомощность отвратительна. Я перебираю варианты и отвергаю их один за другим. Устроить скандал, поднять шум? Таким образом я заставлю коллег подключиться к расследованию, но преступники могут повести себя непредсказуемо, нельзя рисковать детьми. Нанять частного следователя? Сбережения у меня есть, однако я не знаю, как к кому обратиться. В столь щепетильном деле частник не может быть случайным человеком с улицы, найденным по вывеске.

– Леди, у меня есть предположение.

Делиться им Не-Черт не торопится, отрезает довольно большой кусок. Мы так и едим с одной тарелки, сегодня это воспринимается как нечто, само собой разумеющееся, как будто так и надо.

– Да?

– Я исходил из того, что в стране около пары сотни деарцев. Но если счет идет на тысячи, то очевидно, что община не будет монолитной. Некая группа, низовая, занимается детьми на свои средства, но как только вы тронули эту группу, на защиту встала верхушка общины. Леди, простите за бестактность, но... вы маг?

Пара сотен – это уже очень много. И вдруг речь пошла о тысячах. Что у нас в стране творится?! Хах, ответ сидит на подоконнике – в

стране творится переворот. Попытка захватить власть с наскока провалилась, и началась затяжная борьба.

Если за переворотом стоят деарцы, значит, принц обвинен ложно?

Первый король династии приказал построить Небесный храм и на словах даровал нам свободу почитать любого бога, следуя велению сердца. Ограничение осталось за скобками. Некоторые боги требуют человеческих жертвоприношений, а законом запрещено проливать в храмах кровь, причем любую, не только людскую. Даже мышь нельзя принести в жертву, наказание одно – каторга. Казалось бы, изящный ход: кровожадные боги перестали отвечать на «сухие» молитвы, люди стали чаще обращаться к светлым богам.

Отсутствие прямых запретов сыграло злую шутку, деарцы попали в слепое пятно. На их алтарях не льется кровь, на их алтарях никто не умирает. На их алтарях жертвы добровольно стареют. Двадцатилетний парень ложится на камень вечером, а утром встает седым стариком. Особенно жрецы деарцев «любят» магов.

Долгое время о проблеме вообще не задумывались. Деарцы живут закрытой общиной, и у них действует жесточайшая кастовая система. С внешним миром контактируют жрецы и благословленные. Если проводить аналогии, благословленных можно сравнить с аристократами – небольшая привилегированная группа. Деарцы умеют производить приятное впечатление, порой сладкое до приторности. Они прекрасно умеют вписаться в общество, за счет взаимовыручки и общинности успешно ведут дела, обладают немалыми ресурсами. И успешно скрывают, что кроме них в общине есть низшая каста.

Низшим не позволено выходить во внешний мир, им с детства промывают мозги, превращая в покорных овечек, которые лягут на алтари, как ягнята под нож. Детям с магическим потенциалом деарцы и вовсе прививают глубокое чувство вины. В учении говорится, что маги – это души, перед рождением укравшие у бога Деара силу. Они должны покаяться и... вернуть украденное.

Старость сразу после совершеннолетия, год-два дряхлого существования и смерть – вот, что ждет усыновленных детей, если я ничего не сделаю. С одной стороны, есть чему порадоваться., в ближайшие десять лет детям ничего не грозит. С другой стороны, мне страшно подумать, какой вред им беседы со жрецами.

Я не знаю подробностей, это произошло до моего рождения. От деарцев избавились. Нет, их не убили. Против них обернули закрытость их общин. Однажды ночью сработали массовые порталы, отправившие деарцев за пределы страны, а король ловко свалил вину на бога Деара. Распространились слухи, что якобы таким образом Деар защитил своих почитателей от смертельной угрозы. Обратно в страну деарцев не пускали.

Вынырнув из своих мыслей, я вспоминаю, что недобиток задал вопрос.

– Нет, я не маг, – тема для меня болезненна, но я нахожу в себе силы добавить подробности.

– Больше не маг.

– У-у-у, – вздыхает черт, перепрыгивает ко мне и сочувственно хлопает лапкой по руке. Я невольно улыбаюсь. Кто сказал, что черти зловредные?

– Больше не маг? – переспрашивает недобиток.

Он явно ждет подробностей. Я стискиваю пальцы. Воспоминания слишком болезненны, но ради детей я расскажу все, хотя и не понимаю, в чем причина интереса. Как магия может помочь?

– Мой дар был запечатан, господин Не-Черт. Десять лет назад.

– Десять лет назад ни одна леди не была приговорена к подобной мере. Более того, учитывая ваш нынешний статус, вы никак не можете быть преступницей.

Умеет парень думать и делать правильные выводы. А еще у него потрясающая память. Помнить судебные процессы десятилетней давности.

– Это было внутрисемейным решением.

– Говоря откровенно, леди, мне бы очень хотелось услышать подробности, но я понимаю, что вам неприятно. Боюсь, я не готов отпустить эту ситуацию, я бы очень хотел услышать, то произошло, учитывая, что не могу вспомнить ни одного скандала. У меня большие сомнения в справедливости решения. Но прямо сейчас давайте этот разговор отложим. Печать блокирует дар, но чувствительность к силе и возможность направлять потоки у вас должна остаться несмотря на печать.

– Да, но какой в этом толк? Управление потоком само по себе не несет в себе никакой практической пользы, это лишь первый шаг в

создании заклинания. Я даже накопители подпитывать не могу. То есть могу, но доступный мне объем энергии настолько крошечный, что даже малый кристалл я буду с неделю заряжать.

– Леди, прошло больше суток после ментального удара, но я не чувствую никаких признаков восстановления. Я хочу, чтобы вы искусственно попытались заполнить дыру, раз она не закрывается естественным способом.

– Что?! – вскакиваю я.

Черт испуганно отпрыгивает и принимается ругаться на своем чертячем языке. Я отмечаю его недовольство лишь краем сознания, я полностью сосредоточена на недобитке. Он с ума сошел? Он предлагает мне его своими руками добить?

– Я не целитель.

– Разве я говорил что-то об исцелении? Все, что от вас требуется, направить поток и наполнить мой резерв.

– Мне не нужен труп на кухне!

– Хорошо, перед началом мы перейдем в гостиную, – он еще и ухмыляется!

Лично я не вижу ничего веселого. Шансы настолько ничтожны, что с таким же успехом он мог предложить прибить себя, чтобы не мучиться. И в то же время поражает, с какой уверенностью он смотрит смерти в лицо. Я бы, растеряв всякое достоинство, тряслась от страха.

– Р-р-р-р... – выдыхаю я.

– Ум? – удивляется черт, вероятно, не знавший, что леди тоже умеют рычать.

Недобиток склоняет голову к плечу:

– Леди, а какие у нас варианты? Я, конечно, могу и дальше прятаться на вашей кухне, но очень скоро меня найдут. Я уходил ненаправленным порталом. Определить точку выхода почти нереально, а вот дальность портала вычисляется легко. Догадаться, что я пробежал некое короткое расстояние, а затем открыл второй портал тоже нетрудно, как и прикинуть, на какую дальность хватало моих сил. Я уверен, что район накрыт поисковыми чарами. Не надо считать врагов дураками, они давно поняли, что я скрываюсь в чьей-то квартире. Очень скоро начнут проверять дом за домом. Когда дойдет

очередь до каменного мешка исключительно вопрос времени. Два-три дня, полагаю.

– Черт.

– У-у?

– Черт здесь ни при чем. Выйти я не могу, отсидеться не получится. Мне, леди, ждать, когда меня убьют или рискнуть жизнью?

– А если бы я не была магом?

– Тогда я бы попросил купить артефакт подзарядки и кристаллы.

У меня расширяются глаза:

Это вообще безнадежно.

– Лучше попытаться и умереть, чем сдаться. Леди, мне жаль, что я заставляю вас проходить через...

– Все в порядке, – перебиваю я.

Не знаю, кому из нас тяжелее. Недобитку, ставящему на кон свою жизнь. Или мне, ведь я рискую стать невольной убийцей. Но он прав, выбора нет. Мы с недобитком похожи. Никакая угроза не заставит меня остановиться.

– Я должна вернуться на работу, – я сдвигаю пустую тарелку к краю стола. Как-то незаметно мы доели обед.

– Пытаетесь сбежать? – хмыкает недобиток.

Спрыгнув с подоконника, он подходит ко мне вплотную, медленно опускает ладони мне на плечи. Совсем не так, как дознаватель. Я не чувствую ни капли протеста. Жест успокаивает, дает уверенность и понимание, что все, что мы сделаем, мы сделаем вместе, и отвечать за последствия будем тоже вместе.

В будущем, когда недобиток уйдет из моей жизни, мне будет его не хватать.

– Идем в гостиную?

– Да.

Буду я отсутствовать на работе на четверть часа больше или нет, ничего не изменит.

Недобиток ободряюще улыбается, берет мою ладонь в свою. И вдруг наклоняется, подносит мою руку к губам и целует, да еще и ни разу не вежливо. Мало того, что по этикету дозволено целовать руку только замужней леди, так еще и само прикосновение. По правилам положено «клюнуть» подбородком, и желательно, чтобы при этом рука дамы была в перчатки. Недобиток не только касается ладони губами,

он ловко переворачивает мою руку и целует внутреннюю сторону запястья, точно там, где бьется пульс.

– Леди-и-и... – недобиток мурчит точно кот.

– Вы!

– М-м-м?

Опять из себя выводит, чтобы отвлечь? Получается у него ловко. И вместо боязни причинить вред мне уже прибить его хочется.

– Идемте! – пока я не передумала.

Недобиток пропускает меня вперед, но в гостиной обгоняет, сбрасывает рубашку, комком бросает на пол и ложится на диван. Я напоминаю себе, что смущаться при взгляде на обнаженный шикарный рельеф мне не по возрасту, но ничего не могу с собой сделать. Зато смущение легко перевести в злость, а злость – в решительность. Я сажусь рядом, бедром сдвигаю недобитка ближе к спинке и опускаю пальцы на его грудь.

Глава 12

Сосредотачиваться я умею, да и сам парень снова серьезен, больше не устраивает сомнительных провокаций. Я закрываю глаза и прислушиваюсь к биению магии. Десять лет без практики – на что я годна? Учить меня начали с пяти лет, как это принято, все забыть я не могла.

Я только начинаю – всего лишь прислушиваюсь к потокам, но печать уже реагирует, давит. Мне словно гранитную плиту на грудь положили. Очень неприятно, а еще дыхание сбивается. Я вспоминаю самые первые уроки – два коротких вдоха-выдоха и один глубокий с задержкой дыхания.

Магия течет вокруг, покалывает, а под пальцами зияет провал.

Ментальный удар? Хах, это все равно что океан назвать лужицей. Недобитка выжгли. Я вообще не понимаю, как он с такой дырой продолжает жить. Любой другой на его месте потерял бы волю, лежал, свернувшись калачиком, и вскоре умер от обезвоживания. Потрясающая сила воли...

Я не представляю, как эту дыру заполнить, моих возможностей не хватит, тут работы на месяцы.

Нет, недобиток неправ или, что вероятнее, он нарочно дал неточные указания, позволяя мне разобраться самой. Мне не нужно «заливать» дыру, мне нужно направить поток магии по спирали так, чтобы сила обволакивала края и виток за витком уходила глубже.

Печать давит. Я игнорирую давление, пока оно не перерастает в настоящую боль, будто под тяжестью камня ломаются кости. Я понимаю, что в действительности я в порядке, что переломы иллюзорны, но вот боль реальна. Я стискиваю зубы. Я выдержу. Когда печать ставили, было больнее. Я хочу довести силу до дна.

Мою ладонь накрывает его рука:

– Леди, остановитесь. Вы больше не можете.

– Могу.

– Остановитесь.

Концентрация сбита, поток упущен. Я открываю глаза. Недобиток как раз приподнимается и оказывается со мной лицом к лицу. Надо же,

я не замечала какой у него необычный излом бровей.

Он волнуется за. меня?!

Я спешно отвожу взгляд, пытаюсь освободить пальцы, но он не отпускает, крепко прижимает к себе.

– Я в порядке.

– Леди, я даю вам слово, что избавлю вас от печати.

– Спасибо, я вам искренне признательно, но, господин Не-Черт, вмешиваться во внутренние дела...

– Леди, я прекрасно помню, как пала предыдущая династия, нет необходимости напоминать.

На первый взгляд главы пяти древних родов смиренно склоняют головы перед королями, но это смирение обманчиво. Мне известны три попытки королей прижать рода или один из родов к ногтю. Все три попытки закончились быстрой и решительной сменой династии.

О?

Недобиток удивляет все больше. Я не говорила, из какой я семьи, но он снова сделал правильные выводы.

– Мне пора.

– Да, леди.

Он позволяет мне встать, отпускает.

Я сбегая раньше, чем он выходит меня проводить.

Мне до того не по себе, что я даже прихватываю весь выставленный у порога мусор. Кстати, можно сделать вид, что в квартиру я приходила не только пообедать, но и прибраться. Я снова чувствую чужой взгляд, всего-то пару шагов из подъезда сделала. Что же, постараюсь вести себя естественно.

Черта, без напоминаний, самовольно прыгнувшего к мне в сумку, надеюсь, на заметят.

Пакеты следует выбросить в помойку, но идти к контейнерам я боюсь. Вдруг еще кого-нибудь откопаю? Похоже, я заработала мусорную фобию. Черт!

– Ум.

– Ш-ш-ш...

И что делать? Не могу же я мусор притащить на работу.

Пока я размышляю, дверь подъезда снова открывается. Кутаясь в шаль, выходит женщина с изрезанным темными морщинами лицом. Я киваю в знак приветствия. С женщиной лично я не знакома, хотя

живем в одном доме. Да я почти ни с кем не знакома. Отчасти потому что я была слишком увлечена работой, и соседи были мне не интересны, отчасти, потому что мы принадлежим к разным мирам, и разница между нами встает незримой стеной, которую ни я, ни они не пытались преодолеть. Заем? Я пала по меркам моей родни, но для обычных людей, я состоятельная леди, стоящая на вершине социальной пирамиды, госслужащая. Женщина опускает голову. Мне всегда казалось, что она стесняется своей внешности, но сегодня я осознаю, что могла ошибаться. Возможно, она боится оскорбить меня своим видом? Такие морщины бывают у людей, занимающихся обработкой кристаллов-накопителей из-за вредной пыли, въедающейся в кожу.

Хозяйка.

– П-простите, – она втягивает голову в плечи.

Черт.

И ведь даже не улыбнуться – она смотрит в пол и улыбку просто не увидит.

– Хозяйка, я тороплюсь на работу. Не могли бы вы мне помочь? Мне нужно это выбросить.

– А? Д-да, госпожа.

Вряд ли она знает, что я аристократка, ей хватает и моего форменного плаща. Мне становится неприятно, что женщина готова выполнять работу бесплатно. Я профессионально чувствую в ней смирение с ролью жертвы. Почему я раньше проходила мимо?! Женщине явно нужна реабилитация... Ага, реабилитация много кому нужна. Мне всех себе на шею посадить и тянуть? Я бы посадила, но хребет переломится раньше, чем я хоть какую-то пользу принесу.

– Вот.

Я опускаю пакеты на пол, запускаю ладонь в сумку, получаю когтями от черта, которого я случайно ущипнула за бок и выхватываю кошелек, вкладываю в руки женщины деньги, почти столько же, сколько плачу за день работы помощницы по хозяйству. И, пока она ошеломлена, я разворачиваюсь и ухожу. Окликнуть она меня не осмеливается.

Фуф, избежала пугающего третьего раза.

В инспекцию я возвращаюсь в чуть приподнятом настроении, у меня снова есть надежда.

Если недобиток прихлопнет деарцев сверху, то я доберусь до усыновителей беспрепятственно.

– Госпожа Аврора!

Энна редко обращается ко мне по имени, предпочитает более формальный стиль.

– Да?

– Госпожа, вас господин Трей вызывает. Он сказал, что хочет видеть вас немедленно.

– Ясно.

– Госпожа Майс?

– Все в порядке, – вздыхаю я.

Ничего не в порядке. Вряд ли Энна поверит, но я дала ей знать, что не нужно вмешиваться, и что бы то ни было предпринимать.

Я поправляю полу плаща так, чтобы она прикрывала сумку. Ее следовало бы оставить в кабинете, но я не собираюсь во имя вежливости расставаться с чертом. Во-первых, безопасность. Во-вторых, я обещала недобитку. В-третьих, я боюсь за свой кабинет. И, в-четвертых, если кто-то узнает, что я пустила в инспекцию зловредного духа, меня уволят, и одним штрафом я не отделаюсь.

Личный помощник господина Трейя докладывает о моем приходе и сразу же приглашает войти. Давненько меня начальник не вызывал. Последний раз вот так, в кабинете, мы встречались почти год назад, когда он отчитывал меня за то, что я была груба с благотворителями. Я отказалась принять в качестве помощи приюту откровенный брак, в результате благотворители лишились плюса к репутации, а господин Трей – щедрых подарков.

– Госпожа Майс, вы опять создаете трудности, – упрекает он мягким баритоном.

– Боюсь, что я не совсем понимаю.

Господин Трей худощавый мужчина лет пятидесяти. Не скажу, что он плох. Он никогда не принимал решений, которые были бы во вред детям, однако блюсти свои интересы он не забывает. Как в тот раз. От того, что на складе часть пространства будет забита негодными вещами, детям ни тепло, ни холодно. Так почему бы и не извлечь выгоду?

– Не понимаете, госпожа Майс? Неужели? Я уверен, что вы умнее, чем притворяетесь. Но раз вы хотите, чтобы я озвучил, то,

извольте. Мне не трудно. Ваше расследование ставит под удар престиж Опеки. Может быть, вам нравится мое кресло? Прежде я не замечал за вами амбиций, но людям свойственно меняться.

– Господин Трей, – перебиваю я.

– Госпожа Майс, не утруждайтесь. Вы собирались патетично воскликнуть «дети», я прав? Дети... Ну, удивите меня, как вы им помоете? Госпожа Майс, по-человечески я на вашей стороне, и при других обстоятельствах я бы поддержал ваше начинание, однако сверху пришел негласный запрет. Более того, мне пришла рекомендация добавить в дела пропавших детей отчеты инспекторов, якобы убедившихся в их благополучии.

– Это подлог.

– Госпожа Майс, почему бы вам не отправиться с завтрашнего дня в отпуск? Вы переутомились, вам стоит подумать и принять взвешенное решение, хотите вы отступить или через-день два свалиться в переулке с проломленной головой.

– Отпуск, значит?

– Верно. Госпожа Майс, уж простите за резкость, но в отличие от вас, я человек семейный. Но все же. Может быть, я напрасно тороплюсь? У вас есть решение? Присядьте, Аврора. Стоите, как олицетворение совести, – он наклоняется и достает из ящика стола две рюмки и коньяк. – Какое у вас есть решение?

Он разливает коньяк по рюмкам и одну пододвигает мне.

– У меня нет решения, – твердо произношу я. – Кроме одного.

– Хм?

– Поднять шум. Если мы развоним о похищении, то нас не смогут игнорировать.

Деарцы не будут убивать детей, по крайней мере я в это верю исходя не только из их учения, но и из здравого смысла. Их цель скрыть свое возвращение. Убийство детей расследование не остановит.

– За вашу наивность, госпожа Аврора, – провозглашает тост господин Трей. – Нам не дадут поднять шум.

Что-то не хочется мне притрагиваться к рюмке. И пить тоже не хочется...

Собственно... А зачем мне сохранять видимость хороших отношений с начальником? Его истинные мотивы не имеют для меня никакого значения. Я уйду в отпуск, и дальше одно из двух. Либо

враги недобитка до нас все-таки доберутся. Это будет конец. Либо я смогу помочь ему восстановиться, и мы попадем на новую «вилку», смерть или победа.

– Наивность, хм.

Я барабаню ногтями по столешнице, не прикасаюсь к рюмке, вместо этого без спросу из стопки чистой бумаги беру лист и пишу заявление на отпуск.

Начальник подносит коньяк к губам, делает крошечный глоток, демонстративно смакует.

На том, чтобы я все-таки тоже выпила, он не настаивает, спокойно принимает отказ поддержать тост и это расслабляет. Впрочем, бдительности я не теряю. Я дописываю заявление, перечитываю текст и размашисто подписываюсь.

Господин Трей забирает заявление, тоже прочитывает и сразу же визирует.

– За ваше благоразумие, Аврора, – он салютует мне рюмкой. – За то, чтобы вы хорошо провели отпуск и вернулись к нам с новыми силами.

Жалко, что разбирательство с обворованным приютом откладывается, но основное я закончила. Может, Рейме передать? Пусть заслуги припишут ее, я не против. Для меня важен результат.

– Я... – хочу сказать, что я пойду, но господин Трей перебивает.

– Госпожа Майс, мне больно смотреть, как вы рвете себе сердце.

Да? Трудно поверить. Никогда не замечала за ним излишней чувствительности.

– Спасибо за заботу. Я справлюсь.

– Может, отправить вас в пансионат?

Выдворить меня из города ему тоже рекомендовали?

Качнув головой, отказываюсь.

– Не стоит, я сменю обстановку иначе. Давно пора заняться ремонтом.

– Вот и хорошо! За ремонт!

Начальник опрокидывает в себя рюмку. Кстати, алкоголь он держит для встречи высокопоставленных визитеров. На моей памяти это первый раз, когда он притрагивается к выпивке без повода, что опять же навевает подозрения.

– Госпожа Майс? – он легким толчком отправляет нетронутую рюмку ближе ко мне. – Я понимаю, что вы, наверное, в глубине души меня презираете, и я готов это принять от вас. Вы, Аврора, нереально самоотверженная. Если бы не видел вас своими глазами, не поверил бы, что такие люди бывают. Но знаете... Я как-то странно себя чувствую. Я тут перед вами коньяк глотал, а вы даже чисто символически не пригубили.

Сказать, что я не пью, нельзя. Совсем недавно на благотворительном вечере я добровольно взяла шампанское. Продолжая отказываться, я поступаю по-настоящему грубо, особенно учитывая, что господин Трей предлагает пригубить рюмку, не пить.

Мне категорически не нравится его настойчивость.

Почему я колеблюсь? Я же уже решила, что отношения с ним мне не важны. Когда мы с недобитком победим – поражение смертельно, а значит и думать о нем бессмысленно – я подучу поддержку пусть не самого короля, но недобитка, человека к нему приближенного, доверенного.

Я не уверена, что хочу оставаться старшим инспектором. Может, господин Трей прав? Почему бы мне ни примерить его кресло?

Так и не притронувшись к рюмке, я встаю:

– Простите, господин Трей, но я совершенно не в настроении.

– Хорошего отдыха, госпожа Майс, – в прощальной фразе мне чудится угроза.

А еще я краем глаза замечаю, что он выплескивает из моей рюмки в цветочный горшок. Бедная герань.

Я хотела сходить за продуктами, принести нормальной еды, но планы меняются. Надо предупредить недобитка, что против меня уже идет непонятная возня. Я даже не буду тратить время на передачу отчетов по приюту, только Энну предупрежу, что с сегодняшнего дня я в отпуске. Одна минута роли не сыграет. Я не могу не сказать, чтобы не лезла в документы и вообще забыла, чем мы занимались последние два дня.

Как же не хватает магии. Сейчас бы щитом укрыться, но у меня есть только черт.

– Госпожа Аврора? – встревоженный возглас Энны доносится словно издали. – Вам плохо? Нет, просто задумалась.

Но вопрос Эночка задала удачно.

– Перетрудилась, – с натугой улыбаюсь я. – Энна, я взяла отпуска. А?!

Мои слова шокируют. За десять лет я ни разу не отдыхала. Энна со мной год, но не интересоваться сплетнями обо мне она не могла. Уйти в разгар двух важных расследований для меня и вовсе противоестественно.

Я подхожу к ней вплотную:

– Что тебя удивляет? Я заработалась, переутомилась. Энна, тебе тоже следует взять отпуск. Ты ведь умеешь делать правильные выводы.

Энна бледнеет.

В том, что она сопоставит прекращение расследования и отпуск, я не сомневаюсь.

Поощрительно улыбнувшись, я разворачиваюсь и покидаю приемную.

Домой, скорее домой, рассказать новости недобитку, предупредить, что, возможно, у нас гораздо меньше времени, чем мы думаем.

На улице, едва я выхожу из здания инспекции, в затылок впивается острый взгляд невидимки.

Глава 13

Нужно ли меня убивать?

С одной стороны, в расследовании я не продвинулась ни на шаг. С другой стороны, я произнесла очень опасные слова. Я предложила поднять шум. Но даже без слов, в Опеке знают мой характер, знают, что я не сдамся так легко. Нетрудно предположить, что я попытаюсь нанять частного. А значит, меня надо убить.

Пожалуй, зря я в третий раз на помойку не пошла. Первый раз вытащила недобитка, второй раз – черта. Оба приобретения на диво полезные, разве что польза не сразу видна была. В пору в храм Небес идти и благодарить. Небесная защита меня в помойку толкнула, не иначе.

Недобиток сказал, что я для него единственная надежда, а теперь и он для меня.

Почему господин Трей выплеснул коньяк? Когда все закончится, обязательно попрошу недобитка расследовать короткий эпизод.

Вряд ли яд...

Я выхожу к проспекту. Днем здесь движение довольно оживленное, иногда приходится ждать минут пять, а то и дольше. Экипаж, стоявший у обочины, медленно начинает движение. Я переступаю с ноги на ногу и предусмотрительно пачусь, а заодно прикидываю, куда отпрыгнуть. Смерть по колесам – что может быть менее подозрительным? Тем более нормального расследования не будет.

Экипаж притормаживает, наружу высовывается бородач с всклокоченной копной волос. Этакая глазастая кочка, которую после бритья не узнать при всем желании.

– Черт.

Невидимка так и сверлит взглядом, но вроде бы не приближается. Я нервно оглядываюсь. За спиной пока никого. И черт пока спокоен, ворчит из сумки.

– Дочка, тебе дурно?

С чего бы мне было дурно?

Коньяк? Я не думаю, что начальник осмелился бы подлить мне яд, но что-то легкое, вызывающее, например, головокружение...

Я игнорирую, притворяюсь, что не понимаю, к кому обращаются и, оглядевшись, заскакиваю в первый попавшийся магазин. Заносит меня в ювелирный. Сто лет не вспоминала про драгоценности. Клерк за прилавком почтительно здоровается, окидывает меня взглядом – из-под ресниц, наверняка замечает насколько простенькие у меня сережки-гвоздики, я их ношу, чтобы прокол не зарос. Ни колец, ни браслетов на мне нет.

– Добро пожаловать, госпожа, – клерк приветлив, но я чувствую, как гаснет его интерес. – Я могу вам чем-то помочь, госпожа?

– Спасибо. Я пока хочу присмотреться.

Я подхожу к крайней витрине, разворачиваюсь полубоком, чтобы клерк не видел, что интересуюсь я отнюдь не цепочками. Я через окно наблюдаю за проспектом. Экипаж отъезжает, никто не попытался преследовать меня в магазине.

Но это не значит, что я смогу дойти до дома.

– Госпожа, вы чем-то заинтересовались? – клерк подбирается ближе.

Попросить выпустить меня через черный ход? Это имело бы смысл, если бы я собиралась скрываться и бежать, но мне-то надо прорваться к недобитку.

– В общих чертах, – отмахиваюсь я от клерка.

Открыто на проспекте напасть на меня не должны. Экипаж уже отъехал.

Тянуть нельзя, нельзя давать врагу время.

Решившись, я выхожу, передергиваю плечами. Натравить на невидимку черта? Нет, я не хочу, чтобы черт пострадал. И просто глупо светить свой единственный козырь.

Я благополучно перебегаю проспект.

Можно пойти не дворами, а в обход, но часть пути все равно придется петлять между домами, можно пойти напрямую привычным маршрутом.

– Черт.

Пойду напрямую.

Проблема в том, что какой проход я бы ни выбрала, я все равно выйду к подъезду. Я надеюсь, что за мной послали только бородача в

экипаже. Все же я обычная женщина, инспектор Опеки, посылать на меня ораву загонщиков чрезмерно. Хоть бы проскочить до того, как бородач-кочка вернется.

Я кручу головой, но пока не вижу никого подозрительного, людей в проулках каменного мешка в это время почти нет. Я торопливо петляю, и в какой-то момент ощущение чужого присутствия пропадает. Вероятно, я вырвалась вперед.

До дома уже недалеко.

– Ум, – беспокойно дергается черт в сумке.

Никого...

Никого, а в следующее мгновение от дома отделяется тень, человек в плаще перекрывает дорогу. Впереди.

Я шарахаюсь к зданию и вжимаюсь в стену спиной – чтобы сзади не ударили.

Человек вроде бы один.

– Госпожа Майс, – он миролюбиво вскидывает скрытые темными перчатками ладони, – прошу, не надо бояться. Я пришел поговорить, а не причинить вам вред.

– Станный способ беседовать.

– К сожалению, обстоятельства вынуждают действовать не самым приятным образом. Госпожа Майс, вы ведь уже поняли, что вступили на очень тонкий лед.

– Говорите прямо.

Плащ не позволяет рассмотреть фигуру. Я даже не возьмусь предполагать, какой у человека рост. Он может стоять на высоких каблуках или нарочно горбиться. Мне остается лишь хриплый голос.

– Госпожа, улица не терпит откровенности. Ваше расследование не может быть продолжено, однако я уверяю, что ни вам, ни детям ничего не грозит. Чтобы вы убедились, я прямо сейчас готов отвезти вас к ним, чтобы вы лично убедились. Я готов поклясться, что не причиню вам вреда.

Ага-ага, ищите дуру.

Дотошная, но недалекая инспекторша, «повернутая» на детях и потерявшая надежду, могла бы поверить. Именно такой я кажусь окружающим, да? Я, кстати, верю. Почему бы и нет? Этот конкретный плащ не причинит мне вреда, чистая правда, ведь у него есть

сообщники. Опять же, я готова поверить, что мне покажут детей. Меня обещали доставить к ним. Вы пустить не свободу не обещали.

Деарцам нужна нянька, да?

Я еще раз оглядываюсь. Плащ по-прежнему один.

– Дети в порядке? Вы действительно мне их покажете?

Он знает, где они?!

– Да, госпожа.

Я с робкой улыбкой подхожу ближе.

Будь у меня магия... Сейчас мне с крепким мужчиной не справиться, физически он сильнее. Я прижимаю руку к груди, дергаю ремешок, пряжка раскрывается, плащ скользит по плечам.

– Завернись!

– Что? – человек в плаще теряется.

Зато черт отлично понимает, что от него требуется. Он еще маленький, детенок, но пакостить уже умеет не по-детски. Порывом чертячьей магии с меня срывает форменный плащ, бросает полотно ткани в лицо мужчине. Плащ туго спеленывает ему руки, накрывает с головой, а чтобы мужчина не завал на помощь и не занимался прочими глупостями, один из краев плаща набивается ему в рот.

– Ты моя умница, поймал маме рыбку, – хвалю я.

– У-у-ум...

– Ага.

Ошеломленное мычание сменяется активным дерганьем, мужчина силится освободиться. Я несколько секунд наблюдаю за его потугами. Если он маг, он справится, и тогда мне надо бежать. Если кто-то придет к нему на выручку, мне надо бежать. Но ни того, ни другого не происходит.

Я быстро стягиваю с пояса ремень, закидываю его петлей мужчине на шею и затягиваю. Не настолько, чтобы полностью перекрыть дыхание, но достаточно, чтобы желание дергаться пропало.

С пленником я не церемонюсь. Девяносто девять из ста, что он деарец, один из тех, кто вбивает детям в голову, что смысл их жизни лечь на алтарь и состариться. Натянув поводок, я тащу пленника за собой.

Где-то рядом его сообщники ждут, когда он меня приведет.

Ждут ли они меня у подъезда или в подъезде?

– Шевелись, пока не удавила, – тяну я пленника.

Он и был наблюдателем? Я больше не чувствую взгляда невидимки. А куда делся бородач-кочка? Полагаю, кочка пока ждет в экипаже, а невидимка пойман. Не могли на меня отправить слишком много народа. Если бы меня опасались, то отправили бы как минимум одного мага.

Я втягиваю мужчину в подъезд. К счастью, по пути нам никто не попадается. Не знаю, как бы я объясняла соседям полутруп.

Этажи преодолеваю с боем, пленник рвется, рискуя задохнуться.

Удерживать и одновременно отпирать дверь не так-то просто. Ключ выскальзывает, со звоном падает.

— Ум.

Чертенюк подхватывает ключ, а затем делает невероятное — вставляет в замочную скважину кончик хвоста. Механизм щелкает, магия пропускает чертенка, как постоянного жителя квартиры. Оглянувшись на меня с превосходством, черт толкает дверь и первым запрыгивает в квартиру.

— Шевелись.

Как только черт перестанет удерживать мой плащ, лишаящий пленника свободы движений, он вырвется.

На шум из комнаты выглядывает недобиток, и я не могу отделаться от мысли, что поза со скрещенными на груди руками, в которой он меня встречает, это поза сварливой жены, собравшейся с порога распекать супруга.

Недобиток замечает «живой куль», заламывает бровь.

Я понимаю, что он ждет объяснений, но сперва я захлопываю входную дверь и закрываю на все замки. С которой новости начать, что все плохо или что все очень-очень плохо? Наверное, следует начать с главного: скоро нас придут убивать.

Недобиток, кивнув на куль, ухмыляется:

— Леди, боюсь представить, кого вы притащили на этот раз.

— Деарца, — пожимаю я плечами. — Богатый улов, да?

Пленник забился с новой силой. Вряд ли он понял, что своей реакцией подтвердил мою догадку. Под его напором магия черта слабеет. Малышу и без того трудно было справляться, наверняка черт перестал удерживать кокон из плаща. Пленник освобождает руки. Скинуть ткань с головы мешает кожаная петля ремня.

Не-Черт реагирует молниеносно, наваливается сверху, заламывает пленнику руку, удерживает:

– Леди, у вас веревки не найдется?

Нет, но, наверное, сгодится порванная на толстые ленты простынка. Заодно приношу с кухни стул, к которому пленника и привязываем, я помогаю держать.

– Лапочка, присмотри, – прошу я черта, хватаю недобитка за руку и тяну за собой в ванную.

– Ум, – согласно откликается черт.

Я врубаю струю воды на полную мощность. Шум заглушит мои слова. Хотя я не собираюсь отпускать пленника, все равно следует быть осторожной и лишнего не болтать. Недобиток понятиливо склоняется и словно невзначай приобнимает меня за талию. Жест лишний, но приятный и я не сбрасываю его ладонь.

Пересказав все, что со мной случилось после ухода, я озвучиваю главный вывод:

– Они могут прийти за мной в любой момент, прямо сейчас они могут подниматься по лестнице.

– Я понял, леди. Но я пока не вижу, что мы можем изменить.

– Нам нужны союзники.

– Вы о «Великой пятерке»?

Вот вроде бы спокойно произносит, но из под корки ледяного спокойствия прорывается обжигающая ярость, и пальцы на моей талии сжимаются.

Что не так?

– Почему нет? Великие рода предпочитают не вмешиваться, но если попросить... Господин, давайте будем смотреть правде в глаза, королевство почти потеряно. Просить неприятно, но ради.

– Леди, вы не поняли? – в вопросе чудится непонятная жалость.

– Не поняла что?

– Деарцы вернулись с попустительства «Пятерки». Я не думаю, что великие рода позволят деарцам взять власть, но помогать не станут до последнего. Я не уверен, какую цель они преследуют, ослабить короля или убрать и передать корону новой династии.

Недобиток отстраняется и первым выходит.

Я закрываю кран и опираюсь на раковину. Можно мне минуту просто постоять? Не каждый день узнаешь, что пошла против своей

родни.

– Леди, – окликает меня недобиток.

– Да?

– Вы... все еще со мной?

Оттолкнувшись от раковины, я выпрямляюсь, оборачиваюсь. Недобиток вернулся и стоит в дверном проеме. И он спрашивает отнюдь не о деарцах, а о «Пятерке».

Если я скажу, что нет, он убьет меня?

– Да, я с вами, господин.

Недобиток в мгновение сокращает расстояние между нами, я вдруг оказываюсь прижатой к стене, а он близко-близко, я чувствую тепло его тела.

– Леди, почему мне хочется вам верить? Не в моих правилах безоглядно доверять. Я бы не смог открыться и, признаться, я искренне рад, что мне не нужно принимать решение. Я не смог бы рискнуть. С собой – легко, но я не один, за мной люди, которых я обязан защищать. А прямо сейчас у меня нет как такового выбора, кроме как положиться на вас, леди. Я действительно хочу вам верить. Вы убьете меня? Или исцелите? У нас мало времени, леди.

Он... позволит?! Я могу управлять лишь очень слабым потоком, но даже крох хватит, чтобы причинить непоправимый вред. Я имею в виду, я могла бы не повести поток по спирали, а крутануть так, что парень потеряет сознание от боли, а дальше останется лишь легким движением руки перерезать горло.

Разве это не шанс помириться с родней?

Недобиток проверяет пленника, по-прежнему накрытого моим плащом. Черт устроился у него на голове, так что можно не сомневаться – пленник в надежных лапах.

– Идемте, леди, – недобиток тянет меня в гостиную, скидывает рубашку и ложится на диван.

– Я тоже хочу вам доверять.

Однажды мужчина, получивший мое сердце, уже обманул меня.

Так, не время вспоминать. Десять лет жила, отгородившись от воспоминаний, а в последние пару дней, как недобиток ворвался в мою квартиру, прошлое стало напоминать о себе непозволительно часто.

Я опускаю ладонь на его грудь, ловлю поток энергии. Моя печать тотчас отвечает давлением, но сейчас игнорировать ее легче. Я

закрываю глаза и погружаюсь в процесс. Мы думали, у нас есть дни, но счет на часы, поэтому нельзя отвлекаться, надо сосредоточиться, полностью сконцентрироваться.

Магия течет, и вскоре для меня не остается ничего, кроме закручивающегося спиралью потока.

Интерлюдия 3

Керт

Боль.

Я цепляюсь за нее, как за спасительный маяк в стилом тумане. Магия жжет, я чувствую себя сгорающим заживо. Достаточно сделать всего один шаг, оттолкнуть от себя пламя. Повсюду мерещится рыхлый снег, сугробы обещают избавление от боли, мягкие объятия и холод, который успокоит. Успокоит навсегда.

Боль же – это жизнь, и я терплю. Терплю и радуюсь, что леди закрыла глаза и не видит, как я до крови кусаю губы, как корчу гримасы.

Холод за грудиной постепенно разжимает свои когти. Это еще не значит, что я восстанавливаюсь, но вселяет надежду. Проходит час, и я начинаю чувствовать круговое движение, слишком слабое, слишком медленное. Я сжимаю кулак, впиваюсь ногтями в кожу – нельзя вмешиваться, как бы ни хотелось ускорить. Надо довериться.

Так странно. Я доверю отцу, матери и четверым побратимам, не связанным со мной кровными узами. И именно один из них нанес предательский удар. Острое воспоминание отвлекает, срывает почти как обезболивающее. Перед глазами встает его лицо, и я вздыхаю. На самом деле я не тороплюсь обвинять, прежде надо выяснить обстоятельства. Но к прежней дружбе мы уже не вернемся.

Казалось бы, после предательства довериться тяжело, почти невозможно, а я доверился леди, имя которой, стыдно сказать, до сих пор не знаю. Зато уверен, что не готов отпустить. Зачем такому таланту пропадать на низовой должности? Только если леди сама будет стремиться уйти... Буду уговаривать, но давить властью и приказывать не стану.

Мысли об мирном будущем, за которое еще предстоит сразиться, помогают. Я окончательно забываю про боль, и фантазии уносятся в дальнюю даль.

Мне мало, чтобы леди была рядом как друг и соратник. Я ведь ей нравлюсь, да? То, как она реагирует, красноречивей любых слов. Осталась мелочь, сделать предложение и добиться согласия. Уверен,

леди сперва откажется. Разрыв с семьей дал ей иллюзию свободы, леди не может этого не понимать. Браки дочерей пяти великих родов ничем не отличались от браков сыновей. Не девушка уходит в чужой дом, а жених входит в семью. На леди это правило не распространяется лишь отчасти. Она может позволить себе замужество за кем-то простым, непримечательным, но возвращение в свет в роли моей жены ее родня не потерпит. А значит сразиться придется сперва с самой леди, затем с «пятеркой».

Планы грандиозные – я улыбаюсь

И возвращаюсь в реальность. Леди совершила невозможное. Будучи запечатанной, она вернула мне магию. Как можно устоять и не влюбиться? Истинная принцесса, не по титулу, а по духу.

Теперь я вполне могу подхватить поток и не навредить себе.

– Леди.

Она открывает глаза.

Мне становится слегка не по себе. Бледная, губы бескровные, чуть ли не белые, как снег из моего видения. То, что у нас нет выхода, не отменяет того, что я заставил ее страдать.

– Да?

– Достаточно.

Она прислушивается и широко счастливо улыбается, когда видит, что я справляюсь. С каким облегчением она отпускает магию...

– Я проверю деарца.

Вместо того, чтобы отдохнуть, она снова берет на себя часть проблем. Она чудо. Кто бы знал, что я найду жену в помойке.

– Леди, не вскакивайте, посидите. Вам нужно.

Я раскручиваю спираль в полную силу, магия льется широким потоком, стремительно заполняя дыру. Мне потребуется еще около четверти часа, потом обязательно сладкий чай, а потом... Враги придут в любой момент, и очень может быть, что перечеркнут все мои планы, но пока я еще могу решать, правильнее всю магию до капли беречь для теплой встречи или часть потратить и сорвать с леди печать? Изначально я собирался провести снятие печати официально, под предлогом награды, но нет, я слишком зол, чтобы продолжать раскланиваться перед «Пятеркой».

Планы рушат отнюдь не враги.

Леди и без того бледная, резко белеет. Глаза закатываются, и она оседает без чувств.

Я успеваю подхватить ее, не позволяю удариться.

– Леди!

Сколько времени прошло?

Чертова печать! Если бы не она, все было бы легко и просто, и леди не лежала бы в моих руках без сознания. Спohватившись, я встаю, укладываю леди на диван. Она дышит, сердце бьется. Я осторожно похлопываю ее по щеке, но ответа не получаю.

– Леди, очнитесь.

Магическое перенапряжение даром не проходит. Сам когда-то также валился. Но я по глупости и жадности, хотелось скорее научиться, а леди – ради меня. Я подкладываю ей под ноги дополнительную подушку, чтобы отток крови шел к голове.

– М-м-м...

– Лежи.

– А?..

– У вас получилось, леди, – я придерживаю ее за плечо, надо же быть такой неугомонной и упрямой. – Леди, вы хотите упасть второй раз? Считайте, что я вам именем короля запретил вставать. Мне прислать черта надсмотрщиком? Будет плохо, если из-за этого пленник сбежит. Но что делать, если вы отказываетесь быть послушной?

Леди зло прищуривается, но злость наигранная, не искренняя, так что можно продолжать развлекаться.

– Я не буду вскакивать.

– Рассчитываю на ваше благоразумие, леди.

Я укутываю ее в плед и выхожу.

Сперва чай – нам обоим нужно горячего и сладкого. Затем. Я бросаю взгляд на пленника. Избавиться от плаща ни от плаща на голове, ни от петли на шее он не смог, руки связаны. Видно, что пытался избавиться от полосок ткани, но связывать я умею. А еще пленник покусан, черт ни раз попробовал его на зуб в разных местах – руки, ноги, плечи.

Ум?

– Приятного аппетита, – хмыкаю я.

Пленник вздрагивает, но пощады не просит. Да и не кусал его черт всерьез, попугал слегка, чтобы активно не рыпался.

Допрашивать деарца бесполезно, у нас нет времени, чтобы его разговорить, поэтому придется действовать грубо, магией. Если успею...

Я накидываю фартук. Когда наткнулся на него во время уборки, так поразился находке, что решил поносить, ха. Отец давно советовал найти занятие для души. Может, кухня – это как раз мое? А вот леди я легко могу представить в короне на троне, но никак не в фартуке с половником в руках.

Чайник вскипает. Я остатки вчерашнего пиршества превращаю в бутерброд, выкладываю на хлеб все, что между собой хоть как-то сочетается.

Стул пришлось пожертвовать пленнику, так что удобнее поест в гостиной. Вместо подноса пойдет разделочная доска, на нее я выставляю чашки, заварочный чайник, тарелку с бутербродами, один из которых достается черту – цапает молниеносно, когда прохожу мимо. Награду черт заслужил.

Леди к моему возвращению уже не лежит, а полусидит, опираясь на подлокотник.

– О?

Фартук стоило надеть ради одного этого выражения его лица. Про проблемы леди явно забыла, хоть и временно. Я сажусь на край дивана, ставлю рядом свой импровизированный поднос.

– Как вы себя чувствуете, леди?

– Спасибо, мне лучше. Но беспокоиться нужно о вас, господин Не-Черт.

Она улыбается, а взгляд цепкий, внимательный.

– Благодаря вам я в полном порядке, леди.

Не совсем, если честно. При моих повреждениях восстанавливаться следовало медленно, позволить дыре затянуться, а не заливать силой доверху. В будущем за спешку придется расплачиваться, да и сейчас любое обращение к магии будет через боль. Но я справлюсь.

– Я всего лишь выполняю свой долг.

– Леди, я намерен снять вашу печать. Сразу после чая.

Стратегически это выгоднее. Я потрачу силы, но зато леди сможет использовать магию наравне со мной. Она сможет защитить себя сама, я буду меньше волноваться.

– Что?! – она вскидывается. – Вы с ума сошли? Вы собираетесь объявить «Пятерке» войну?!

– Леди, не преувеличивайте. Ваша печать незаконна.

– Законна. Это было внутрисемейное решение, и я согласилась добровольно, – кто бы сомневался, легко леди с толку не сбить, но убеждать я умею.

– Ага. Согласились, а теперь изменили мнение. Имеете полное право, леди.

– Нет, я против.

Я прищуриваюсь:

– Леди, вспомните о детях. Если вы не избавитесь от печати, вы не сможете их спасти.

Мой учитель дипломатии отругал бы за то, что пускаю в ход столь грубые аргументы, но похвалил бы за быстроту достижения цели.

Леди сжимает бутерброд с такой силой, что он сминается.

– Дети... Я согласна.

Ощущения... поганые. Леди уверена, что родня не простит ей бунта, пусть и вынужденного, а мое обещание защитить для леди пустой звук, она явно не верит, что я способен противостоять «пятерке». Поэтому вслух я ничего не обещаю, я просто сделаю.

И когда я выйду из схватки победителем, она точно мне не откажет.

Я отбираю у леди остатки раздавленного бутерброда и салфеткой протираю ее пальцы, тонкие, очень красивые, хрупкие. Держал бы и держал. Леди растерянно замерла, не вырывается, смотрит широко раскрытыми глазами. Как тут не воспользоваться моментом? Хмыкнув, я наклоняюсь и целую ее в основание безымянного пальца, на который я очень скоро надену обручальное кольцо.

Глава 14

– Черт волнуется.

Устроившись у порога, он угрюмо скребет когтями входную дверь, даже предложенной горбушкой хлеба не заинтересовался.

Что-то происходит в подъезде, и я не свожу с двери глаз, прислушиваюсь и старательно игнорирую тихий стон, доносящийся из гостиной. Недобиток использовал на деарце ментальную магию. Строго говоря, парень нарушил закон, но иными методами пленника не разговорить, а информация сейчас мне во сто крат дороже чужой приватности.

После двух подряд подвигов – а сорвать печать и прочитать чужую память сразу после того, как едва вернул магию, это самые настоящие подвиги – недобиток сидит на полу, запрокинув голову, и прижимает к носу платок. Не выдержав давления, мелкие сосуды полопались, пошла кровь. Насколько же самоотверженным нужно быть, чтобы подвергать себя такому риску? В лучшем случае недобитка ждут месяцы реабилитации, в худшем – он «выгорит» и не восстановится уже никогда. Конечно, без магии жить можно, я это доказала

на собственном опыте. Невольно тянусь и в очередной раз растираю грудь. Без печати непривычно, легко-легко...

– Леди, о чем вы задумались?

– О том, что враг за порогом? – я отвечаю вопросом на вопрос, будто парень лучше меня может знать, о чем я думаю, и киваю на черта.

– Нам надо прорываться. Дайте мне еще пять минут.

– У-у-у, – прекратив царапать дверь, черт оборачивается и качает головой, а затем вновь возвращается к прерванному занятию.

– Будем прорываться, – повторяю я.

– Леди, предоставьте это мне. Вы только что избавились от печати и до этого перенапряглись. Используйте магию только в крайнем случае.

Ха?

– Кто бы говорил. Вы, господин Не-Черт, пострадали куда больше, и очередная нагрузка для вас смертельна.

– Вот именно, леди. Нет причин получать травмы на пару, достаточно меня одного. Я полагаю, что за дверью деарцы, которые пришли за вами, леди. Осторожничают, но при этом позволяют заметить свое присутствие. Ни профессионализма, ни опыта.

Экипаж с бородачом-кочкой вернулся без меня, наблюдатель-невидимка пропал.

Как быстро деарцы поймут, что подозрительная леди-инспектор проживает в районе поисков? Как только наверху заметят совпадение, к нам выдвинется вторая группа захвата.

Недобиток крепко зажмуривается, делает подряд два коротких вдоха-выдоха и один длинный с задержкой дыхания. Знакомое упражнение. Опираясь на стену, недобиток встает. Вот упрямец. Его негибкая упертость порой выводит из себя, но в то же время жутко нравится, ведь я сама такая же.

В дверь раздается стук.

Мы с недобитком переглядываемся. Притвориться, что я уже сбежала? Квартиру все равно вскроют. Уж лучше изобразить недалекую клушу, позволить войти и уже на своей территории разобраться.

Недобиток скрывается в гостиной проследить, чтобы пленник не застонал в самый неподходящий момент.

Черт сигает под потолок.

– Да? – откликаюсь я.

Госпожа Майс, это я.

– Господин Фронш?!

Вот уж кого не ожидала. Голос я специально повышаю, чтобы недобиток услышал, кто наш гость. В добрые намерения дознавателя я не верю, слишком подозрительно реагировал черт.

– Госпожа, это очень важно. Нам нужно поговорить.

– Простите, я не в настроении.

– Госпожа, это касается пропавших детей. Откройте, пожалуйста.

В свое время я не стала заморачиваться с защитой квартиры на заказ. Если бы родня захотела от меня избавиться окончательно, никакая защита меня бы не спасла, но из трех стандартных вариантов я выбрала самый дорогой. И теперь, вернув силу, я могу не только

полагаться на изначально заложенные параметры, но и управлять защитными чарами.

Я открываю:

– Господин дознаватель, – я позволяю войти, но встаю в прихожей так, чтобы пройти вперед, не оттолкнув меня, он не могу. И руки на груди скрещиваю.

Дознаватель проходится по моей фигуре оценивающим взглядом.

– Кажется, я впервые вижу вас без форменного плаща, госпожа инспектор.

– Я ошиблась? Вы упомянули детей, но пришли по личному вопросу?

– Вы даже не пригласите меня, госпожа инспектор?

– А должна?

– Какая вы... трудная, госпожа инспектор.

Раздражает.

– Полагаю, у нас возникло недопонимание.

– Госпожа инспектор, когда я поднимался, успел увидеть, как от вашей двери метнулись двое бородатых мужчин. Вы понимаете, что это значит? Несмотря на мои предупреждения, вы спровоцировали преступников.

– Я ушла в отпуск.

– Возможно. Госпожа инспектор, уже не важно, прислушались вы или нет, сейчас важно, чтобы вы незаметно покинули квартиру. Соберите самое необходимое, и я отвезу вас к своему другу. Не к отставнику, про которого я говорил, а к другу.

Вещает красиво, и, возможно, если бы не недобиток, я бы поверила. Нет, если бы не недобиток, я бы не знала о деарцах, действовала иначе и, скорее всего, к этому моменту была бы уже мертва.

Должна я выпроводить дознавателя или привлечь в качестве союзника? Он может быть полезен... Привлекать опасно. Он ведь узнает недобитка, а парня ищут как преступника, и не исключено, что дознаватель его сдаст.

– Благодарю, но у меня другие планы.

– Госпожа? Послушайте, я понимаю, что в ваших глазах я недостаточно герой, раз подчинился обстоятельствам, но, госпожа, неужели вы не осознаете, что вы в смертельной опасности?!

– Господин дознаватель, мы взрослые люди. Я благодарна вам за заботу и предупреждение, однако напомним, что я не просила вас вмешиваться. Я повторю. У меня есть причины отказаться от вашего предложения. Давайте с уважением относиться к решениям друг друга.

– Да что ты несешь?! – выходит он из себя.

Напрасно я старалась быть вежливой, не оценил.

Дознаватель делает шаг вперед, хватая меня за плечи, притягивает к себе.

Резко отвернув голову к плечу, я избегаю поцелуя. До сих пор дознаватель был мне неприятен, и свое неприятие я старалась держать при себе, но теперь я в бешенстве.

– Служитель закона опускается до насилия? – холодно спрашиваю я, пока не пытаюсь вырваться.

Может, мне удастся выпроводить его?

– Ты мне сразу понравилась. Ты одна. Почему нет? Мы будем прекрасной парой.

– Потому что я категорически против. Господин дознаватель, покиньте мою квартиру немедленно, и я, так и быть, закрою на произошедшее глаза.

Вру. Я не буду подавать официальную жалобу, но позднее попрошу недобитка устроить дознавателю проверку. Тяжелая работа, грязь человеческих отношений и просто грязь – не все способны выдержать это, некоторые ломаются, начинают сходить с ума. Мне кажется, мужчина не в себе, его явно надо к целителю-менталисту на лечение.

И улыбается он жутковато. Рук до сих пор не убрал.

– Когда ребенок отказывается пить лекарство, потому что оно горькое, ему вливают лекарство насильно. Отказываясь быть разумной, ты вынуждаешь меня поступить с тобой, как с маленькой девочкой, Ава.

Сумасшедший. Видать, трогать женщин, у которых есть родственники, боялся, а когда встретил меня, одиночку без семьи и друзей, перемкнуло. Хах, а я первая жертва? Насколько он безумен? Надо расследовать. Потом. Сейчас другие приоритеты.

Я делаю шаг назад. Дознаватель не пытается меня удержать, наоборот, он позволяет отступить и вскидывает ладонь. Между средним и безымянным пальцами шнурок, а на шнурке висит амулет.

Плоский кругляш вспыхивает, посылает мне в лицо ослепительный белый свет.

Если бы недобиток не сорвал печать, я была бы перед этим светом беззащитна. Дознаватель свихнулся напрочь – использовал против меня служебный амулет.

Свои силы надо беречь. Хотя защита, установленная на квартиру, не сработает сама по себе, она «узнает» амулет, но в прямом управлении можно закрыться от света.

Дознаватель опускает руку. На его лице отчетливо читается замешательство, а ведь раньше он контролировал свои эмоции.

– Господин дознаватель, немедленно покиньте мою квартиру, или я буду вынуждена вышвырнуть вас.

С помощью магии я это сделаю.

Я не жертва. За мной не стоят ни отец, ни братья, но я способна постоять за себя сама. Может, мозги у дознавателя все-таки вернутся в норму? В работе он был не так уж и плох.

Понятия не имею, попытался бы дознаватель второй раз или отступил.

– На помо...

Из гостиной раздается громкий выкрик, обрывается. Звуки возни очень быстро стихают. Дознаватель подбирается:

– Как это понимать?

О, в голове прояснилось?

– Господин дознаватель, повторяю последний раз, покиньте мою квартиру.

Меня многому научили, но за десять лет уроки забылись, да и десять лет назад на равных выстоять против тренированного воина я бы не смогла. В основном меня учили уворачиваться, наносить смертельные удары по уязвимым точкам и убегать. Моим главным оружием была магия.

Я оказываюсь не готова к тому, что дознаватель без всяких затей меня оттолкнет. То хватать пытался, а теперь наоборот. Защита, ее не отпустила, срабатывает, отводит удар. Меня будто воздушный кокон обнимает. Мгновения промедления хватает, я не успеваю среагировать, не успеваю отдать приказ выбросить незваного гостя прочь.

Он проскакивает мимо меня, с ноги распахивает дверь. И замирает в проеме.

– У-ум? – первым здоровается черт.

Пленник снова с кляпом во рту, голова, как мешком, закрыта моим плащом.

Недобиток поворачивается к нам в обманчиво расслабленной позе.

Дознаватель замирает. Узнал?

– Принц-отцеубийца?!

Ха?

Недобиток все-таки принц? Ничего неожиданного. Обладатель теневого двойника королевской печати и должен был быть кем-то вроде принца. Меня сбивало с толку, что недобиток ни разу не высокомерный, с бутербродами справился. В бытовом плане я гораздо больше принцесса, чем он – принц.

Мне, в общем-то, все равно, течет в нем королевская кровь или нет. Мои предки обрывали династии, свергали королей и меняли по своему желанию. Откуда тут взяться почтительности?

О чем я только думаю?

Недобиток... Может, дознаватель ошибается, он не принц? Недобиток усмехается. Сейчас он поразительно похож на злодея. Образ настолько достоверный, что меня берут сомнения, играет господин Не-Черт сейчас или играл раньше.

– Отцеубийца? – пробует он слово на вкус. – Что, разве его величество уже мертв?

Откуда рядовому дознавателю знать? Официально король все еще жив, хотя и тяжело болен. За тронем присматривает регент. Я невзначай интересовалась новостями, благо переворот стал главной темой сплетен, и ничего подозрительного в моем интересе не было. Мне даже специально спрашивать не приходилось, только поощрительно кивать Эночке, потчевавшей меня не только чаем, но и слухами.

Но не стоит недооценивать, у дознавателя могут быть свои источники информации.

Недобиток успевает первым – обрушивает на дознавателя магию. Тот опоздал на долю мига, пальцы безвольно разжимаются, так и не сдавив амулет, повисающий на шнурке.

– Черт, – выдыхаю я.

– Ум?

Если бы дознаватель раздавил амулет, по тревоги поднялся бы отряд стражи.

Я подхожу, задираю рукав, обнажаю запястье. Отвечая на мое желание татуировка проступает на коже, и я касаюсь рисунком амулета. Тусклое свечение гаснет.

– Госпожа инспектор, – тон дознавателя внезапно становится напряженным, но при этом из него исчезают безумные нотки, – перед вами разыскиваемый принц. Пока не поздно, раздавите амулет. То, что вы не знали, кому помогаете, не смягчит приговор.

Недобиток позволяет дознавателю договорить. Я ловлю на себе внимательный взгляд.

– Вы действительно принц, господин?

Это важно?

Нет, для меня не важно.

– Отчасти, – улыбаюсь я.

– Вы давно догадались, леди. Но раз вы желаете подтверждения...

Недобиток вытягивает ко мне руку, и татуировка на близость его ладони отзывается щекочущим теплом, почти что жаром. Магия королевской печати реагирует не только на сам факт родства, но и температурой показывает крепость кровных уз. Будь передо мной, например, дальний родственник короля, татуировка бы лишь слегка нагрелась.

В брюках реверанс не исполняют, а я в брюках.

Я низко склоняюсь, опускаю голову так, чтобы наследный принц мог видеть шейные позвонки.

– Ваше высочество, принц Дакерт.

Только что я сделала то, на что права не имела. Я произнесла лишь первую половину приветствия, показала, что я признаю его титул и статус. Вторая часть – это клятва верности, и ее я не даю.

Принц мог бы потребовать, ведь привилегий «великой пятерки» я лишена, а за отказ – судить. Но принц снисходителен – я нужна ему, и он позволит мне некоторое время побыть не подданной, а равноправной союзницей. Что будет, когда мы победим? Возможно, награда. Возможно, опала. Возможно, безвременная кончина в результате несчастного случая.

– Леди.

Принц принимает мой поклон.

Я медленно выпрямляюсь. Его высочество криво усмехается, в глазах пляшут смешинки.

У меня выдавить ответную улыбку не получается.

— Госпожа инспектор... — повторяет дознаватель с явным неодобрением.

Можно дознавателя использовать или нет, решать принцу, а я могу лишь попытаться перетянуть дознавателя на нашу сторону или хотя бы вытянуть больше информации:

— Я слышала, что его величество жив и борется за выздоровление. Его величество обвинений не выдвигал, — четко проговариваю я, глядя дознавателю в глаза.

Дознаватель должен такие вещи понимать, в конце концов он профессионал, а не зеленый юнец. Но я вижу, что думать дознаватель не хочет, в его взгляде вновь вспыхивает безуминка, и она прицельно бьет в амулет.

— Я спасу тебя!

Глава 15

Амулет я прикрываю, бездарный удар проходит мимо и поглощается защитой дома. Дознаватель падает, отправленный принцем в беспмятство. Я с сожалением смотрю на мужчину. Он ведь неплох. Не мне диагноз ставить.

– Леди, какой у вас занятный поклонник, – усмехается недоби...
Нет, принц.

Я пожимаю плечами:

– Какие будут распоряжения, ваше высочество?

Дознаватель выбрал сторону, и отпускать его нельзя. Как и первого пленника, который все слышал. Но у нас квартира, а не филиал тюрьмы. И надзирателя нет. Черт слишком полезный, чтобы его оставить.

Умом я понимаю, что решение одно – заставить свидетелей замолчать.

Принц морщится:

– Леди, зовите меня Керт. Это домашнее имя, для близких.

Близких.

Кажется, принц не намерен меня отпускать. Зачем нарываться на проблемы с «пятеркой»? У него ведь и так под ногами земля горит.

– Керт, – повторяю я и киваю.

«Пятерка» подождет, сейчас нужно с насущными проблемами разобраться.

Однако принц вместо того, чтобы заняться делом, вдруг опускает взгляд, мелькает и исчезает полуулыбка. Парень, королевского величия в нем сейчас вообще нет, смущается. С таким выражением лица мальчики девочкам в первой любви признаются. Он же не.

– Леди, простите, но мы так и не познакомились. Я могу узнать ваше имя?

Фуф, навоображала черт знает что, а недобиток всего лишь именем интересуется.

– Разве вы не видели документы? – удивляюсь я.

Уж если он до фартука добрался, то бумаги точно видел.

Принц смущается еще больше, до красноты ушей, но отвечает уверенным тоном:

– Леди, иногда делать глупости полезно, – вскидывает голову, смотрит мне в глаза с хитринкой и намеком.

Так бы подошла и. поцеловала. Но не время, и не место.

– Меня зовут.

Представиться я не успеваю.

Я опустила очевидное. Когда я позволила дознавателю войти, он закрыл входную дверь, но не запер. А ведь он упоминал подозрительных мужчин, рванувших прочь при его появлении.

Дверь распахивается с грохотом, и в квартиру, судя по топоту, вваливаются трое, если не четверо. Деарцы в поисках пленника? Они не профи, так что с четверкой магией справлюсь даже я, конечно, полагаясь на защиту квартиры...

Защита?!

Незакрытый замок ослабляет защиту. Я чувствую, как невидимые нити контроля обвисают в пальцах. Их оборвали!

– Артефактор.

Принцу хватает одного слова. Смущение, расслабленность – все исчезло. Передо мной напряженный хищник, в чью берлогу вторглись.

Решение он принимает мгновенно. Ругнувшись, принц налетает на меня, стискивает в объятиях, прижимает к себе, и мы проваливаемся в портал, моментально схлопывающийся за нашими спинами.

Мы валимся на мостовую. Недобиток, позеленевший, как забытый в холодильном ящике кусок сыра, растягивает губы в победной улыбке и теряет сознание.

Сегодня мы по очереди будем отключаться?!

– Дурак! – выкрикиваю я.

Смертельно бледный, едва дышащий, он похож на труп. Сегодня у него уже шла носом кровь. А если сосуды лопнут в голове?! На глаза наворачиваются слезы, а руки действуют. Мы на мостовой, к счастью, не на проезжей дороге. Людей вокруг нет, никто не поможет. Но и стражи нет, а это ощутимый плюс. Оттаскивать к тротуару не нужно. Я укладываю Керта на спину, хлопаю по щекам. Поменялись ролями, черт побери.

– У-ум?

Черт спрыгивает с моей головы, и шиплю от боли — на когти намоталось несколько волосков, и, спрыгивая, черт их вырвал.

— Молодец. Спасибо, что не бросил. А ведь я даже не поняла, когда ты запрыгнул. Керт? Дышит.

— Хей, вы кто? И что вы здесь делаете?! — раздается оклик у меня за спиной.

Я оборачиваюсь. Уперев руки в бока, стоит простецки одетая женщина. Фигурой, прической очень напоминает хозяйку Хошши. В сумерках трудно рассмотреть лицо, но я понимаю, что я обозналась, и это не она.

Кем представить недобитка?

Если бы не его провокационные прикосновения и улыбки, я бы сказала, что он мой брат, но я ляпаю то, что первое приходит в голову:

— Мы мимо шли. Моему жениху стало плохо.

— Жених? — с мостовой раздается хриплый, едва различимый шепот Керта. — Если я жених, значит, вы согласились стать моей принцессой, леди? Я запомню...

У него бред начался?

Женщина неуверенно подходит ближе.

Я догадываюсь, что ее смущает. Мы оба одеты очень странно. На мне брюки и блузка. Выходить, не прикрывшись жилетом или пиджаком неприлично. Вместо уличной обуви на мне вообще домашние пушистые тапочки.

Недобиток в брюках, босой, в одних носках. А сверху нижняя рубашка и мой фартук.

— У нас неприятность случилась, — поясняю я женщине. — Простите, вы смогли бы вынести нам горячий чай? Я запла... — я тянусь к кошельку, но пальцы хватают лишь воздух. Сумка осталась в квартире.

Женщина подходит ближе.

— Ох. Маг что ли?

Сказать про портал? Другого подходящего объяснения у меня для женщины нет. Мне нужно, чтобы она помогла, не поднимая шума, нужно успеть уйти, до того, как на наш след выйдут, до того, как район накроют поисковыми чарами.

— Да, маг.

Женщина подходит ближе:

– Давай-ка его на скамейку, нечего поперек улицы валяться.

Меня радует, что Керт пришел в сознание. К счастью, нагрузку он выдержал, жить будет. Его бы напоить чаем и уложить спать. Пусть бы сутки, а лучше двое отлеживался. Но у нас нет этих суток, нет даже пары часов.

Надо бежать.

Керт пытается упереться ладонью в камни мостовой, но сил не хватает.

– Лежи, – останавливаю я.

– Я вызову стражу и принесу чай, – кивает женщина.

Стражу?! Черт-черт-черт!

У-ум?

Отказывать нельзя, это будет слишком подозрительно.

– Уважаемая, можно, пожалуйста, сначала чай? Вы же видите...

– Л-ладно.

Я ей не верю.

Смотрю, как она уходит.

– Черт, – зову я теперь уже осознанно.

Черт, свернувшийся у меня на коленях незаметным клубком, поднимает мордочку:

– Ум?

– Ты можешь не дать ей вызвать стражу? Только не рискуй. И сможешь потом нас найти?

– Ум!

Черт бесшумной тенью устремляется вслед за женщиной. Мне достается хлесткий удар гибким хвостом.

Я наклоняюсь к недобитку, зарываюсь пальцами в мягкие волосы и массирую затылок по точкам, как меня когда-то учили. Эффект дают не сами прикосновения, хотя, вроде бы и они полезны. Эффект дает магия, которой я делюсь через руки. Пять минут массажа снимут спазм и подарят ложную бодрость, недобиток сможет встать. Часа два-три, и затем он снова свалится. За это время мы должны найти укрытие.

Недобиток усмехается:

– Только ради этого стоило свалиться, леди.

– Дурак, да?

Керт в ответ тихо смеется.

Раздражение на его беспечность и неуместные шуточки придает сил, и я снова подозреваю, что Керт дразнит меня нарочно.

– Леди, нам надо уходить.

– Я еще не закончила.

Про чай я не заикаюсь, и правильно. Черт спрыгивает откуда-то сверху. Вид у него одновременно виноватый и взволнованный. Он суетливо прыгает между нами, лопочет. Я не отвлекаюсь от массажа, уточняю:

– Ты не смог проскользнуть за ней в квартиру? Все в порядке, ты еще маленький.

– Она вызвала стражей. Леди, уходим.

– Лежите, Керт. Этот вид массажа нельзя прерывать, если не хотите стать овощем.

Я ощущаю, как на миг принц напрягается, но тотчас расслабляется, закрывает глаза и отдается моим рукам, того гляди замурчит. Эй, ничего, что мы посреди улицы? Холодные булыжники, которыми вымощена улица, уж явно не настраивают на романтику, а впиваются в колени мне и в спину принцу, но обстановка и обстоятельства смущают только меня. Удивительная у недобитка способность ловить момент и наслаждаться.

Магия послушно течет, я последний раз нажимаю на точки, ослабляю поток и развеиваю:

– Как вы себя чувствуете, Керт?

– Жениху следует говорить «ты», – наставительно возражает он, ловит мои пальцы, подносит к губам, целует. – Благодаря вам, моя леди, я исцелен.

– Поднимайтесь медленно. У нас около двух часов, чтобы найти укрытие.

– Говорите, два часа, леди?

Керт твердо встает на ноги, но я все равно придерживаю его под руку. Керт упрямится, а черт в отличие от него излишним благородством не страдает, лапы бережет. Зачем самому пешком шлепать, когда рядом есть ручной человек? Черт вскарабкивается мне на шею, повисает заплечным мешком.

– Командуйте, Керт, ждем чай или уходим. Нам бы вам обувь раздобыть.

– Леди, как вы относитесь к разбою? Черт, я вижу, относится с интересом и одобрением.

Я ничего не отвечаю.

Мы оказались без вещей, без денег, без документов, в розыске, мятежный принц и его пособница. Зато с грандиозной миссией предотвратить переворот и спасти детей. Сомнения на счет Керта окончательно развеялись. В какой момент, я сама не поняла. Вроде бы доказательств нет, но не могу я даже мысли допустить, что он действительно покушался на жизнь своего отца.

Керт, прихрамывая, тянет меня в проулок, но в густой тени здания почему-то останавливается, приваливается к стене.

– Вам плохо?

– Хм? Леди, я в полном порядке. По крайней мере по ощущениям.

– Здесь вот-вот будет стража. Вас это не смущает?

Керт в ответ только улыбается с этаким таинственностью и снисходительностью. Уж не знаю, просто дурачится, чтобы разогнать пораженческий настрой или рассчитывает произвести на меня впечатление, но выглядит Керт как мальчишка, пообещавшей девочке, что перепрыгнет через забор, а ей полагается смотреть и восторгаться.

Стражи появляются через несколько минут. Все это время Керт прижимает меня к себе, словно так и надо, а я... я тоже притворяюсь, все хорошо и правильно. От его ладони на моем плече тепло, и это не столько тепло тела, сколько человеческое тепло.

Я сама себе напоминаю реку, скованную зимним льдом. Под толстой коркой жизнь теплится, но это не точно. Керт стал моей весной, согрел, разбудил. Ничего удивительного, что именно рядом с ним мое сердце бьется чаще.

Спешившись, они оставляют лошадей у коновязи, оглядывают улицу и направляются к дому, в котором живет вызвавшая их женщина. Сейчас они скроются. Я так и не спросила, что задумал Керт. Уверена, план у него есть, а раз заранее говорить не стал, значит, моя помощь не нужна.

Удача отворачивается от нас. Дверь подъезда открывается, навстречу стражникам выходит «наша» женщина с подносом.

– Черт! – зло выдыхает Керт.

– Ум?

– Леди, бегом!

Керт перехватывает меня за руку, и мы бросаемся к лошадям. Хорошее решение, если бы не одно «но». В сбруе служебных лошадей крепится артефакт, который просто стреножит животное, если верхом сядет чужак. Принц же не может не знать об этом?

Естественно, Керт знал.

Пока я млела, наслаждаясь близостью, он все продумал. Или вовсе просчитал каждый шаг за доли секунды, еще до того, как приказал прятаться в тени здания.

Керт прикладывает к сбруе амулет дознавателя. Я не помню, как он его подобрал. Если честно, я вообще упустила амулет из виду — непростительная небрежность, и десять лет застойного спокойствия не оправдание. А ведь Керт не просто подобрал амулет, он взял управление. Не очень понимаю, как он сумел это сделать, Керт ведь говорил, что израсходовал теневой двойник королевской печати на меня, а второго двойника у него нет. Наверное, есть хитрости.

Я ловлю брошенные мне поводья, запрыгиваю в седло. Керт уже верхом, хотя свою лошадь отвязывал во вторую очередь. Я непозволительно медлительна, но Керт не показывает и намек на недовольство, не бросает, ждет.

— Стоять! — к нам со всех ног бегут стражи.

Я трогаю коня пятками, и мы срываемся в галоп.

Керт чуть отстает.. .прикрывает мне спину. А ведь должно быть совсем наоборот, принц он. В нас летит магия и уходит в сторону, ее отклонил мой щит. Блокировать было бы затратно, а отбить, как отбивают мяч, легче.

— Направо! — командует Керт.

Мы выскакиваем из улочки, сворачиваем на другую.

Я не сомневаюсь, что мы уйдем от ограбленной пары стражей, но дальше за нами вышлют погоню. Не просто погоню. Стражи перекроют район, работать они умеют. А как только просочится намек на то, что Керт задействовал амулет дознавателя, те, кому надо, сделают правильные выводы.

Керт натягивает повод, я притормаживаю своего коня, и мы ныряем в лабиринт улочек.

— Леди, не бойтесь.

— Я не боюсь.

— Леди, вы когда-нибудь катались на ледянке?

– Я не боюсь, – повторяю я. – И нет необходимости отвлекать меня от проблем столь детским способом.

Вот что его смешит, а?

– Слушаюсь, леди.

Я была излишне резка? Вроде бы Керт не выглядит обиженным

При всей безобидности вопроса, он неприятный, потому что на ледянке я не каталась ни разу в жизни. Глава семьи считал, что с визгом слетать с горы и кувыркаться в сугробах непристойно, это роняет честь рода. Поэтому зимой я каталась только на коньках. Это было по-своему здорово, но я совру, если скажу, что не мечтала слепить снеговика, поучаствовать в бою за снежную крепость и, да, скатиться по ледяному спуску с горы. Дети слуг веселились, а я должна была притворяться, что мне ни капельки не интересно, и могла наблюдать лишь издали.

Оглянувшись на меня, Керт вдруг снимает фартук, складывает и набрасывает мне на манер пледа.

– Спасибо.

На улице темнеет, становится прохладно. На адреналине я не замечала, а сейчас понимаю, что мерзну. Но у меня хотя бы живой шарфик на спине сидит, черт как вцепился в меня, так и висит. Керт же в одной майке остался. Нам срочно нужно раздобыть одежду.

Очередной поворот. Керт спешивается:

– Леди, отсюда пешком.

– Да.

Спуститься самостоятельно Керт мне не позволяет, подает руку, хотя я легко бы спрыгнула. Керт шлепком отправляет коней прочь. В принципе, логично. Кроме охраны, амулет в сбруе выполняет роль маячка.

Но далеко пешком мы не уйдем...

Может, у Керта где-то здесь есть убежище? В прошлый раз, после ментального удара, он не смог добраться, а сейчас все иначе.

– Нам туда, леди.

Глава 16

Керт шагает, не заботясь об отсутствии обуви. Носки буквально на глазах превращаются в мокрые тряпки. Керт не обращает внимания, наоборот, держится с величественной самоуверенностью. Разительный контраст. И судя по пойманному мной мимолетному прищур с хитринкой, Керт нарочно представление устраивает.

Очередной проулок выводит нас дичающему парку. От лишнего ворот входа отчетливо просматривается центральная аллея и скамейки, а вот кусты и деревья разрослись, торчат сухие ветки, пышет крапива, садовые цветы если и были, то давно погибли. Керт увлекает меня на боковую дорожку, подхватывает мою руку:

– Бывали здесь, леди? – светским тоном спрашивает он, будто вышел на прогулку в королевский розарий.

– Нет. Но я представляю, в каком мы районе. Здесь неподалеку жила семья, усыновившая троих детей. У них своих двое, а они приняли сирот. Я им помогала с последним усыновлением. Сиротой остался сын коллеги мужа... Простите, Керт, увлеклась.

– У-у-у, – вздыхает черт и сочувственно хлопает Керта по плечу.

Дорожка приводит нас к смотровой площадке, козырьком нависающей над Нижним городом.

– Мы на скале, с которой начиналась столица, – поясняет Керт.

Я безразлично пожимаю плечами. Историю я знаю. К чему эти пустые слова?

В сгустившихся сумерках город размывается, теряет четкие очертания и, кажется, растворяется, полностью исчезая в ночи.

– Разве у нас есть время предаваться созерцанию?

Парк от поисковой магии точно не защищен, промедление нервирует.

Керт словно не слышит:

– Огрызок парка на скале – это все, что осталось от дома королей первой династии. Я не оговорился, дома. В документах здание гордо именовали резиденцией. Ни на замок, ни на дворец оно не тянуло. Квадратное в плане, двухэтажное. В архиве сохранилось несколько гравюр, но на них уже поздний вариант – с пристроенными по углам

декоративными башнями. Первая династия пала, новый король не стал покидать родной особняк. От того здания, кстати, тоже ничего не осталось. Разве что несколько плит фундамента. На его место стоит современный дворец.

– Ваше высочество, к чему все это?

– Керт, леди. Керт.

Он подносит мои пальцы к губам, целует.

Меня его поведение начинает изрядно раздражать. Вроде бы нет причин сомневаться в принце, но почему-то мы тратим время попросту?

Уловив перемены в моем настроении, Керт отпускает мою руку.

– Не ответите, ваше высочество? – хмурюсь я.

– Нет, – усмехается он и тотчас сам себе противоречит. – Нашел!

Керт спрыгивает со смотровой площадки напрямик в заросли. Мне ничего не остается, кроме как следовать за ним. Когда я его догоняю, он сидит на корточках перед глыбой, вероятно, оставшейся либо от дома королей, либо от беседки. Высокая трава надежно скрывала камень, но Керт ее раздвинул. Кстати, вряд ли камень единственный.

– Тайник? – искал он, очевидно, магическую метку.

Я бы удивилась, если бы у Керта не было тайников, но выбор места...

Раздается тихий щелчок, плита приподнимается довольно высоко, в образовавшуюся щель можно не только руку просунуть, но и полностью протиснуться.

– Лучше, леди. Продолжим нашу маленькую экскурсию? Считайте, что у нас вечерняя прогулка под луной, и я показываю вам королевские интересности. Уверен, вы не видели – древний водосток. Помимо кусочка парка, от резиденции королей первой династии уцелела труба. Она начинается здесь и проходит наискось. Не знаю, специально так строили или потом рельеф изменился. Мы будем двигаться налево параллельно обрыву.

– Керт, вы гений.

Толща земли надежно скроет нас от поисковой магии – это раз. И два – мы спустимся в Нижний город тайным путем, уйдем от преследователей. Вероятно, нас будут караулить на спусках. Терпения им.

– Леди, вы безусловно правы, – расцветает Керт. – Руку, леди. Черт, ты первый.

Черт послушно ныряет в щель, доносится шлепок, а через несколько секунд призывное:

– У-у-у!

Принц протискивается вторым:

– Леди, не бойтесь, здесь не высоко.

Но темно и сыро. Тапок тонет в холодной жиже, брючины мгновенно набухают от воды и неприятно липнут к ногам.

Керт высовывается наружу, раздаётся повторный щелчок, и плита возвращается на место, щель смыкается, мы оказываемся в крошечной темноте.

И тут до меня доходит:

– Керт, ты поэтому про ледянку спрашивал? – по трубе предстоит не спуститься, а смыться?!

– Да!

Сколько радости, сколько задора...

А я не маленькая девочка, чтобы прийти в восторг. Горка с ледяным спуском – это одно, а старая труба – совсем другое. Где-то острые выступы, где-то мусор. Еще неизвестно, насколько крутой спуск, и во что мы врежемся в его конце. Вдруг там решетка?

– Ладно, – какой у нас выбор?

– Леди, уверен, эта труба и задумана как тайный путь отхода. Спуск пологий. Относительно. И вот.

Керт подбрасывает в воздух слабый светлячок, его света едва хватает, чтобы разобрать контуры. Похоже, мы в коллекторе, в дальней стене огромное круговое отверстие – начало трубы. Водосток действующий, в коллекторе болото. Я поскользнулась, и Керт удерживает меня от падения. Присев, опускаю руку, зачерпываю. Лучше бы не рассматривала – со дна выловилась бурно-черная склизкая жижа.

Пока я занимаюсь ненужными изысканиями, Керт что-то сдвигает в стене, и коллектор перекрывает каменная плита. Внизу остается щель, через которую разве что черт пролезет, но точно не человек.

– Леди, – заметив, как я брезгливо отряхиваю пальцы, Керт усмехается. – Не старайтесь.

– Почему?

– Я подозреваю, что эта жижа здесь столько же, сколько существует сам водосток. Она укрывает дно трубы до самого низа.

– О-о-о?

– Не волнуйтесь, леди. Лучшие модистки к вашим услугам, как только мы разберемся с деарцами. Леди?

На блузку падает метко брошенный комок липкой грязи.

– Черт! – возмущенно разворачиваюсь я.

Зловредный дух обдает меня целым фонтаном холодной воды и мерзкой жижи, ныряет в трубу и со счастливым визгом уносится вниз.

Я бросаюсь следом. Схватить поганца за хвост естественно не успеваю. И только остановившись, я понимаю, что стою у трубы. Керт дышит в шею, берет меня под локоть:

– Садитесь на край, леди, не бойтесь.

А?

Я оборачиваюсь. Так черт с подачи Керта безобразничал? Пока я пытаюсь решить, возмущаться мне или нет, Керт подталкивает меня вперед, помогает сесть. Сразу становится мокро, холодно и противно.

Керт запрыгивает следом. Труба не сразу идет под уклон. Чуть продвинувшись вперед, Керт разворачивается и опускает железную решетку:

– Если верить хроникам, последний король первой династии не был убит. Не исключено, что именно этот тайный ход спас его жизнь. Готовы, леди?

– Нет! – нервно выкрикиваю я. – Керт, зачем я вам? Можно я тут подожду, когда вы меня освободите? Обещаю сидеть тихо и не высовываться, меня здесь никто не найдет.

Отвлеченно думать о спуске я могла, но сейчас я своими глазами вижу черный зев провала. Я не настолько смелая...

– Подождать? – переспрашивает Керт. – Ну, думаю, можете подождать. Я постараюсь вернуться за вами быстро.

– Ага, – глупо, но я готова верить чему угодно, лишь бы мне пообещали, что мне не придется спускаться по трубе.

Керт ободряюще улыбается, гасит светлячок, с силой отталкивается, и все, по скользкой грязи как по льду с небольшим потоком воды мы летим вниз в непроглядном мраке.

Я заорала. По словам Керта труба проходит в толще скалы, услышать никто не должен, но даже если бы я знала, что мы летим под

оживленной улицей, я бы орала.

Неконтролируемое падение во тьме, это больше похоже на низвержение в Подземное царство мертвых, чем на спуск. Керт крепко обнимает меня поперек живота, заставляет откинуться назад.

– Леди, здесь гораздо веселее, чем с горки, правда?

Мне кажется, с каждым мгновением мы падаем все быстрее и быстрее.

– Убью. Если не убьемся, я сама тебя убью!

– О, леди, вы уже угрожаете, как настоящая жена. Счастливы слышать.

– Убью, – бессильно повторяю я.

Падение... замедлилось?

Еще несколько мгновений назад я не чувствовала ничего, кроме ледяной воды, сейчас же я снова могу понять, что мы находимся в трубе, что подо мной склизкая жижа, а глубже – твердая наклонная поверхность.

Труба идет едва ли не горизонтально. Я выдыхаю и опускаю голову Керту на плечо. Он тотчас целует в меня в макушку, а у меня ни сил, ни желания сопротивляться. Я позволяю себе целую минуту лежать, а затем поднимаюсь. Время играет против нас. Возможно, мы ушли от погони, но вот-вот Керт свалится после массажа. Нам надо где-то укрыться и отлежаться.

Керт подбрасывает к потолку светлячок, встает, помогает встать мне.

Идти приходится чуть согнувшись, чтобы не цеплять головой потолок. Я по собственной инициативе обнимаю Керта – вместе теплее. Он лишь хмыкает.

Черт резвится впереди, то отбегает в темноту, то неожиданно выпрыгивает под тусклый свет светлячка.

Впереди нарастает рокот.

– Керт, вы здесь бывали? Я имею в виду...

– Я понял. Да, я пару раз спускался по водостоку. Первый раз из интереса, а второй – восстанавливал наработки королей первой династии, насколько это было возможно. Как видите, пригодилось. Куда идти, я знаю. Дальше мы попадем в систему городской канализации.

Вот же... вляпалась.

Труба резко обрывается, выходит в полузатопленный коридор. Потоки воды обрушиваются вниз через крупноячеистую решетку. Керт обходит ее по краю и поворачивает налево.

Мы по-прежнему идем в обнимку, и я замечаю, что Керт начинает прихрамывать. Он повредил босую стопу? Если в трубе противная жижа прекрасно защитила от травм, то в коридоре и острые камни, и мусор. Тапочек на мне больше нет, так тоже в полной мере могу оценить разницу.

Потихоньку принц наваливается на меня, перекидывает свой вес, похоже, сам не замечая, что делает.

– Керт?

Чем он думал, когда выбирал этот путь? Мы скорее околеем, чем куда-либо доберемся. Не лучше ли было остаться в коллекторе? Я бы одна, не привлекая внимания, раздобыла нам вещи. Или, на мир надо смотреть реально, вероятнее всего, я бы попалась. Керт принял правильное решение.

– Я в порядке. Леди, нам надо нырнуть.

– Эм? Керт?

– Внизу, под водой, проход, Просто следуйте за мной, хорошо?

А у меня есть выбор?

Да, конечно.

Керт присаживается, глубоко вдыхает и уходит под воду. Светлячок тотчас развеивается, и коридор погружается во мрак. Раздается громкий плюх, меня окатывает брызгами. Ноге достается знакомый хлесткий удар хвостом. Надо полагать, следом за Кертом нырнул черт. Моя очередь.

Я мокрая, грязная, продрогшая. Меня уже знобит, а из носа течет. Радость одна – вода в коридоре дождевая, пахнет сыростью и затхлостью, но неприятной вони нет.

Глубоко вдохнув, я опускаю голову под воду, нащупываю ладонью обещанный лаз. Плыть не надо, всего лишь проползти. Керт помогает подняться.

– Леди?

– Ого...

Я потрясенно оглядываюсь.

Свет дает не тусклый светлячок, а магический светильник. Керт привел нас в отнорок. Вода затекает сюда лишь у входа, короткая

лестница ведет в сухое помещение с настоящей лежанкой.

Керт поднимается на ступеньку:

– Леди, в сундуке запасная одежда. К сожалению, могу предложить вам только мужскую. Нам надо согреться, отдохнуть.

И Керт стаскивает с себя майку, носки, брюки. Остается в чем мать родила.

– У-ум, – озвучивает мои мысли черт.

Я вроде бы не девочка, чтобы краснеть и отворачиваться. Я и не отворачиваюсь, взгляд будто прилипает. Керт разделся без капли стеснения. Я абсолютно согласна, что избавиться от мокрой одежды нужно как можно скорее, но то, что он не дошел пяток шагов до сундука с сухими вещами, меня коробит. На его месте я бы хоть набедренную повязку соорудила, а Керт сверкает белизной не тронутой загаром кожи. Меня цепляет не столько сама нагота, сколько его равнодушие.

Керт распахивает сундук, вынимает стопку полотенец, забирает верхнее и принимается растираться, стоя ко мне спиной.

Я стягиваю с себя брюки, сбрасываю и подхожу ближе. Блузку я снять не готова, полы достают до середины, прикрывают все, что должно быть прикрыто. Сперва заматаюсь в полотенце, потом сниму. Я протягиваю руку.

Керт вдруг разворачивается. Черт! Мои глаза будто собственную волю обретают. Взгляд соскальзывает по его плечам на живот и ниже. Мне было холодно? Мне становится жарко!

– Моя принцесса, ваша блузка так липнет к телу, что в ней еще неприличнее, чем без нее.

Я скидываю голову, и Керт самодовольно усмехается, но отобрать полупрозрачную от воды тряпочку не пытается, наоборот, берет свежее полотенце, закутывает меня в него как в кокон. А сам даже не думает одеться! Керт снова склоняется над сундуком, но достает не запасные штаны, а два пузырька из темно-зеленого стекла.

– Что это? – уточняю я.

– Микстура. Мы же не хотим заболеть. Это не зелье, настой из целебных трав по особому рецепту. Как раз на наш случай.

Керт первым выпивает микстуру, выдергивает пробку из второго пузырька и протягивает его мне. Я послушно проглатываю залпом, но вместо ожидаемой горечи по языку прокатывается что-то невыносимо

сладкое. Керт отбирает у меня пузырек. Его пальцы странно подрагивают.

– Вы... – отсрочка истекает. – А ну-ка ложитесь!

Подавшись вперед, Керт целует меня в шею:

– Как прикажете, моя принцесса.

– Пф-ф!

Я подталкиваю его в сторону лежанки, и Керт почти падает. Я мимолетно удивляюсь, что открыто лежащее покрывало не погрызла никакая крыса. Отличное же место для гнезда и выведения крысят, но нет, в помещении я даже насекомых не заметила.

Второе одеяло я нахожу в сундуке, набрасываю на Керта. Он никак не реагирует – заснул моментально. Да и меня начинает клонить в сон. Действие микстуры?

– Присматривай за нами, – поручаю я черту.

Избавившись, наконец, от мокрой блузки, я натягиваю сухую рубашку, нижние штаны, оглядываюсь и неожиданно широко зеваю. Такое чувство, что еще бы чуть-чуть, и челюсть бы свернула. Второй лежанки нет, и взгляд возвращается к дрыхнущему Керту.

Мне не нравится, в какую сторону он ведет наши отношения. Учитывая мое происхождение, жениться он на мне не может, глава рода этот брак не примет, а Керт сейчас не в том положении, чтобы ввязываться в открытое противостояние с «пятеркой», ему бы династию сохранить. А значит, либо я могу оставаться при нем тайной фавориткой, не показывающейся в свете, либо мы можем закрутить головокружительный роман, а через какое-то время расстаться.

Честно? Ни роль фаворитки, ни обреченные короткие отношения меня не устраивают. Правильно было пресечь романтические поползновения, а сейчас лечь отдельно, но лежанка одна, а я очень устала. Я не позволяла себе паниковать, пока нужно было действовать, но теперь меня ничего не держит. Я обхватываю себя руками. Почему все так сложно? В голову приходит цинично-эгоистичная мысль, что бурный роман послужит для меня отличным лекарством, поможет встряхнуться и почувствовать себя живой.

Ни к чему толком не придя, я сдаюсь и забираюсь к Керту под бок, а он, даже во сне почувствовав, не просыпаясь, притягивает к себе, обнимает, что-то бубнит мне в волосы. Слов не разобрать. Под убаюкивающий бубнеж я засыпаю.

Я не знаю, сколько времени проходит. Я просыпаюсь бодрой и полной сил. Потянувшись, я сажусь и с легким удивлением кручу головой, не сразу осознаю, где я оказалась. Точно, отнорок в подземном коридоре.

– Доброе утро, леди, – приветствует меня Керт.

Я поворачиваюсь на голос. Керт выглядит отдохнувшим, он, присев на корточки, чем-то занимается в углу. И, черт бы его побрал, он так и не соизволил одеться!

Что же, отлично – я как раз собиралась объяснить, что он перегибает палку. Я не против легких дразнилок и флирта, но надо знать меру.

– Ваше высочество.

– Леди, неужели вы не считаете утро добрым? – перебивает он. – Я вас уверяю, вы заблуждаетесь. Чаю в постель?

Керт выпрямляется, от чашек в его руках идет пар.

И я вдруг говорю совсем не то, что собиралась:

– Керт, откуда у вас синяк?

Вчера, когда я ложилась, не было.

Он не торопится отвечать, подходит, присаживается на край лежанки и ставит чашки. Я хмурюсь, а Керт усмехается:

– Моя принцесса, вы разбиваете мне сердце. Когда вы перебрались ближе к стене, я не возражал. Но вы взяли и сбросили меня на пол! А сейчас даже не помните, как будто я не заслуживаю и капли вашего внимания.

– Ваше высочество, хватит шутить.

Керт смотрит удивленно, словно не понимает, что о чем я. Хах, он просто не хочет понимать.

– Леди, я не шучу! Вы сбросили меня, как какую-то помеху.

– Ваше высочество, давайте остановимся на деловом стиле общения.

– Леди, вы еще не проснулись? Перед той милой дамой вы сами признали меня своим женихом.

Черт, бесит же уже.

– Ваше высочество.

– Да, моя принцесса? – тотчас перебивает он.

Не понимает слов? Объясню молчанием!

Взгляд падает на чашку. Капризно отказаться от горячего – непозволительная в наших обстоятельствах роскошь. Я беру свою, салютую:

– Спасибо, ваше высочество, – и сосредотачиваюсь на чашке, игнорируя его близость.

Керт поднимает свою чашку, но сделать глоток не спешит:

– Леди, я вам не нравлюсь?

Врать не хочется, да и незачем. Черт, не время выяснять отношения, но и двигаться дальше, не обозначив границы, тоже неправильно.

Может, согласиться на роман без обязательств? Последняя мысль отдает тоской и безысходностью.

– Керт, – я стараюсь говорить спокойно, не позволить охватившей меня буре эмоций выплеснуться, – вы не слепой. Вы прекрасно видите, что да, вы мне нравитесь. Но какое это имеет значение?

– Хм, странно. Леди, а что кроме взаимной симпатии может иметь значение? Я не буду говорить громких слов про любовь, вы к ним не готовы, я скажу иначе. Я чувствую ваше настроение, часто предугадываю, что вы скажете или сделаете, мне легко с вами, и смею надеяться – вам со мной. Я восхищаюсь вашей смелостью, вашей работоспособностью. Вы очень способная, Опека не ваш уровень. Сколько хорошего вы могли бы сделать, если бы располагали властью и ресурсами? Я уверен, как только вы попробуете, вы увлечетесь. А я хочу увлечься вместе с вами. Леди, я не собираюсь торопить вас, но для себя я все решил. Я прошу вас стать моей принцессой.

Он серьезно?

– Керт...

– Что не так, леди?

– Пустые слова, Керт. В моих жилах течет кровь моих предков, разрыв отношений с семьей этого никак не изменил. Вы простите за грубость, но вам бы думать, как сохранить корону.

– А я об этом и думаю, леди.

– Хм? – я смотрю на него.

Серьезный настрой исчез, Керт откровенно забавляется, но сейчас я отчетливо вижу, что веселье напускное, а под ним прячется грусть, будто. Керту жаль меня? Но почему? Я ведь все правильно сказала.

Если Керт вызовет неудовольствие «пятерки», будет очередная смена династии.

– Знаете, в чем ваша проблема, леди? Обладая прекрасным аналитическим умом, вы не применяете свои способности в отношении вашей семьи. Попробуйте взглянуть на ситуацию со стороны?

– Керт, вам не кажется, что мы тратим время попусту?

– Отнюдь, леди. Правильный настрой залог успеха. Вы же не думаете, что генерал, вдохновляющий солдат накануне боя, напрасно машет языком?

– А я ваш солдат?

– Леди, мы же договорились. Вы моя принцесса. Но вернемся к «пятерке». Вас научили считать «пятерку» истинной властью, а короля – управляющим на хозяйстве.

– Разве это неправда? – усмехаюсь я, точь-в-точь повторяя выражение лица Керта.

Он едва заметно отрицательно качает головой.

– Роли, леди, зло. Роль загоняет в рамки образа, оставляя лишь один единственный образ действия. Управляющий, допустивший ошибку и вызвавший неудовольствие нанимателя, чтобы сохранить свое положение, должен попросить прощения, попросить дать второй шанс и с тройным усердием угождать хозяину. Именно это вы предложили мне, когда посоветовали обратиться к «пятерке».

Я задумываюсь. Отчасти Керт прав, отчасти – нет. Определив свою роль, ты сразу же понимаешь, какая линия поведения будет правильной, а какая приведет к краху.

– Да, Керт.

– Я, леди, наследный принц этой страны. А не управляющий.

– Какая самонадеянность.

– Наглость горда берет. Леди, «пятерка» позволила деарцам вернуться по одной единственной причине. Они решили, что мой отец много себе позволяет. Только они забыли. Он здесь король. Он хозяин.

– У-у-у, – тяну я.

Встрепенувшись, черт оборачивается. На мордочке выражение крайнего удивления.

– Леди, моя победа «пятерке» не понравится. Изначально я не собирался бросать им открытый вызов, лишь намекнуть, что пришло

время новых отношений. Однако все изменилось после нашей встречи, леди. Я хочу видеть вас своей принцессой. Если это означает противостояние с «пятеркой», я готов.

Я допиваю чай, отставляю чашку. Сказать Керт, что я в него не верю, жестоко и некрасиво, хотя и правдиво.

– Я постараюсь верить в тебя, Керт. Я..., – черт, я с ума сошла, что я несу?! – согласна.

Как меня угораздило? Где мой ум? Или хотя бы инстинкт самосохранения? Но я действительно согласна. И это честно: за общее будущее бороться следует вместе.

Керт улыбается неожиданно мягко, с невероятной нежностью. Его лицо преображается, становится совсем мальчишеским. Я замороженно смотрю. Керт медленно склоняется ко мне, его ладонь ложится мне на лопатки, другой рукой он отводит растрепавшиеся волосы, пропускает пряди между пальцами. Простой жест оказывается неожиданно чувственным.

Я судорожно втягиваю воздух, сейчас нагота ощущается особенно остро, меня бросает в жар, не имеющий ничего общего со стыдливостью. Керт мягко накрывает мои губы своими, целует осторожно и жадно одновременно. Я обвиваю руками его шею, одеяло соскальзывает, и между нами остается лишь моя рубашка. Керт оттягивает ворот и целует меня в шею, в ключицы, но избавиться от преграды не пытается, наоборот отстраняется и смотрит на меня самодовольно. А я задыхаюсь, глотаю ставший для меня горячим воздух. Должно быть глаза у меня сейчас горят.

– Леди, вы согласны?

– Д-а-а...

Он всего лишь проводит от плеча по спине вдоль позвоночника вниз, не касаясь кожи напрямую, через ткань, а меня выгибает от удовольствия, хочется задержать его руку.

Рациональная неуместная мысль, что если бы не длительное воздержание, я бы так остро не реагировала, теряется в наслаждении.

Керт отстраняется:

– Моя принцесса, ты достойна королевских покоев, а не убежища в канализации.

Я несколько раз моргаю, с трудом возвращаясь в реальность, чувствую, как широко открываются мои глаза. На Керта я смотрю с

искренней обидой.

– Ты.

– Простите, моя принцесса, – в глазах ни капли раскаяния. –
Теперь я уверен, что вы знаете, чего хотите и что вы готовы услышать
меня. Я люблю вас, моя принцесса.

Глава 17

Керт воистину наглец. Решиться вернуться в захваченный дворец.

– Во-первых, только отец может снять с меня обвинения. Во-вторых, – улыбка у Керта злорадно-предвкушающая, – они напрасно недооценили меня.

– Ты безумец.

– Моя принцесса, разве ты не считаешь мою затею неосуществимой? Творить невозможное способны лишь безумцы, им ведь не хватает ума осознать всю ту тысячу причин, почему успех невозможен. Почту за комплимент.

Из убежища мы выбираемся через боковой проход. В новом коридоре сухо, но воздух до того спертый, то дышать почти невозможно. Пару раз чихнув, черт забирается ко мне на шею и повисает заплечным мешком.

Коридор часто разделяется на рукава, петляет. У меня создается впечатление, что мы не в канализации под столицей, а в какой-нибудь древней гробнице. Каменный лабиринт, уж не знаю, кто его создавал, первые короли или более поздние поколения, явно является частью защиты – любой преследователь, не знающий системы ходов, обречен заблудиться.

Воздух постепенно меняется, становится влажным, а на стенах расцветают пятна плесени. Очередной поворот, и мы упираемся в поток воды. Его не назвать бурным, но все же течение довольно сильное. Интересно, мы прошли по дуге и попали во вчерашний проход, в который нас вынесло из трубы или это другой коридор?

Керт жестом просит меня подождать, ничего не объясняет. Вероятно, он ждет, что я начну расспрашивать, но я молчу. И от нечего делать разглядываю безликие стены. Позади остается неотшлифованный, но все же более-менее обтесанный камень, а чем дальше вперед, тем больше острых выступов, сколов. Складывается ощущение полной халтуры.

Подойдя к стене вплотную, Керт цепляется за один из таких выступов, в щель ставит ногу, подтягивается. Я задираю голову – ого! Ни за что бы сама не рассмотрела, что вдоль коридора под потолком

тянется карниз. Выглядит как широкая полка. Мало того, что еще одно укрытие. Керт стаскивает... Дважды ого. Увидеть лодку-плоскодонку я никак не ожидала. Керт стаскивает ее с некоторым усилием, опускает на пол.

– Моя принцесса, я слышал, каждый уважающий себя жених должен хотя бы раз пригласить невесту на водную прогулку.

– И непременно в канализацию. Как я сразу не догадалась? – пока что нам везет, характерной вони не чувствуется.

Керт лишь расплывается в широкой улыбке. Я качаю головой. По крайней мере скучно мне с ним никогда не будет, а это тоже важно. Я невольно улыбаюсь в ответ. Черт побери, когда все закончится, я хочу вернуться в сплетение подземных коридоров – интересно же!

Аккуратно столкнув лодку на воду, Керт одной ногой стоит бортике, другой – на дне лодки:

– Моя принцесса, прошу, – он подает мне руку.

Я забираюсь в лодку, сажусь на низкую скамейку.

Керт с силой отталкивается, лодка моментально выносится на середину потока, ее подхватывает течение. Керт садится напротив, поднимает со дна весла, вставляет в уключины.

– Ты гораздо продуманнее, чем я ожидала. Пожалуй, теперь я верю, что ты справишься.

– Я справлюсь, моя принцесса.

– Знаешь, Керт. Встреча с тобой стоила тех десяти лет ожидания.

Он наклоняет голову к плечу:

– Не могу сказать, что я рад. Было бы лучше, если бы годы до нашей встречи были счастливыми. Расскажешь?

Окончание вопроса не слышно за очередным всплеском. Я откидываю голову назад, смотрю во мрак, скрывающий от взгляда свод коридора. Тусклый светлячок освещает русло впереди, а по сторонам и сзади сплошная пелена тьмы. Я медлю. Когда-то я похоронила память о прошлом глубоко в своей душе, и я боюсь, что воскресив воспоминания, я воскрешу и боль, но прислушавшись к себе я вдруг понимаю, что рядом с Кертом, мое прошлое стало тем, чем и должно быть – прошлым. Воспоминаниями, уроком, жизненным опытом. Душевная рана затянулась.

– Да, расскажу, – улыбаюсь я. – Это история... о невыученном уроке, наверное. Меня с детства учили разбираться в людях, учили

«читать» скрытые мотивы, и на окружающих я смотрела с легким пренебрежением и высокомерием. Дома мне внушали, что именно так правильно. У меня не было причин сомневаться в словах старших родственников, а в свете мою холодность и отчужденность приняли как должное. После дебюта, я получала приглашения пачками.

– Дочь великого рода может позволить себе высокомерие.

– Некоторые приглашения я принимала, тем более дома меня поощряли, считая, что ум надо оттачивать во внешнем мире, а затворничество приводит к глупости. Я познакомилась с ним через месяц после дебюта, еще через месяц он начал за мной ухаживать, дарить цветы, конфеты, стихи. Дома не препятствовали. Пока я соблюдаю приличия, все в порядке, и уж точно никто не ждал, что я буду хранить чистоту до свадьбы, все равно муж войдет в семью, а не я уйду в чужой род. Против моего увлечения была только мама, но от ее советов я отмахнулась. Поначалу мне было просто интересно, волнительно, я наслаждалась романтикой и не планировала ничего серьезного, да и он не говорил о будущем, только о настоящем, говорил, что будем разбираться с проблемами, когда они возникнут, незачем себя накручивать заранее, лучше сходить на премьеру балета или прогуляться по набережной. Я сама не заметила, как влюбилась. О том, что доверие нельзя давать просто так, я помнила. Пару раз я пыталась его проверить, проверки он проходил, вроде бы ему не были нужны ни деньги моего рода, ни влияние. Я доверилась, расслабилась.

Я замолкаю.

Каково Керту слушать про мои чувства к другому, пусть от тех чувств не осталось и следа? Но Керт не злится, не ревнует, смотрит на меня с сочувствием.

В такт движению весел мерно плещется вода.

– Тебе не нужно заставлять себя.

– У-у-ум? – черт тыкается пяточком мне в шею и грустно вздыхает.

– Я не заставляю. Я задумалась. Где-то через полгода меня вызвал глава семьи и объявил, что пора задуматься о моем браке. Пока – только задуматься. О моем увлечении дед слушать не захотел. «Гуляйте в свое удовольствие, юная леди, к вашему будущему браку это не имеет никакого отношения. Не беспокойтесь, я учту и предупрежу вашего будущего мужа, что рассчитывать на супружескую

верность ему не следует, будущий муж не доставит вам неудобств». Рационально, да? Я ничего не могла доказать, я растерялась. И пошла к нему, рассказала все, как есть. Я надеялась, что мы вместе что-нибудь придумаем, но он кивнул и сказал, что изначально понимал, что не ровня мне. Он согласился быть вторым, сказал, что ради меня он готов на все.

– Солгал?

– Дед, без капли стеснения, прямо в доме, перед глазами бабушки, поселил двух любовниц.

– Прямо в доме? – настораживается Керт.

– Чтобы обезопасить себя и род от возможного предательства, дед сочетался с ними неполным брачным ритуалом.

– Тогда они не любовницы, а наложницы.

– Разве в нашей стране есть такой правовой статус?

– Нет, у нас нет. Многоступенчатый брачный ритуал в традиции наших далеких заморских соседей, а заморские корни в «пятерке», есть только у рода Миашар.

– Так и есть. До того, как я стала Авророй Майс, я была Авророй Миашар... Он сказал, что ради меня согласен на неполный брачный ритуал.

– Согласен стать наложником? То есть его целью было войти в твой род.

Я невесело усмехаюсь:

– Вот, ты сразу понял, а я уже верила, и очевидное прошло мимо меня. Его согласие меня опустошило. Я вернулась домой, уверенная, что ради меня он идет на грандиозную жертву. Как я могла это принять? А еще я видела какво моей бабушке наблюдать за изменами мужа и при этом хранить верность. Брачный ритуал никак не ограничил деда, а вот бабушку за измену магия убьет. Я взбунтовалась и сказала, что выйду только за любимого, сказала, что ради него готова покинуть род.

– И тебя отпустили?

– Ну... Дед был во мне разочарован, посчитал, что я больше не достойна носить фамилию Миашар. Он запечатал мой дар и вычеркнул из рода. В свете объявили, что я заболела и уехала поправлять здоровье на курорт. Возможно, дед ждал, что я вернусь. В отличие от меня, он видел намерения лорда ясно. Я же, окрыленная,

бросилась к нему. Но вместо предложения получила указание на дверь. Безродная леди в его глазах была бесполезна. Вернуться не позволила гордость, да и мысль о навязанном браке вызывала еще больше отвращения, чем раньше.

– Аврора, – Керт произносит мое имя медленно, звуки будто бусины перебирает. Это ведь первый раз, когда он произнес мое имя, да?

– Да?

– Как его зовут?

– М-м-м? Керт, почему мне кажется, что ты собираешься свернуть ему шею?

– Потому что он расстроил мою принцессу.

Приятно.

– Нет, Керт.

– Он все еще небезразличен тебе? Ты беспокоишься о нем?

– Не в этом дело. Где-то через год после нашего расставания его отца обвинили в контрабанде запрещенных зелий. Я не вникала в детали, узнала из газеты. Его отец, пользуясь привилегией прохода границ без таможенного досмотра личного багажа, завозил в страну «Лунную сладость». Молодой лорд был осужден как соучастник.

– Ах вот как. Да, я помню это дело. И понял, кто этот загадочный «он». Должен сказать, моя принцесса, за десять лет вы приобрели вкус, до этого у вас вкуса не было.

– Пф-ф!

Я смеюсь, и смех тает в окружающем мраке, вместе с ним тают и отголоски боли. Я окончательно отпустила прошлое.

Осторожно перебравшись к Керту, я ныряю к нему в объятия, и Керт целует меня в волосы, прижимает к себе:

– Все будет хорошо, моя принцесса.

– У-у-у, – вздыхает черт. Телячьи нежности ему не интересны, пока не касаются его.

Хмыкнув, я протягиваю руку и чешу чертенка за ухом. Черт моментально перебирается ко мне на колени и подставляет пузо.

Керт же снова берется за весла. Поток воды выносит нас в очередной коридор. Керт забирает правее. Светлячок взмывает выше, вспыхивает ярче, становится светло почти как днем, и я замечаю, что

светлячок завис у карниза, очень похожего на тот, с которого Керт снял нашу лодку.

– Мы под дворцом, – подтверждает мою догадку Керт.

Приплыли.

Глава 18

Я выбираюсь из лодки на сухую уступку и стараюсь не думать о том, что во дворце нас ждут, нетрудно ведь догадаться, что предпримет Керт. Похоже, он решил сделать ставку на тайные ходы...

Спрятав лодку на карниз, Керт подает мне руку и утягивает в боковой проход, а через десяток шагов сворачивает во вторую по счету нишу. Надавив на камень, Керт сдвигает плиту и открывает вертикальную шахту.

– У-у-у, – вздыхает черт.

Проход закрывается. Я оказываюсь вплотную прижата к стене. Керт мимолетно целует меня в макушку:

– Моя принцесс, ты не против домашнего имени?

Какого же?

Керт слышал, как дознаватель назвал меня Авой или нет? Если слышал, то, уверена, не повторит. Но как еще можно сократить Аврору?

– Рори, – выдыхает он мне в волосы.

– Мне нравится.

– Рори, давай, ты первая. Я буду подниматься сразу за тобой и подстрахую.

То есть обычной страховки не предусмотрено.

Нормальных ступенек нет, подниматься предстоит по вбитым в камень железным скобам. Керт придерживает меня за плечо и протягивает перчатки – удивительная продуманность и подготовленность.

Я довольно быстро поднимаюсь. Керт не отстает.

– Рори, спокойнее. Пара минут ничего не решит.

– Ага...

Керт прав, надо беречь силы, выдохнуться со старта – глупее не придумаешь.

Шахта оказывается длиннее, чем я ожидала. Или мне только кажется, что она бесконечная? Подниматься становится труднее.

– Рори, обопрись на меня и отдохни.

– Далеко еще?

– Нет. Керт, а почему именно шахта? Слишком уязвимо, как мне кажется. Если бежать из дворца, а у преследователей цель не захватить живым, а убить любой ценой, то им достаточно сбросить что-то тяжелое или, не знаю, той же водой залить.

– Для этого наверху есть несколько «крышек», шахта легко перекрывается и снаружи ее можно только взломать, а это время.

– Ясно.

Я продолжаю подниматься

В какой-то момент Керт встает на одну со мной скобу, протягивает руку поверх моей головы и упирается в потолок.

– Рори, приготовься накрыть нас щитом. Я не думаю, что кто-то мог найти этот ход, но на всякий случай.

– Поняла.

Камень отходит в сторону. Я напряженно замираю.

Чисто.

Мы выбираемся в пустой прямоугольный зал. Керт закрывает за нами люк. Не удержавшись, я присаживаюсь на корточки и провожу пальцами по плитам пола. Камни настолько плотно подогнаны друг к другу, что заподозрить ход невозможно. Не только первые короли заботились о своей безопасности.

Выпрямившись, киваю – я готова.

Керт в отличии от меня куда больше напряжен, настолько напряжен, что это уже заметно. Я беру его за руку:

– Ты сказал, что все будет хорошо.

– Да, прости.

– Ке-е-ер. Что тебя беспокоит?

Уж точно не возможная схватка с захватчиками.

– Я так и не смог ясно вспомнить, что происходило во дворце. Все обрывками, будто цельную картинку разбили и часть осколков смели, а часть оставили. Я помню, кто меня предал, помню, как открывал портал, помню как упал между контейнерами. А вот насколько серьезно ранили отца, я так и не смог вспомнить.

– Сообщений о смерти короля не было.

– Да.

– Все будет хорошо, мой принц, – я целую его в щеку.

– Ты простишь меня? Я обещал, что только поживу у тебя, пока не восстановлюсь, а в итоге втянул тебя в свои разборки.

Глупый.

– Керт, если я твоя принцесса, то это наши общие разборки, нет?

– Давай не будем продолжать. Что бы я ни ответил, получится лицемерно.

– Пф-ф! Ты слишком много думаешь, Керт. Идем наводить порядок. Между прочим, меня еще дети ждут.

Керт усмехается, я чувствую, что ему становится легче.

– Идем.

Я нехотя разжимаю пальцы – время. Керт понимающе улыбается и вдруг притягивает меня к себе, крепко сжимает и тотчас отпускает, отворачивается. Мне приходится догонять. Впрочем, Керт почти сразу подстраивается под удобный для меня темп.

Из зала мы попадаем в очередной коридор, который через десяток шагов разделяется на рукава. Керт поворачивает налево, и мы оказываемся на винтовой лестнице. Щербатые крутые ступеньки больше походят для какой-нибудь башни, чем для подземелья.

Поднимаемся мы молча. Керт то и дело замирает, прислушивается. Черт, тихо хрюкнув, перепрыгивает к нему на плечо и тоже начинает прислушиваться.

Тайные ходы оплели едва ли не в весь дворец, однако в лабиринте коридоров Керт ни разу не сбивается, выбирает маршрут безошибочно. Чем дальше мы идем, тем больше дворец потрясает. Здание, со стороны казавшееся, довольно примитивным, на деле оказалось настоящей шкатулкой секретов. У нас дома тайные ходы, естественно, тоже были. Мне доверили знание о двух. Хм...

По ощущениям идем мы довольно долго.

За стеной раздаются приглушенные голоса, слов не разобрать. Керт говорящих игнорирует, но, оглянувшись на меня, прибавляет шаг.

Мы проходим очередной коридор, попадаем в гораздо более тесный.

– Еще немного, и кто-то обязательно обратится в Великим столпам. Его величество, безусловно, мудр, но, как мне кажется, никто не в состоянии понять, почему сир упорно отказывается назначить регента.

Великие столпы – это «пятерка». По просьбе Совета лордов, главы пяти великих родом могут выбрать нового короля.

Керт зло прищуривается и решительно приоткрывает заслонку. Хах, мои соболезнования болтуну. Натрепал себе конец карьеры и опалу.

— Как прав был мой прадед.

— Что вы имеете в виду, лорд?

— Регалии должны оставаться символами власти. Ничего плохого, если корона будет защитным артефактом, но что мы имеем сейчас?

Надо признать, что по-своему говорящий прав. Совет лордов без королевской печати парализован, а из-за магии использовать ее, не считая самого короля, может только регент, одобренный его величеством, или законный наследник. Проблема не в самой печати, уж заменить ее на аналог не трудно, проблема куда глубже. До меня только сейчас начинает доходить, какую грандиозную аферу провернули короли нынешней династии прямо под носом у «пятерки», а возомнившие себя хозяевами главы древних родов спохватились слишком поздно.

Если я правильно поняла, сегодня вся система управления завязана на магию. Достаточно вспомнить те же амулеты в сбруе лошадей стражников. Убрать регалии, и схлопнется абсолютно все. Думаю, именно поэтому король жив – с его смертью Керт, где бы он ни был, получит если не саму корону, то, как минимум, ее теневого двойника, а это нити контроля и власть.

— Полагаю, откладывая некуда, надо обращаться к великим столпам.

— Мятежный принц до сих пор не схвачен. Неужели успел уйти за границу?

Голоса постепенно стихают, неспешно беседующие лорды удаляются, но я все же успеваю расслышать ответ:

— Лично я верю, что справедливость восторжествует, и преступник будет казнен, очень скоро мы увидим, как принц будет обезглавлен.

И это высшие аристократы?

Формально у нас пирамида: наверху король, трон опирается на Великие столпы, которых Керт без капли пиетета зовет «пятеркой», высшие аристократы, входящие в Совет лордов, затем просто аристократы, официальной градации нет, а не официально – по степени влияния и богатству.

Я ожидала от придворных большего ума. Не заподозрить подставы? Черт с ней, с подставой. Суда на Кертом не было, а они смеют открыто вслух мечтать о его обезглавливании. Господам пора в отставку, а будь моя воля – языки бы я им укоротила, все равно за столько лет пользоваться не научились.

Керт закрывает заслонку, жестом показывает идти за ним, а по ту сторону стены снова шаги. У меня складывается впечатление, что лорды расходятся после... заседания Совета? Поразительно, что в атмосфере дворца не чувствуется напряжения, а к раненому королю относятся как досадной помехе. То-то Керт на глазах звереет. Не удивлюсь, если в историю он войдет кровавым тираном.

Мы идем, никуда не сворачивая. За стеной тихо, но Керт вдруг срывается чуть ли не на бег и также резко останавливается. Я не могу понять, на что он так остро отреагировал. Керт сдвигает заслонку, но в помещении за стеной тихо. Керт же не просто прислушивается, а прикидывает с смотровому окошку.

Я подхожу ближе, замираю рядом.

Керт стоит замерев долгие пару минут. И смотреть на него страшно. У него такое выражение лица становится, как будто он прямо сейчас будет убивать. Я касаюсь его локтя. Керт вздрагивает, оборачивается. Мы встречаемся взглядами, и Керт с заметным трудом выдавливает кривую ухмылку, больше похожую на оскал, чем на улыбку. И предлагает мне взглянуть.

Из смотрового окошка открывается вид. на королевскую спальню.

Его величество лежит в постели. В том, что это король, а не двойник, я не сомневаюсь – Керт отца признал. Король лежит безвольной неподвижной куклой, глаза закрыты. Если бы не редкие глубокие вдохи, я бы решила, что вижу мертвеца.

Рядом с постелью на драпированном бордовым бархатом возвышении лежат регалии: корона, печать и скипетр.

Обычно караульные остаются за дверью и охраняют вход снаружи, но сейчас четверо гвардейцев прямо в спальне. В кресле, вольготно развалившись, сидит девушка в темном брючном костюме. По ее одежде не понять, кто она. Уж точно не целитель. Возможно, она боевой маг? Меня напрягает ее поза. Даже мертвый, король есть король. Сидеть при его величестве в столь развязной позе – это что-то противоестественное. Получается, все собравшиеся в спальне враги.

Считая целителя. Мужчина лениво листает страницы толстого фолианта, неподалеку от него теснятся флакончики с неизвестным содержимым.

Лирику в сторону. Расклад: против нас шестеро.

– Они успеют поднять шум, – делюсь я своими опасениями.

– Шум в любом случае будет. Мы вернем дворец, Рори.

Полагаю защита на дворце лучшая из лучших. Вопрос только в том, сможет ли Керт ею управлять, все же он принц, а не король, неизвестно, как сильно его возможности ограничены.

И почему король не воспользовался дворцовой защитой против заговорщиков?

Из-за двери раздается бодрый голос:

– Лорд Верисан прибыл!

Канцлер?

Получается, кроме четверки гвардейцев внутри, есть еще охрана снаружи? Надо учесть, что они ворвутся сразу, как заподозрят неладное.

– Значит, Верисан, – выдыхает Керт.

Лорда впускают, двери тотчас закрывают, а он по-хозяйски окидывает спальню взглядом:

– Как он? – кивает он в сторону короля.

Целитель откладывает фолиант и пожимает плечами:

– Плохо. Боюсь, если мы продолжим давать ему яд, сердце не выдержит, он хоть и крепкий, но уже не мальчик.

– Придумай что-нибудь. Ганц, мне нужно больше времени. Принц снова ушел.

Голос подает девушка:

– Почему бы не отправить за ним призрачную гончую? Как говорится, лучше поздно, чем никогда.

У меня внутри все холодеет.

Призрачные гончие – абсолютное табу. Они чувствуют назначенную призывателем жертву на любом расстоянии и двигаются к ней по кратчайшей прямой. Сохранились документальные записи о гончей, пересекшей океан и половину континента. Гончая идеальный палач, но цена... На своем пути гончая убивает все живое. Если захватчики действительно ее призовут, будут десятки, а то и сотни тысяч жертв.

Я относительно спокойно воспринимаю грязную борьбу за власть, но то, что они собираются сделать, истинное зло.

– Да, ты права, следовало спустить гончую сразу, как мы поняли, что принц выжил. Кто же знал, что он будет таким прытким? Действуй.

Девушка расплывается в счастливой улыбке. Да она ненормальная! Соскочив с кресла, она рывком откидывает угол ковра, выхватывает из кармана мелок и очерчивает на полу круг.

Хах, дожидаться, когда лорд уйдет, не получится. На счету каждая секунда – нельзя позволить девушке завершить призыв. Керт это понимает лучше меня, даже мгновения на подготовку не тратит, распахивает потайную дверцу, сходу бьет магией, но девушка неожиданно проворно закрывается щитом, не прекращая выводить символы.

Я бью в гвардейцев. Хотя какие они гвардейцы? Наверняка подставные.

Первого мне удастся свалить – на него приходится самый сильный удар. Второй падает, но тотчас перекачивается и ныряет за софу. Еще двое успевают вскинуть зажатые в пальцах амулеты, и мой удар поглощает вспыхнувшее сияние. Оттенок мне не знаком, амулет явно не государственного образца.

– Ум, – раздается из-за спинки софы. Для меня это знак.

Не знаю, что черт сделал, лже-гвардеец на миг появляется в поле зрения, и этого хватает, удар приходится точно в цель.

Из четырех противников у меня остаются двое. Я слишком долго их игнорировала. Они слаженно наносят сдвоенный удар, прорывают щит. Я запоздало дергаюсь в сторону, магия цепляет по касательной, и даже этой крохи хватает. Не успею я уклониться – это конец.

Пол, потолок, стены – перед глазами круговерть и боль в спине.

– Рори!

Эй, нельзя ему на меня отвлекаться!

– Да, – жива.

Я рефлекторно закутываюсь в щит и, как недавно лже-гвардеец, перекачиваюсь, только если в его исполнении это было ловко, то в моем – копошение тюленихи. Память самым неожиданным образом подкидывает картинку из детской энциклопедии о северных странах.

Увернуться получается, меня обдаёт брызгами осколков погибшей напольной вазы. В голове шумит. Прикусив изнутри щеку, я легкой болью заставляю себя сконцентрироваться.

Все плохо.

Канцлер выскочил за дверь, а к нам снаружи прорвались двое гвардейцев. Керт обоих то ли убил, то отправил в беспамятство. Одного моего противника тоже убрал. Мне остается ударить по последнему. Магия срывается с пальцев, одновременно черт хвостом хлестко бьет последнего из лже-гвардейцев по руке из-за плеча, амулет падает, щит гаснет, и мой удар приходится куда надо.

Отвлекшись на меня, Керт меня спас, но моя жизнь дорого ему обходится.

Девушка все еще удерживает щит, она завершает не только рисунок, но и сам призыв. Края круга обволакивает серый дымок, стремительно стекающий к центру, и из дыма сплетается силуэт четвероногой твари, подвижной и текучей, будто ртуть. С собакой у нее мало общего.

Тварь обретает четкие контуры. Вместо глаз у нее пустые провалы, что не мешает ей уставиться на призывательницу, а миг спустя гончая бросается к границе круга. И замирает она четко напротив Керта.

Случайных жертв не будет...

Призывательница медлит. В сером дыму проступают самые настоящие когти, и тварь принимается царапать пол. Круг ее сдерживает, но надолго его не хватит.

— Принц, я могла бы ее изгнать обратно, — предлагает призывательница самым доброжелательным тоном. — А еще я могу подсказать, какой яд был использован.

Не верю. Я хорошо запомнила с каким восторгом она ринулась рисовать круг.

Тварь чуть смешается, хотя Керт стоит на месте.

— Жертва не ты! — выкрикиваю я.

На кого она нацелилась? Да какая разница! Призывательница стопой стирает меловую линию.

Гончая будто выпущенная стрела, прыгает вперед. Черт с отчаянным визгом обрушивается ей на холку. Керт ее стреножит,

накидывает на морду магическую петлю. Гончая слишком сильна, пути трещат.

Я краем глаза замечаю, как целитель бросается к все еще открытому тайному ходу. Вряд ли он сумеет найти дорогу, скорее погибнет в лабиринте от жажды и голода, но это не повод его отпускать. Особенно его – кто еще знает, чем травили его величество?

Сил я изрядно потратила, но плох тот маг, кто полагается только на магию. Ухватив уцелевшую вазу, я прицельно ее швыряю. Увы, ваза безвредно соскальзывает по щиту, но даже этого хватает, чтобы замедлить целителя. Я подхватываю пуфик, бросаю, целясь по ногам. С более тяжелой вещью магия не справляется, целитель валится на пол. Я прыгаю сверху, и прямым прикосновением вешаю на него сонные чары.

Поле боя за нами?

Лже-гвардейцы в минусе, целитель – в минусе, канцлер сбежал, тоже в минусе. Керт сдерживает гончую, черт, сидя у нее на загривке, делает что-то непонятное – поднимаются струйки дыма, а гончая становится светлее.

Однако. Я читала, что от гончих избавиться невозможно, только задержать, причем ненадолго, потому что гончая поглощает магию и в конце концов обращает против мага его же силу. Но черт не человек, в том смысле, что он дух, и хотя черти обладают материальностью, они вполне способны перейти на тонкий план.

А где призывательница?! Я верчу головой.

Король?

Король лежит, глаза закрыты. Не похоже, что короткий бой его хоть как-то потревожил. Дыхание тяжелое...

– Где она?

Керт ориентируется гораздо лучше меня, уверена, он видел, куда она делать.

– Сбежала.

– То есть прямо сейчас она может призывать вторую гончую?!

Керт не отвечает, так что становится очевидно – да, может. И мы никак не можем ее помешать. Если только не.

Ругнувшись, я выскакиваю из спальни. О том, что снаружи меня могут ждать гвардейцы, я благополучно забываю. К счастью, меня

ждут не они. Призывательница сидит на полу и лихорадочно наносит на пол меловой рисунок.

– Остановись, – приказываю я.

За призыв гончей приговор суда будет однозначный – смертная казнь.

Девушка это понимает, не может не понимать. Она закрывается магическим щитом. К счастью, магия против грубой силы играет далеко не всегда, и уж точно примитивный щит бесполезен против пинка.

Она валится на пол, своей же одеждой стирает часть символов.

Теперь усыпить как целителя.

Призывательница с гортанным криком выхватывает нож. Режущая часть вытесана из камня. Ее оружие имеет мало общего с настоящим ножом. Это не столько оружие, сколько ритуальный предмет.

Я, наконец, понимаю, кто передо мной – шепчущая. Ее искусство ближе к шаманству, чем к магии. За свое могущество девушка платит разумом. Такая молодая, а уже безумная, ее жажда убийства, жажда крови – это жажда запертых в ее кинжале призраков.

Она не пытается ранить меня, они бьет острием в пол. Хрупкий камень раскалывается, разлетается крошечками, и из рукояти вырываются... клубы мрака, стремительно заполняющие покои.

Я успеваю шарахнуться, и туча обрушивается на хохочущую призывательницу. Миг, и смех обрывается, в черной туче нарастают громopodobные раскаты, чем-то неуловимо напоминающие оборвавшийся смех, будто туча впитала его.

Чернота приходит в движение, туча вытягивается, обретает человекоподобный силуэт. Рокот стихает, и из недр тучи раздается голос:

Я сделала! Я сделала это! Я вознеслась!

Да нет, дорогуша, ты не вознеслась, ты всего лишь сама стала призраком. Сильным. Но временно, причем счет идет максимум на часы.

Впрочем, от знания, что к вечеру сумасшедшая призывательница бесследно развеется, мне не легче. Я замираю у стены, смутно представляя, что предпринять. Я уверена, я не ее цель. Зачем девушка присоединилась к канцлеру? Он ее чем-то зацепил, чем-то личным. Деньгами приблизившегося к грани шепчущего не заманить.

Попробовать разговаривать? Малодушную мысль, что пусть идет и творит, что хочет, лишь бы от нас с Кертом подальше, я давлую в зародыше. Как без пяти минут принцесса, я не имею права отступать.

– Поздравляю, – я скрещиваю руки на груди. – Я думала, вознесение – сказка или дается лишь лучшим из лучших.

Черная туча разворачивается ко мне. Клубы тьмы, из которой она соткана, медленно перетекают, отчего силуэт уродливо ломается: то вздыбится опухоль на плече, то рука истончится в запястье, а пальцы наоборот раздуются. Словом, в зеркало бывшей призывательнице лучше не смотреться.

– Я лучшая, – горячо заверяет она меня. – Я самая талантливая из учениц мастера!

– Двадцать лет усердной учебы, это восхищает.

Неожиданно, но призывательница легко ведется. Я чуть ли не откровенно ей зубы заговариваю, а она воспринимает лесть всерьез.

– Двадцать? – туча сотрясается и рокотом. – Я справилась в три раза быстрее!

Ого.

В смысле, двадцать я назвала наугад. Из того, что я знаю, шепчущие впадают в безумие приблизительно через десять-пятнадцать лет работы. Свихнуться можно хоть за год, хоть за день. Сроки вторичны, первично – сколько дряни пропускает через себя шепчущий. Призраки не возникают без причины. Предательство, насильственная мучительная смерть, незаконченное дело – и все это шепчущие собирают, пропускают через себя.

Назвав двадцать лет, я дала призывательнице шанс похвастаться, и она его не упустила.

– Честно говоря, трудно поверить. Нет, я не подозреваю тебя в обмане, наоборот, я уверена, что ты сказала правду, и от этого еще более невероятно. Вероятно, такие как ты рождаются раз в сотню лет, а то и реже.

Призывательница оглядывается. Похоже, я ее недооценила и перестаралась, моя лесть ей больше не интересна.

– Хах, – вздыхает она с легко уловимым раздражением.

Рискнуть?

– Особенно удивительно, что такой талант оказался рядом с канцлером.

Туча не просто вздрагивает, она содрогается, в миг теряет четкие очертания и бесформенной массой растекается по гостинной.

– Этот никчемный трус?!

– Мне он тоже не нравится, и насчет трусости согласна. Он единственный сбежал, бросив всех.

Туча успокаивается, по крайней мере, она съеживается до прежних размеров и вновь обретает очертания человека.

– Он возомнил, что может стать королем! А станет мальчиком на побегушках у Столпов. Откуда она знает истинный расклад сил?

У меня вторая ошибка подряд – плохо. Я снова ее недооценила, я сочла, что она человек канцлера, а она от «пятерки».

– Да уж.

– Не станет, – тотчас противоречит она себе. – Он умрет. Все умрут.

Она раскидывает руки, заходится в безумном хохоте, и чернильная ночь затопляет гостиную.

Интерлюдия 4

Керт

Я удерживаю гончую на месте. Когти взрывают паркет, скребут каменную плиту.

Гончая впитывает магию и с каждым мгновением становится сильнее. Становилась бы, если бы не черт. Почему маги до сих пор не додумались до столь очевидного решения? С призрачной гончей может справиться другой призрак или дух. Наш с Авророй черт не смог бы, он еще маленький. Взрослый черт? Не уверен...

Зато в связке маг-черт результат потрясающий. Черт ранит гончую быстрее, чем она успевает восстановиться за счет моей силы, а она ему вреда причинить не способна, благодаря тому, что я ее держу. Надо будет обязательно приказать Академии магии начать исследования в этом направлении.

Гончая мельчает, слабеет, пока не превращается лишь в тень самой себя. На миг она показывается обычным призраком. Последний взмах, черт развеивает ее.

Сколько времени это заняло? Четверть часа или около того.

Гвардейцы лежат, целитель лежит. Канцлер ушел, но его побег меня меньше всего заботит. Так и быть, пару часов пусть наслаждается свободой и бежит так далеко, как сможет, все равно не уйдет. Я уверен – он не больше, чем инструмент в чужих руках.

Призывательница... натворит дел. Ее не следовало отпускать живой. Мой промах, и то, что я всеми силами удерживал гончую не оправдание.

– Рори, я. Рори?!

Черт, куда Аврора пропала?! Я видел, она хорошо справлялась. Я расслабился, когда опасность ушла. Аврора держалась за моей спиной. В спальне ее нет. Она вернулась в тайный ход? Но Аврора не стала бы уходить далеко.

Почему она не отзывается?!

– Моя принцесса?

Я бросаюсь к ходу, заглядываю. Никого.

– Ум?

– Где она? Где Аврора?

Черт в два прыжка пересекает спальню и шлепает лапой по двери.

Я дурак... Аврора сделала то же, что сделал бы я – она побежала за призывательницей. Небеса, хоть бы Аврора не успела, пожалуйста.

Черт вдруг с визгом отскакивает от двери, опрометью улепетывает.

Я распахиваю дверь.

Я ослеп? Впереди не просто темно, черно. Отшатнувшись, я бросаю взгляд в сторону, убеждаюсь, что зрение со мной. Тьма. Не может быть! Это призраки? Точнее, концентрация боли и мучений без следа личности. Чернота медленно затекает в спальню. Я отступаю еще на шаг.

Аврора догнала призывательницу, и они там, во тьме. Аврора, только выживи. Я не представляю, что маг может противопоставить призраку. С призраками работают жрецы. Я же.

Вернуться, схватить с пьедестала скипетр и направить на наползающий мрак – умом я понимаю, что с мига, как я распахнул дверь, проходят доли мгновения, но кажется, что уходит вечность, что я непозволительно медлю.

Я сжимаю скипетр до боли в пальцах. Я наследник, но не король, и артефакт не хочет меня признавать, я буквально продавливаю свою волю. Навершие ослепительно вспыхивает. Я теряюсь в белизне. Вперед иду по памяти, пока не врезаюсь плечом в проем.

– Рори? Моя принцесса?

Я никак не могу проморгаться. Рори все еще не отвечает.

– Черт!

Он же цел? Плохо, если его тоже зацепило.

– К-керт?

Я оборачиваюсь. Я по-прежнему не могу видеть.

Голос... Я безумно счастлив его слышать. Папа пришел в сознание и, пусть тихо, запинаясь, с трудом, но смог заговорить. И одновременно я безумно разочарован, что голос не принадлежит Авроре.

– Леди?

Ответа нет.

– К-ке.

Черт!

Наверное, я не смог бы выбрать между отцом и любимой, но сейчас выбора как такового нет. Слепо шарить по гостинной бесполезно и даже опасно, мало ли, что я зацеплю. Тот же круг далеко не всегда можно тронуть без последствий, а я понятия не имею, что на память о себе оставила призывательница. Ориентируясь на голос и память, я возвращаюсь в спальню.

Споткнувшись о чье-то тело, я едва не падаю. Как же я ненавижу беспомощность.

Так, целитель валялся в стороне, ближе к тайному ходу, значит, я прошелся по гвардейцу. Надо разобраться, почему он без уставного амулета, но это позже, гораздо позже.

— Папа, я здесь.

Я налетаю коленом на угол кровати, чуть смещаюсь.

— Ты.

— Я в порядке, — поспешно отвечаю я.

Лгу.

Мне давно нужен лекарь, а еще нет ни малейших признаков, что зрение восстанавливается. Перед глазами сплошное белое полотно, словно скипетр так и продолжает сиять, но я чувствую, что это не так. Артефакт погас.

Я нащупываю пьедестал, лежащую на бархате корону и протягиваю ее папе. Регалии помимо прочего являются мощнейшими целительными артефактами. Хотя я использовал скипетр против призраков, магия коснулась отца, и этого оказалось достаточно, чтобы он очнулся. Корона же подействует еще лучше. Жаль, что она действует только на королей, мне бы не помешало.

— Керт? Мне руки не поднять. Я очень жалок, да?

— Это яд, пап. Ты очень сильный.

Из нас двоих жалкий я.

— Что с тобой, Керт? — все же заметил? Хах, как будто могло быть иначе.

— Временная потеря зрения, — спокойно отвечаю я, хотя ни капли уверенности не испытываю. Не исключено, что я выжег себе глаза. Не то что бы меня сейчас это всерьез волновало... Если это могло помочь Авроре, то я бы снова действовал точно также, невзирая на цену.

Единственное, что меня по-настоящему пугает — пока я слеп, я бесполезен для окружающих. Я бесполезен для Авроры.

Единственный мой шанс сделать сейчас для нее хоть что-то – это помочь папе подняться на ноги. Я могу быть его руками, а он – моими глазами.

Я упираюсь коленом в край кровати, дотрагиваюсь до подушки и веду по шелковой поверхности пальцами, пока не попадают волосы. Я опускаю корону папе на голову, сажусь рядом.

Глаза все еще отказываются видеть.

– Керт, почему ты один?

– У-у-ум?

О, живой. Какое облегчение.

– Я не один, пап. Ты лучше скажи, насколько плохо ты себя чувствуешь, – знаю, жестоко, но. – Ты сможешь встать?

– Керт?

– Пап, прости, но дворец под контролем захватчиков, а я официально обвинен в покушении на тебя... – жестом я подзываю черта, на ощупь провожу по его спине, мимоходом чешу за ухом и шепотом, чтобы отца лишний раз не отвлекать, прошу. – Найди Аврору.

– У-ум!

Я ощущаю толчок – черт спрыгивает с колен. На душе становится капельку легче.

– Керт, это же?..

Как непривычно без глаз, я почему-то решил, что папа черта не заметит. Кажется, я не только зрения лишился, но и мозгов.

– Это любимец моей невесты.

– Ха?!

Я невольно улыбаюсь.

– Пап, давай об этом позже?

– Разумеется. Керт, – папа в миг становится собранным, в тон возвращается былая властность. – Я назначаю тебя регентом. Сын, мне жаль, что я тебя подвожу, но в ближайшие сутки от меня помощи не жди.

Скипетр, который я так и продолжаю сжимать, перестает сопротивляться. Напряжение магии, которое я чувствовал просто держа его, исчезает.

– Пап, не волнуйся, я справлюсь, – куда я денусь, когда меня Аврора ждет? – Ты можешь посоветовать, кому еще можно доверять?

– Себе, Керт. Сейчас ты можешь доверять только себе.

Я молчу. А что сказать? Корона не сработала так, как я надеялся. Успокаивает, что по крайней мере папа встанет на ноги.

Почему черт молчит? Он не нашел Аврору?

Дверь с грохотом ударяется в стену, и грохот тонет в топоте.

Канцлер прислал отряд гвардейцев. Я вскакиваю, разворачиваюсь лицом к угрозе. Как плохо не видеть. Простыня все еще перед глазами. Скипетр отзывается теплотой. Папа не на словах назначил меня регентом, он отдал приказ через корону.

Если ворвались настоящие гвардейцы, я их остановлю.

– За короля!

– Спасите короля!

– Убийцу, остановите убийцу! Мятежный принц здесь!

Хорошая идея. Если бы я не получил права регента, вероятно, канцлер смог бы убедить гвардейцев снять амулеты, и против толпы отборных бойцов я бы не выстоял.

Они заметили Аврору или черта? О них не говорят.

– Он убил наших братьев!

А вот это плохо, в том смысле, что к долгу перед короной примешивается личное.

Отец опережает меня на долю секунды:

– Что здесь происходит? – корона усиливает голос, и получается очень внушительно. Топот стихает, будто гвардейцы на невидимую стену налетели. Папа использовал магию?

– В-ваше величество? Вы очнулись!

Раздаются одиночные шаги. Вероятно, кто-то выходит вперед.

– Ваше величество, капитан второго гвардейского отряда прибыл по приказу канцлера для защиты вашей жизни и ареста мятежника!

– Мятежника? – папин голос слабеет, напряжение далось ему тяжело.

А я вместо того, чтобы защитить его сам нуждаюсь в защите.

– Ваше величество, свидетели покушения на вас единогласно показывают на наследного принца. Сожалею. Докладываю, в кратчайшие сроки было проведено расследование, и на суде, возглавленным канцлером лично, его высочество был признан виновным и приговорен.

– К обезглавливанию? – усмехаюсь я.

— Так точно, ва...

Капитан запинается и растерянно замолкает.

А канцлер неприятно удивляет. Осудить меня заочно он мог только с единогласной поддержкой Совета. Это не значит, что всю верхушку следует записать в предатели, отнюдь. Достаточно погнать из Совета за скудоумие. После разбирательства, разумеется. Пусть объясняют, к чему такая спешка. Если бы я и вправду поднял мятеж, ареста было бы достаточно.

— Ваше высочество! — новый голос более звонче, моложе, — Прошу сдаться и проследовать за нами.

Умник. Заместитель капитана, полагаю?

— Боюсь, солдат, вы не в праве просить меня сдаться.

— До моего выздоровления его высочество назначается регентом.

По подозрению в покушении приказываю арестовать канцлера.

Капитан молчит, зато звонкий открывает рот не по статусу:

— Ваше величество, но все видели.

— Все? — перебивает отец с нескрываемой насмешкой.

— Ваше величество, вы были серьезно ранены. Более того, против вас была применена ментальная магия. Вполне очевидно, что воспоминания о минутах, предшествующих покушению, могут быть путанными, недостоверными. Поверить в предательство близких всегда трудно, но доказательства вины его высочества неопровержимы.

Вот и еще один кандидат на обезглавливание. Должно быть, я сейчас очень неприятно улыбаюсь:

— С каких пор солдатам позволено совмещать службу с судейской должностью?

— Ваше величество, — заговорил капитан, — с вашего позволения, приказываю арестовать своего заместителя. До выяснения обстоятельств.

— Действуйте.

Я слышу, как отец тяжело вздыхает.

Спасибо, папа, ты мне помог.

Проблема в том, что я не уверен, можно ли доверять капитану. Арест отчаянного заместителя—дурака ничего не значит.

Внезапно скипетр из теплого становится горячим, а с следующий миг белую пелену будто разрывает. Я снова вижу.

Глава 19

В себя меня приводит крайне неприятное ощущение – кто-то с энтузиазмом слюнявит мне лицо. Открыв глаза, я обнаруживаю перед собой пороссячий пятак, черные глазки-бусинки и длинный лоскут мокрого языка.

– У-у-у, – чертик радостно подпрыгивает у меня на груди и снова тянется лобзаться.

Бр-р, если честно.

Но не расстраивать же ребенка.

В теле слабость, но сил, чтобы почесать чертенка за ухом хватает:

– Что произошло?

– Ум.

Нашла, кого спрашивать, хах. Но раз черт спокоен, значить, бояться нечего. Приподнявшись на локте, я осматриваюсь. Падала я у стены, а сейчас с удобством лежу на диване, под головой подушка, а на ногах небрежно наброшено декоративное покрывало.

Я в гостинной.

От призывательницы не осталось и клочка, круг не просто поврежден, а наполовину уничтожен, чтобы им точно нельзя было воспользоваться снова.

Спустив ноги, я аккуратно сажусь, переживаю короткое головокружение.

Где Керт?!

Вероятно, на диван меня устроил либо он сам, либо по его приказу.

– Леди, моя почтение.

Я поворачиваю голову. В дверном проеме, ведущем в королевскую спальню стоит носатый мужчина в жемчужно-серой мантии, наброшенной поверх модного костюма-тройки.

– Здравствуйте, лорд.

– Леди, позвольте представиться. Я придворный целитель Теренс Ланс. Как вы себя чувствуете, леди? Я бы рекомендовал вам прилечь, не стоит торопиться вставать. По-хорошему, я бы прописал вам

постельный режим на пару дней, а затем отправил на целебные источники высыпаться, хорошо питаться и много гулять на природе.

Ложиться я, естественно, не спешу, пересаживаю чертенка на плечо, встаю.

В этот раз от резкой смены положения голова не кружится, и я принимаю это за добрый знак.

– А по-плохому? – спрашиваю я целителя.

– Мне приказано о вас позаботиться, леди. Признаться, я в затруднительном положении. Приказ его высочества и мой долг лекаря противоречат долгу верноподданного.

Намек понятен.

– Лорд Ланс, вы не подскажете, где я могу найти его высочество?

– Полагаю, в тюрьме?

– Что?!

Как это может быть?

Целитель вскидывает ладони:

– Леди, я не так выразился, прошу прощения. Его высочество арестовал нескольких подозреваемых в попытке государственного переворота и, насколько мне известно, лично спустился в тюрьму.

– Ага...

Хорошо, а то я уже успела всяких ужасов понапридумывать.

– Леди, его высочеству очень не хватает людей, на которых он сейчас может опереться.

Я смогу свободно пройти по дворцу? Я смутно представляю, как искать Керта.

За спиной целителя появляется гвардеец:

– Леди очнулась? Как ваше самочувствие, леди?

– Спасибо за заботу, я в порядке.

Странно, что гвардеец проявляет подобного рода интерес, но у меня нет причин отказываться отвечать, да и лекарь выглядит спокойным. Вероятно, гвардейца одобрил Керт.

– В таком случае, леди, его величество приглашает вас на аудиенцию.

Эм?

– У-у-у... – вторит моим мыслям черт.

А у меня на языке вертится вопрос – какого черта?!

Хм, неужели Керт успел уже сообщить королю о своем намерении жениться на мне. На месте его величества я бы тоже забеспокоилась.

Да, конечно.

Неодобрительно качнув головой, лекарь отступает.

– Леди, как вас представить? – уточняет гвардеец.

– Аврора Майс.

В свете я появлялась хоть и недолго, но довольно часто. Король меня узнает? Если да, то из неподходящей невесты я разом превращусь в неприемлемую, хах. Как не вовремя...

Гвардеец громко докладывает обо мне, я запоздало пытаюсь поправить одежду, одергиваю перекосившуюся рубашку. Видок у меня вообще не для аудиенции. Начать с того, что я в мужской рубашке. Мне бы хоть умыться, но предстать перед королем придется, придется как есть. Я расправляю плечи, поднимаю голову. Одежда красит человека – это правда, но и обратное тоже верно. Даже в рубище можно произвести достойное впечатление, если держаться с гордостью и уверенностью. Меня учили. Гвардеец отступает с прохода, разворачивается полубоком и жестом приглашает меня войти.

Черт отказывается слезать, наоборот, крепче обнимает за шею, и я бросаю попытки оставить его в гостиной и делаю вперед три шага. К постели его величества лучше не приближаться.

Король бледен, глаза полуприкрыты, словно ему тяжело держать их открытыми. Он не лежит, а сидит, опираясь на подушки, и что-то мне подсказывает, что стоит их убрать, он беспомощно завалится на спину. Во что король одет толком не понять. Белая рубашка? Король по плечи скрыт толстым одеялом. На голове корона. Я бросаю взгляд на возвышение, где, когда мы с Кертом пришли, лежали регалии. Скипетр и печать исчезли. Регент, если он королевской крови, в праве их использовать, все, кроме короны.

– Ваше величество, приветствую вас. Аврора Майс к вашим услугам.

Обычно леди исполняют реверанс, но я в брюках, поэтому я низко кланяюсь.

– Леди, подойдите.

Я выпрямляюсь и послушно делаю еще несколько шагов.

– Ваше величество.

– Какая неожиданность, леди Миашар.

Узнал с первого взгляда. Наш король хорош.

– Майс, ваше величество. Уже почти десять лет, как я разорвала отношения с семьей.

– Хм? Леди, вы сами-то верите в то, что говорите? Когда это род Миашар отпускал своих детей? Если вам подарили иллюзию свободы, это не значит, что для вас больше нет рамок и границ.

– Вы, безусловно, правы, ваше величество.

Но Керт решил бросить вызов моей родне. Хотя я по-прежнему считаю, что не стоит обострять отношения с «пятеркой», я не могу не признать, что столкновение неизбежно. Возможно, Керт прав, действуя на опережение.

– Мой сын заочно представил вас мне, как свою невесту.

Не понимаю...

Прямо сейчас Керту нужны те, на кого он может свалить часть поручений, особенно на меня, ведь я уже доказала свою преданность. Зачем меня задерживать? Ведь пока беседа ни о чем, ничего срочного.

– Его высочество сделал мне предложение.

– Леди, я слышу в ваших словах неуверенность

– Сир, я всего лишь полагаю, что сейчас не самое подходящее время для решения брачных вопросов. Важнее, чтобы сейчас вы и его высочество сохранили жизни и сохранили власть.

– Леди Аврора, почему вы идете против своей семьи?

Я задумываюсь лишь на короткое мгновение и отрицательно качаю головой:

– Ваше величество, я никогда не шла против своей семьи и сейчас не иду. Я делаю то, что считаю правильным. А правильный поступок в моем представлении – предотвратить смуту.

– Хм? Разве для леди из рода Миашар смена династии ни что-то обыденное, не заслуживающее внимания?

– Сир, я внимательно читала исторические хроники, и если записи хоть сколько-то правдивы, я с уверенностью могу сказать, что перевороты происходили по разным причинам, и несколько из них не только прошли безболезненно, но и принесли очевидную пользу, избавив страну от королей-самодуров, правление которых вело страну к неизбежному краху. Но были и другие перевороты. «Пятерка» с кровью вырывала династии, угрожавшие их исключительному положению. Сир, вы хороший правитель, и его высочество, уверена,

будет не хуже. Переворот ввергнет страну в хаос, и это, что я не могу поддержать, ни как ваша подданная, ни как дочь рода Миашар, чувствующая ответственность за эту страну.

Король устало закрывает глаза. Он слишком слаб для длительных бесед.

Я осторожно кошусь в сторону. Было бы прекрасно, если бы он меня «выгнал». Уйти без разрешения его величества слишком грубо. Но целитель не спешит мне на помощь.

Я уже собираюсь самовольно попрощаться. В конце концов «с вашего позволения, сир» фраза достаточно извиняющая в нашей ситуации.

– Леди Миашар, ради правильного выбора вы готовы похоронить свой род?

Что это за вопрос такой? Он... бессмысленный.

Король явно проверяет мою реакцию.

– Ваше величество, я слишком незначительная фигура, чтобы от моего выбора зависело благополучие рода, к тому же я уверена, что худшее, что может грозить моей семье – это бегство из страны.

– Я услышал вас, леди.

И снова повисает молчание. Для меня – тягостное.

Идею самовольного ухода я отбрасываю как вредную. Явно, что король не настроен отпускать меня к Керту, а значит придется стоять и демонстрировать выдержку. Ничего трудного, мне доводилось стоять перед главой семьи, занятого чтением и демонстративно меня игнорирующего – часть обучения. Но сейчас я нужна Керту. А вдруг король именно это и хочет увидеть – как я бросаю ему вызов ради Керта?

Как сложно... Вариант может быть любым, я слишком мало знаю о короле, чтоб принять верное решение.

– У-ум, – подпрыгивает на моем плече черт.

– Так и знал, – почти одновременно раздается голос Керта.

Обернувшись, я чувствую, как невольно расплываюсь в улыбке. Керт жив, цел и на первый взгляд не пострадал.

Он едва ли обращает на меня внимание, лишь во взгляде мелькает глубоко спрятанная теплота. Я уверена, что Керт рад меня видеть не меньше, чем я его. Но он сосредоточен на отце. Шагнув ко мне, Керт

встает за моей спиной, а я вспоминаю, перед кем я, и обращаю взгляд к королю. На свободное плечо ложится теплая ладонь.

— О чем ты?

— О том, что Аврора слишком вежлива, чтобы послать тебя к чертям.

Эм? При гвардейцах и целителе столь вольное общение не перебор?

— Сын!

— Папа, я все еще разбираюсь с захватчиками, людей не хватает, поэтому с твоего позволения я Аврору украду.

— Керт.

— Лорд Ланс, позаботьтесь о его величестве. Папа, пожалуйста, отдыхай и поправляйся.

Король фыркает не столько раздраженно, сколько со скрытым одобрением.

А Керт подхватывает меня под руку и утягивает за собой обратно в гостиную. Черт моментально перебирается к Керту и уже с его плеча корчит мне рожу.

Я останавливаюсь в нескольких шагах от того места, где призывательница вывела круг. Очень хочется спросить, что Керт сделал. Я помню, как я закрылась щитом. Я защищалась и потеряла сознание, в победе моей заслуги нет, Керт справился сам. Когда-нибудь спрошу.

Мы разворачиваемся друг к другу, и я, не задумываясь, забрасываю руки Керту на шею. Так естественно получается, будто мы вместе давным-давно. Мы встречаемся взглядами и выдаем хором:

— Как ты себя чувствуешь?

Рассмеявшись, я чувствую, как утекает напряжение. Керт смеется вместе со мной. Мы стоим и прижимаемся друг к другу лбами.

Крохотная передышка возвращает силы.

— Я в порядке, Керт.

— Я тоже.

— Чем я могу тебе помочь?

Керт отстраняется, берет меня за руку и сдвигает манжет, обнажая запястье. На коже тотчас проступает татуировка, оставленная теневым двойником печати.

– Долг выполнен, – произносит Керт, и рисунок блекнет, размывается и на глазах исчезает.

– Хм? – почему Керт решил стереть татуировку именно сейчас? Она не мешала.

– Рори, мне действительно нужна твоя помощь.

– Конечно. Говори.

– Рори, я понимаю, что моя просьба чрезмерна, но... Леди, пожалуйста, возьмите на себя встречу с Советом, а затем наведите порядок при дворе. Мне сейчас совсем не до своры напыщенных бездельников.

Совет? Как он себе это представляет? Я же не была представлена официально. Я для них девочка с улицы.

Керт откидывает полу камзола. На поясе в петле закреплен скипетр. Как я и предполагала, регалии, кроме короны, у Керта. Он касается навершием скипетра моего запястья.

– Что ты делаешь?! – я с легким ужасом смотрю, как на коже проступает новый рисунок. Керт пожимает плечами:

– У тебя будет теневой двойник скипетра. Как иначе?

Черт, он говорит это так спокойно, как будто вручил мне не право говорить от имени регента, а карандашом поделился.

Глава 20

Керт отдал мне не только теневого двойника скипетра, но и толкового помощника. И первое, что я приказала – прислать мне шуструю горничную со сменной одеждой. Не нужно платья, но дамский мундир и плащ без атрибутов пусть обеспечит, я должна выглядеть достойно. Не как принцесса, пока нет. А как тень регента.

Совет же... Свора бездельников, говорите? Если честно, у меня после дебюта и близкого знакомства с высшим светом сложилось точно такое же впечатление. Улыбнувшись, я отдаю второй приказ – собрать Совет немедленно. Помощник подает список, и я пробегаю взглядом фамилии, не изменившиеся за десять лет. В Совете три леди, а десять лет назад было две. Из интересного. А ничего интересного.

– Леди?

– Поторопитесь.

Пусть соберутся и ждут, пока я привожу себя в надлежащий вид.

Помощник кланяется и приглашает меня в гостевые покои, расположенные в коридоре, примыкающем к холлу, в который выходят личные покои королевской семьи – невиданная честь. В ожидании горничных я рассматриваю новую татуировку. В миниатюре изображен заключенный в круг скипетр. Стоит подумать, и круг пустеет, а теневой двойник материализуется в руке. Я отпускаю скипетр, и он тотчас возвращается в круг в виде татуировки.

В дверь раздается стук. Сразу несколько вариантов нарядов приносят служанки под руководством старшей горничной. Я выбираю самый торжественный, с золотым шитьем.

Учитывая, что прическу тоже нужно делать, начать лучше с водных процедур.

До зала Совета я добираюсь минут через сорок.

Помощник терпеливо ожидает меня у закрытых дверей, и при моем приближении тонко улыбается. Нет сомнения, что он понял мое намерение заставить Совет ждать.

Подав мне копию списка, он указывает на галочки, проставленные, против некоторых имен:

– Возмущались особенно громко.

– Прекрасно.

Может, распустить Совет, а всех без исключения лордов и леди отправить под домашний арест во дворце? Было бы неплохо, но Керт на столь радикальные меры не решился, иначе бы в моем выступлении просто не было бы смысла.

По моему кивку помощник распахивает двери и, взяв на себя роль церемониймейстера, объявляет:

– Тень его высочества наследного принца–регента Дакерта леди Аврора Майс!

В зале становится очень тихо.

Я иду к возвышению, каждый шаг гулко разносится по залу. Я иду с гордо поднятой головой, игнорируя обрушившиеся на меня чужие эмоции. Растерянность, возмущение – я буквально ощущаю их кожей.

– У-у-у, – тихонечко выдыхает спрятавшийся в складках плаща черт.

Поднявшись на возвышение, я окидываю взглядом стоящих лордов и леди, сажусь в кресло с завышенной спинкой, резной верх которой намекает на корону.

Я выдерживаю паузу и улыбаюсь уголком губ:

– Лорды, леди, приветствую.

– Как это понимать, леди?! – визгливый голос смутно знаком. Не его ли я слышала, когда мы с Кертом пробирались в тайных ходах? Могу ошибаться.

Прав Керт – свора дураков. Кем он себя возомнил, чтобы позволять себе подобный тон? Непотопляемым? Напрасно.

Теневой двойник скипетра послушно появляется в руке:

– Лорд, что именно вы не поняли? – улыбаюсь я.

– Тень регента, что это за шутка такая? Его высочество подозревается в покушении на короля, на минуточку! Я вообще не понимаю, как принц Дакерт может быть допущен к регентству до суда.

– Поддерживаю! Его высочество должен незамедлительно предстать перед судом.

И правда. Тявкающая свора...

– Подозревается? – переспрашиваю я и опускаю скипетр на столешницу.

Моего спокойного вопроса хватает, чтобы лорды притихли, а я всматриваюсь в главного заводилу. Может, он не так уж и глуп, как

может показаться? Его требования немедленно осудить Керта, больше похожи на отчаянную попытку удержаться. Например, нельзя исключать, что канцлер его чем-то шантажировал.

– Свидетели единогласно показали на его высочество, леди. В пользу принца высказался только его величество, еще не оправившийся от болезни. Отцовские чувства всецело понятны. Я думаю, нет нужды напоминать, что человеческая память порой искажает или вовсе стирает болезненные воспоминания.

Звучит логично. Почти.

– Мы не можем позволить бунтарю одержать победу, – поддакивает второй лорд, но в то же время фразу строит очень осторожно, поди, докажи, что под бунтарем подразумевался именно Керт, а не настоящий виновник.

– Не можете, лорд? А вот глупость в Совете вы терпеть можете. Занятно, – хлопнув по столешнице ладонью, я обрываю начавшиеся разговоры. – Факты, лорды и леди. Его величество очнулся, как только был удален приставленный канцлером целитель. Также любой сомневающийся в его высочестве, – я медленно поворачиваю голову, с каждым на миг встречаюсь взглядом, прежде, чем продолжать, – может попробовать использованные целителем лекарства.

Лорды переглядываются.

Сделать пару глотков яда не вызывается ни один, даже самый крикун.

– Леди Майс, тем не менее, ваше назначение тенью регента вызывает столько беспокойства. Не поймите неправильно, но мы все, я возьму на себя смелость это утверждать, видим вас впервые.

Против меня высказывается одна из трех леди.

Отчасти она права. Я появилась из ниоткуда, и сразу получила всю полноту власти.

– Его величество выздоравливает после тяжелого отравления. Его высочество занят заговорщиками. Для разговора меня достаточно.

– Леди!

О, у крикуна снова прорезается голос.

Я добиваю:

– Хотя обвинения его высочество несостоятельны, Совет слепо поддержал канцлера, обвиняемого в попытке государственного переворота. В течение нескольких дней его величество под видом

лекарств получал яд, члены Совета приходили в покои его величества справиться о его здоровье, преступление совершалось прямо на ваших глазах, но вы также хранили слепоту. Знаете, на что это похоже? На соучастие, лорды и леди. В связи с подозрениями о причастности некоторых членов Совета к участию в перевороте, а также в связи с абсолютным бездействием Совета во время попытки переворота, именем короля, я распускаю Совет до особых указаний его величества. Лорды и леди, вернитесь в выделенные вам во дворце покои и оставайтесь в них до завершения расследования.

Навершие теневого двойника скипетра вспыхивает призрачным белым светом.

Приказ отдан, и обратной дороги нет. Лорды пока не знают, но сейчас я показала себя не столько как тень регента, сколько как будущая принцесса. Если... Нет, о том, что против нашего с Кертом союза и король, и «пятерка», я сейчас думать не буду.

Зал заполняют гвардейцы и ненавязчиво предлагают лордам и леди проследовать в жилые покои. Дождавшись, когда всех уведут, ко мне подходит помощник:

– Какие будут дальнейшие распоряжения, леди Майс?

С советом я разобралась. Немного жаль, что ни одна козявка не вызвалась на бокальчик яда, но в целом я довольна результатом. Осталось приструнить двор. Вообще-то это работа не для тени регента, но Керт просил. Я бы предпочла разогнать всех скопом, но опасаясь – под шумок сбегут и те, кого отпускать никак нельзя. Значит, проверенным путем – по комнатам.

– Прогуляемся, – решаю я.

Дворец поражает.

Болезнь короля – это повод проявить сдержанность. Званные ужины, балы и приемы были отменены, но придворные почему-то устраивают поэтические вечера, играют в карты, устраивают пикники едва ли не под окнами королевской спальни. Словом, жизнь бьет ключом. Вероятно, тон задал канцлер и его высокопоставленные приспешники, но все равно меня корбит. Своя голова должна работать.

Стайка юных леди расположилась в большом зале. Девушки заняты благородным рукоделием и неблагородными сплетнями.

– Леди Иоса за три дня шесть раз «случайно» сталкивалась в коридорах с капитаном. Леди Мия, боюсь, вам стоит начать беспокоиться.

– Ах, разве леди Иоса не была заинтересована в его высочестве?

– Возможно, леди Иоса после интереса его высочества срочно нуждается в супруге?

Хах, что это за намек такой?

Я подхожу, поигрывая скипетром. Заметив мое приближение, леди замолкают и запоздало начинают подниматься. Взгляды прикованы к скипетру. Леди приветствуют меня реверансами. Я же с минуту молчу, вынуждая их все это время стоять согнувшись.

– Леди, заметив вас, я предположила, что вы собрались вместе, потому что обеспокоены состоянием здоровья его величества. Каково же мое удивление, когда я слышу, что все, что вас занимает в столь непростое время, это бурное обсуждение леди Иосы.

Две девочки пытаются спрятаться за спины подружек, а вот одна оказывается смелой:

– Ох, неужели? – прикрывает она нижнюю часть лица веером. – Я слышала, его величество идет на поправку, а его высочество арестовал преступников. Разве это не повод для радости и праздника?

– Вы приветствуете выздоровление его величества разговором о нуждах леди Иосы? Занятно. Леди, поскольку еще не все заговорщики были арестованы, в целях безопасности, вернитесь в свои комнаты.

Особенно выразительно качнув скипетром, я ухожу. В том, что мой приказ выполняют, я не сомневаюсь. Как и в том, что выполняют с задержкой – нужно же меня обсудить. Новая фигура, приближенная к принцу, леди такого не пропустят.

Я довольно быстро разгоняю придворных.

– Проводите меня к его высочеству, – обращаюсь я к помощнику.

– Леди, прошу прощения, но это... невозможно. Его высочество допрашивает организаторов переворота. Сами понимаете, ничего приятного. Его высочество распорядился оградить вас.

– Вот как.

Вроде бы приятно, но в то же время.

– Леди, позвольте заметить, что время уже позднее, а вы не успели пообедать.

Да?

– Проводите меня в покои.

– С радостью, леди.

Интересно, Керт сказал ему, что прочит меня в принцессы?

За мной так и оставили гостевые покои поблизости от королевских, не переселили. В комнатах меня ждут горничные. Служанки успели выстроиться в шеренгу еще до того, как я вошла. Не может же быть, что они все время так простояли? Нет, точно нет, их предупредили.

– Я желаю увидеть... – доносится зычный голос из коридора.

В миг позабыв и про служанок, и при свое нынешнее положение, я чувствую, как изнутри я покрываюсь коркой льда. Пара слов, но я узнаю голос, несмотря на прошедший десяток лет. Встречи требует мой дедушка.

Отвечает помощник:

– Сожалею, лорд Миашар. Тень его высочества наследного принца-регента Дакерта леди Аврора Майс не принимает. У вас срочное государственное дело?

Я делаю шаг к закрытой двери и прислушиваюсь.

Помощник удивил, не знаю, чем больше: самим фактом отказа или равнодушием, с которым он сказал нет.

Лорд Миашар едва слышно цыкает и спокойно продолжает:

– Дело приватное. Я уверен, леди примет меня. Доложите о моем визите, лорд.

– Прошу прощения, однако его высочество запретил тревожить леди Майс по любым проблемам, не имеющим первостепенной государственной важности.

Еще недавно я бы ни за что не поверила, что Великие столпы упустят из рук власть, а они упустили, причем, похоже, что даже не поняли, в какой момент это произошло. С переворотом они безнадежно опоздали. Пожалуй, единственное, что остается «пятерке» – это устранение неугодных своими силами. Звучит пугающе.

Лорд Миашар вроде бы все также спокоен и доброжелателен, но я даже сквозь стану ощущаю вымораживающую ярость, с которой он предельно вежливо цедит:

– Лорд, вероятно, его высочество, не предполагал, что кто-то во дворце может прийти к леди Майс по личному делу. Я же.

– Лорд Миашар, вы заблуждаетесь. Его высочество специально упомянул, что его запрет распространяется на всех, на глав Столпов также.

– О-о-о... Безусловно, в таком случае я подчиняюсь, – я не вижу, но ни капли не сомневаюсь, что сейчас дед прижимает к груди ладонь и слегка кланяется. – Его высочество. удивителен.

Раздаются шаги. Вероятно, дед удаляется.

И только после того, как шаги стихают, помощник повторяет приказ не пускать ко мне никого, кроме его высочества, приставленным к моим дверям караульным. Снова шаги, помощник уходит.

– Добрый вечер, леди. Разрешите подать ужин? Или сперва вы желаете освежиться и переодеться. К сожалению, пока я не знаю ваших предпочтений. Я распорядилась подготовить несколько разных домашних платьев. Желаете выбрать?

Я игнорирую старшую горничную.

Я все еще мыслями в коридоре. Что имел в виду помощник, говоря о том, что гвардейцы должны пропустить принца? Уже слишком поздно для встречи.

– У-у-у! – дергает меня за прядь волос черт.

– А? – я спохватываюсь. – Кажется, я задумалась. Платье? Годится любое.

– Да, леди. Позволю заметить, что для вашего питомца мы также подготовили брючный костюм.

– Ум?!

Младшая горничная с готовностью демонстрирует мне белую запашную рубашку, темносиние штанишки с прорезью для хвоста и в тон штанам темно-синий шелковый шейный платок.

– Как мило, – хмыкаю я.

– У-у-у! – с верещанием черт с силой отталкивается от моего плеча, прыгает прочь. Горничная бросается следом.

Я провожаю их взглядом:

– Да, сперва я хочу освежиться.

– Прошу, леди.

С полчаса я провожу в ванной. Теплая вода и похожие на сугробы горы ароматной пены расслабляют. Из ванной я выбираюсь лишь когда вода полностью остывает и сидеть в ней становится неприятно.

Нырнув в ночнушку, я закутываюсь в халат и выбираюсь к накрытому в будуаре ужину. Несмотря на то, я не могу вспомнить, когда нормально ела в последний раз, аппетита нет. На плечи наваливается усталость, и часть блюд я отодвигаю, только бульон выпиваю и съедаю паштет. К чаю я едва притрагиваюсь.

Целителя, леди Майс?

– Я в порядке, – я поднимаюсь из-за стола. – Все до завтра могут быть свободны. Из одежды на день подготовьте мундир, как сегодня. Что касается завтрака, то пусть он будет плотный.

Горничные склоняются в поклонах:

– Доброй ночи, леди Майс.

Я уйду в спальню, сама закрываю за собой дверь. Надо же, угол одеяла предусмотрительно отогнут, чтобы мне было удобнее лечь. Я уже и забыла, каково это, когда о тебе заботятся служанки. Я ложусь, укрываюсь и почти сразу проваливаюсь в сон без сновидений.

Когда я открываю глаза, за окном темень. Сон отступает неохотно. Я вдруг понимаю, что меня разбудило ощущение чужого присутствия.

– Прости. Не хотел мешать.

– Керт? Что-то случилось? Ты...

Он ведь до глубокой ночи разгребал гору срочных дел.

Керт опускается на край кровати:

– Все хорошо, Рори, просто вымотался.

Но вместо того, чтобы лечь, пришел посмотреть, как я сплю? Керт. Я протягиваю руку, касаюсь кончиками пальцев его щеки. Керт ловит мою ладонь и целует.

– Давай я отправлю кого-нибудь за чаем? – предлагаю я.

Иногда бывает, если переутомление слишком сильное, усталость давит, а заснуть не получается.

– Не нужно. Мне будет достаточно, если ты разрешишь лечь рядом, моя принцесса. Рори, не думай плохого, ладно? Прости, но сейчас в постели я могу только бревном изображать.

Я сдвигаюсь в сторону и приглашающе хлопаю по простыне. Не думаю, что Керт пришел только из романтических побуждений. Возможно, он ждет покусение? Спрашивать об этом я не буду. Какой смысл? Очевидно, что враги все еще способны ударить.

Керт моментально сбрасывает обувь, следом швыряет жилет, буквально сдирает с себя рубашку, избавляется от брюк и падает на

подушку рядом со мной, обнять или притянуть меня к себе не пытается, а сразу же закрывает глаза. Вряд ли он уснул вот так сразу. Улыбнувшись, я накрываю нас одеялом и утыкаюсь носом ему в плечо. Керт не реагирует, и я, раньше, чем успеваю осознать свое движение и остановить, обнимаю его поперек груди, а на бедро закидываю колено. Проваливаясь обратно в сон, я слышу, как Керт удовлетворенно хмыкает.

Я просыпаюсь, когда солнце уже вовсю заливает спальню золотым светом, и обнаруживаю, что за ночь Керт заменил мне подушку. Я умудрилась лечь по диагонали, и он стойко исполнял роль подушки. Надеюсь, я не слишком мешала...

Керт лежит с закрытыми глазами, дыхание ровное, но не похоже на дыхание спящего человека. Я с подозрением прищуриваюсь. Мысленно вздохнув, ловлю совесть за хвост – не время нежиться под одеялом, оставшиеся на свободе заговорщики ждать не будут. Я осторожно приподнимаюсь. Керт мгновенно ловит меня, возвращает на место и продолжает старательно изображать спящего. Вот как тут не засмеяться?

Легко перевернувшись, Керт нависает сверху:

– Моя принцесса, как вы себя чувствуете?

– Вашими заботами, мой принц, прекрасно.

Керт склоняется, и я не сомневаюсь, что сейчас он меня поцелует. Сердце замирает.

В дверь раздается стук:

– Леди Майс, доброе утро, просыпайтесь. По вашему распоряжению плотный завтрак подан.

– Черт, – выдыхаю я.

– У-у-у, – раздается жалобное.

– Леди, с вашего позволения я вхожу.

– Рори, ты действительно приказала им разбудить тебя?

– Нет. Возможно, его величество?.. – предполагаю я.

Керт откидывает одеяло за мгновение до того, как горничные входят.

– Ой! – раздается их дружный писк, девушки вылетают из спальни.

– Хулиган, – фыркаю я и сползаю с кровати.

Керт печально вздыхает, мой побег его явно не радует, но я упрямо сбегая в ванную, прихватив одно из домашних платьев. Наскоро умывшись и приведя себя в порядок, я возвращаюсь. Ванную занимает Керт, а я выхожу в будуар.

Ни одна горничная не предупредила.

На первый сюрприз я натыкаюсь с порога. Не знаю как, но младшая служанка стоит, держа черта за переднюю лапу, а он сидит на корточках и он. одет.

– У-у, – дергает он за кончик шейного платка, жалостливо моргает, явно намекая, что я должна его спасти. У горничной явно талант дрессировщика.

Трудный выбор – на чью сторону встать. Черт мне не чужой, но в костюмчике он смотрится невероятно. По идее горничная не должна была действовать без моего разрешения, но в то же время вчера я не возражала, когда она показывала мне рубашку и штанишки.

Я поворачиваю голову и моментально забываю про проблемы черта.

Завтрак накрыт не на двоих, как можно было бы ожидать, а на троих, и за столом уже восседает его величество.

– Доброе утро, сир, – я склоняюсь в реверансе.

– Леди, к чему эти формальности? Доброе утро, леди Аврора. Присоединяйтесь скорее.

– Я очень рада, что ваше самочувствие улучшилось, ваше величество, – я выпрямляюсь, но не спешу подойти к столу

Мне очень не нравится, что затеял король. Он уже отрезал кусочек от творожной запеканки и обмакнул в варенье. Очевидно, что, сев за стол, я не могу не начать завтракать, но ведь Керта еще нет.

– Я понял ваш намек, леди.

Король поднимается из-за стола и отодвигает для меня стул.

Проклятье! Он делает все, чтобы ситуация стала для меня еще более неловкой.

– Папа? Доброе утро. Неужели ты, как маленький, сбежал от целителя?

– Керт!

А? Король... краснеет и смущается?!

Пользуясь замешательством его величества, Керт подходит к нам вплотную и опускает ладони на спинку злополучного стула:

– Папа, спасибо, но я сам поухаживаю за своей невестой. Рори?

– Может, оденешься сперва? – ворчливо спрашивает король и отступает.

Керт вышел к завтраку в одних брюках, без рубашки.

– К чему такие формальности? – удивляется Керт, помогая мне сесть и занимая место рядом.

– Рори, что тебе положить?

Ответить я не успеваю.

С визгом черт вырывает лапку из ладони горничной, прыгает к нам и принимается сдирать одежду, одновременно с обидой тыча в Керта когтями и хвостом.

– Изверги, – соглашается Керт.

Воодушевившись, черт запрыгивает к Керту на спину, обнимает за шею и, не прекращая избавляться от остатков одежды, тихо лопочет, явно жалуясь на злодеек-горничных и мое бессердечие, а Керт только чешет поганца за ухом и со всем соглашается.

Покосившись на горничную, я хмыкаю:

– Милочка, похоже, тебе придется одеть обоих.

Керт с чертом оборачиваются и корчат одинаково обиженные рожицы.

У короля расширяются глаза, застыв на миг, он откидывается на спинку стула и заливается хохотом. Я же, цыкнув, сама накладывают себе сырников. Керт, заметив, корчит еще более обиженное лицо, он же громогласно обещал поухаживать.

– Рори...

– Ты предпочел ухаживать за чертом, – пожимаю я плечами и тоже обижаюсь.

Веселье прекращает король. Резко став серьезным, он откладывает приборы:

– «Пятерка» будет в бешенстве.

– Глава рода Миашар еще со вчерашнего вечера в ярости. Керт его не пропустил с визитом, фактически, выгнал.

Король хмурится.

Керт как ни в чем не бывало, уплетает за обе щеки. Он словно не замечает, что атмосфера изменилась. Или вернее сказать, он игнорирует изменения с истинно королевским величием. Покосившись на него, я вдруг осознаю, что разговорами сыта не буду, а поесть надо.

Король? А что король? Я единственная за столом, кто продолжает думать об элементарном этикете. Какого черта! Вот у черта как раз проблем нет, загребает еду лапами, а вместо вилки накалывает на собственные когти, а Керт поощряет.

– Сын.

– Пап, за канцлером стоит «пятерка». Они, как всегда, чистенькие, сами ничего не делали, только в дурные уши идеи подавали. переворот мы предотвратили, и не просто предотвратили, а показали силу. Как думаешь, если они еще не поняли, что мы завязали всю магическую систему управления на себя, как быстро сообразят? И что сделают после того, как сообразят? Пока они готовы отступить, чтобы не замараться в перевороте, надо добавить. Сейчас, сегодня, а не завтра или когда-нибудь потом. Раньше я сомневался, но теперь уверен, время будет играть против нас.

– Ты принял это решение из-за леди Авроры.

– Да, – Керт соглашается поразительно легко, и поясняет с ухмылкой. – Ну и что, что ради Рори? Решение верное.

Хм.

– Пап, пора спустить Великие столпы туда, где им самое место – под трон. Кстати, я правильно понял? Я могу порадоваться окончанию регентства?

– Кому же еще разгребать, что ты вчера натворил.

– Хм? – Керт отрывается от тарелки и впервые за разговор с искренним любопытством смотрит на отца. – А что я такого натворил?

– Ты еще спрашиваешь?! Ты отдал леди Авроре теневой двойник скипетра.

– Я доверяю своей принцессе. Решения Рори – мои решения.

– А двор в панике. Сходи, послушай, что говорят.

– Пф-ф, я знаю, что у самая богатая фантазия у придворных сплетников. Не аргумент.

– Как раз аргумент. Чтобы навести порядок, надо успокоить подданных, а успокоит их король на троне.

– Прекрасно, папа. В таком случае я самоудаляюсь в ссылку.

– Это что за новости?

Отец и сын такие разные, но вот смотрю на них – похожи. Мимика, жесты, то, как легко они улавливают недосказанное. Начинаю

думать, что, несмотря на предубеждение, король примет меня ради Керта.

Я должна оправдать доверие.

– Пап, на допросе канцлер отрицал и вроде бы не лгал, что деарцы обещали ему финансовую поддержку в обмен на привилегии, но я боюсь, что в закрытых общинах скрываются наемники, которые вот-вот выйдут на улицы, и тихий переворот обернется самым настоящим бунтом. Во избежание я сегодня лично нанесу общинам визит вместе с Авророй и парой отрядов гвардейцев. Придется разориться на портал.

Керт поворачивается ко мне, подмигивает.

И я теряю дар речи. Керт берет меня с собой, потому что я переживаю за похищенных детей. Возможно, он мог бы отправить гвардейцев, не присутствовать лично, но ради меня...

– Тоже ради леди Авроры затеял? – вздыхает король. – Черти с вами.

– Ум!

Глава 21

Порталы – роскошь даже для королей. Стоимость перехода заоблачная, и от того порталами едва ли пользуются, в ходу по-прежнему традиционный гужевой транспорт.

Чем больше расстояние, тем дороже.

Нет, есть относительно недорогие порталные амулеты, их, например, в особых случаях использует стража. Керт сбегал порталом с незаданной точкой выхода, тоже использовал амулет. Из-за малой энергоемкости дальность такого перемещения всего два-три квартала.

Совсем иное – стационарный портал. Теоретически, он может достать через океан до соседнего континента. Но он выйдет дороже нашего королевства раз в десять, если не больше.

И сейчас стационарный портал открывается в четвертый раз. Понятно, что не ради детей. Увы, но я не верю, что ради сирот король согласился бы на столь безумные траты. Портал открывают ради общин деарцев, предположительно прячущих у себя наемников. Очень даже вероятный сценарий.

Керт мог ограничиться отправкой отрядов суровых гвардейцев, но он вызвал рекомендованных мной воспитателей из столичных приютов. Я не знаю, вернут ли сирот также порталом или им предстоит путешествие по стране. Кстати, не факт, что обратно в столицу. Возможно, их сдадут в ближайший приют. Но в любом случае с ними поработают целители-менталисты.

– Керт, ты уверен, что это не ловушка?

– А смысл избавляться от рядовых гвардейцев? Я пришлю несколько отрядов, усиленных боевыми магами.

– Но ты ослабляешь столицу.

– В пределах допустимого, Рори. Не тревожься.

– У-у-у, – вздыхает черт, которого горничная все же обрядила в штанишки. Отбрыкаться черт смог только от рубашки и шейного платка. Впрочем, не думаю, что горничная сдалась. По-моему, она нацелилась стать личной служанкой королевского питомца.

Керт бегло просматривает новые и новые донесения. К счастью, магическая передача сообщений не настолько проблемная, как

перемещение физическое, хотя тоже затратна.

Я, увы, ничем помочь не могу, да и не требуется Керту помощь, он прекрасно справляется, а на огромной карте тревожные желтые точки одну за другой перекрашивают в зеленый: место проверено, угроза не найдена.

По ощущениям проходит около получаса.

– Ваше высочество, докладываю! Вооруженная группа пытается прорваться из окружения здесь, – адъютант заменяет желтый кругляшок красным. – С нашей стороны потерь пока нет.

Незнакомый дознаватель добавляет на кару еще два желтых кружка.

– Казна это выдержит? – хмурюсь я.

– Рори, что за глупости? Конечно же, платить будут деарцы. Не сомневайся, их верхушка предпочтет купить свободу, нежели отправиться на каторгу.

– Ты ихпустишь?

– Не в королевстве же их оставлять. Я мало, что могу им предъявить. Незаконное пересечение границы и махинации с документами. Я про мелочь вроде твоих Пирожка и Крыски. Верхушку я прижму крепко.

– Срочное донесение!

Керт немедленно разворачивается к адъютанту:

– Да?

По спине прокатывается холодок дурного предчувствия, но новость скорее радостная, чем тревожная.

– Ваше высочество принц Дакерт, леди Майс, пропавшие сироты найдены!

– Как они?! – я грубо нарушаю этикет, я слишком расслаблена рядом с Кертом и задала вопрос упустив, что мы не одни..

Даже став женой и официальной принцессой, я должна была бы молчать, пока первым не задаст все его интересующие вопросы Керт.

Адъютант не реагирует. Совершенно правильно между прочим. Но Керт не оценил:

– Лорд, вы заставляете нас ждать.

– Дети выглядят здоровыми, сытыми, но... одеты в рубище, и у многих истерика, они уверены, что гвардейцы пришли, чтобы арестовать и отвести в тюрьму, потому что они украли у Деара силу.

– Убью, – тихо выдыхаю я.

Керт ловит меня за руку:

– Согласен, но не на глазах же детей.

– Черт!

– Ум?

Мотнув головой, я заставляю себя успокоиться.

По крайней мере менталисты уберут последствия.

Неожиданно Керт передает управление одному из лордов, а сам подхватывает меня под руку и тянет к арке перехода, отдав через плечо непонятную команду, какое-то кодовое слово.

– Керт?

За нами следуют двое гвардейцев, менталист и воспитательница.

– Я приказал провести детей сюда, но это лишние для них волнение, да и тебе не терпится. Ради меня?!

Я не успеваю осознать, как оказываюсь в портале. Массивная черная арка гудит от напряжения. Вглубь убегает извивающийся подобно змее тоннель. Его стены – перекрученные пейзажи, дикая мешанина улиц, полей, озер. Изображения вращаются, меняются, разбиваются на кусочки и складываются в новую мозаику.

У меня начинает кружиться голова, и Керт словно чувствует, усиливает хватку. До сих пор о стационарных порталах я только читала, знаю, что нельзя пытаться рассмотреть изображения, но взгляд цепляется против воли.

Извилистый тоннель делает очередной поворот.

Благодаря поддержке Керта мне становится лучше, и я даже нахожу в себе силы обернуться. Черту лучше всех, он едет верхом. Не похоже, что менталист испытывает какие-либо трудности, но на то он и менталист, умеет защищать голову. А вот воспитательницу ему пришлось взять на себя, ей поплохело, она, практически, висит на менталисте. Гвардейцы бледны, будто их мутит, но держатся.

Еще поворот, и туннель заканчивается картинкой, отличающейся от всех прочих – она неподвижна.

Впереди квадратный двор, ограниченный двухэтажными каменными постройками. Слева согнанный в толпу люди. Вероятно, рядовые деарцы. Справа под пристальным надзором гвардейцев на земле лицами вниз лежат мужчины. Руки держат за головой, пальцы на затылке сцеплены в замок. Тут и гадать не надо – наемники.

– Ваше высочество?! – для капитана появление принца полная неожиданность.

Один из лежащих вскидывается. Гвардеец реагирует мгновенно, ударом отправляет мужчину в беспамятство, но поздно. В нас летит волна убийственной магии. Керт легко закрывается щитом и хищно улыбается:

– А вот и доказательство, что заказ на членов королевской семьи был.

Учитывая, что наемнику нет смысла ухудшать свое положение и выполнять заказ павшего канцлера, очевидно, что за заказом стоит «пятерка». Уж больно красноречиво выглядит Керт, как хищник, поймавший добычу.

– Амулет был вживлен под кожу, ваше высочество! – докладывает гвардеец.

Керт отмахивается:

– Разбирайтесь. Где дети?

– Почти все в здании, ваше высочество, – капитан подходит ближе и кивком указывает на строение. – Зачем детям такое видеть? Многие и так напуганы.

Почти? – цепляюсь я за слово.

– Так точно, леди. Одна девочка спряталась в храме. Я оставил в храме человека, он ее уговаривает. Она мелка, леди, силком тащить страшно.

Менталист и воспитательница скрываются в здании.

– Где храм? – уточняю я. – Я займусь девочкой.

– Направо, леди.

Керт снова подхватывает меня под руку:

– Я с вами, леди.

– Спасибо.

Керт проводит пальцами по моему запястью, улыбается так, что я верю, я для него его солнце. Мы идем, держась за руки.

Надо отдать деарцам должное, территория в идеальном порядке, будто за ней ухаживает армия дворников и садовников. В каком-то смысле так и есть. Деарцы из низшей касты от зари до зари работают, обслуживая высшие касты. Черная работа для них смысл жизни. Ни соринки даже после гвардейцев.

Храм внешне никак не выделяется и похож на обычный дом. Его выдает орнамент, широкой полосой протянувшийся над входом. Насколько я знаю, орнамент может быть любым, хоть растительным, хоть животным, но его всегда отличает присутствие стилизованных широко распахнутых глаз – Деар запоминает каждого, кто вошел.

Керт распахивает дверь без капли почтения и входит первым.

Последовавшие за нами два гвардейца придвигаются ближе ко мне. Так их Керт приставил ко мне в качестве телохранителей? Они не его защищают? Черт! Я неосознанно тянусь к плечу и ловлю воздух. Я так привыкла к чертенку, что не заметила, когда он улизнул. Вот же мелкий негодник.

Главный зал храма ничем не примечательный, разве что стены и потолок сплошь покрыты изображениями открытых глаз. И не все из них обычные. В разных участках встроены глаза-артефакты, способные реагировать на появление живых. Глаза начинают медленно двигаться, отчего у человека создается отчетливое ощущение, что за ним пристально наблюдают. Крайне неприятно. И судя по моим ощущениям, глаза-артефакты обладают и легким ментальным воздействием. Бр-р. Гвардейцу, караулящему девочку тоже не по себе.

– Малышка, хотя бы скажи, как тебя зовут, не могу же я звать такую очаровательную девочку Котенком. Не скажешь? И петушка на палочке не хочешь? Ох, ваше выс...

Керт перебивает:

– Девочка?..

– За деревянной панелью, – гвардеец понижает голос и жестом указывает в угол.

Похоже жрецы деарцев тоже не брезгают тайными ходами в стенах.

Керт прищуривается и, вдруг улыбнувшись, делает несколько шагов вперед, опускается на корточки и протягивает руку открытой ладонью:

– Привет, Лизи.

Я шокированно смотрю на Керта – он не только запомнил имена всех детей, но и догадался, как обратиться к девочке. Как он определил?! Она же не одна, есть еще Сара, Ларина, Санна. Я могу перечислить имена, но и только. Я привыкла считать себя хорошим специалистом, но только что мои иллюзии разбились вдребезги.

Девочка выглядывает из-за панели.

– Привет, Лизи, – повторяет Керт.

Он не торопит, не требует вылезать немедленно, не зовет.

Девочка выбирается из укрытия полностью, переступает с ноги на ногу. Керта она разглядывает с необычайно серьезным видом.

– Лизи? – Керт мягко подталкивает ее к ответу.

Она срывается с места, бросается к нему и повисает на шее:

– Папа, ты пришел за мной! Папа!

Я вздрагиваю. Не впервой я становлюсь свидетелем подобного рода сцены, но так и не научилась оставаться равнодушной. Я очень хорошо понимаю малышей, мечтающих, что однажды родители за ними придут. Но кидаться к посторонним... Обычно «достаётся» благотворителям, и неизбежный отказ причиняет боль и детям, и взрослым.

Правда, некоторые детки те еще манипуляторы и вполне осознанно давят на жалость, провоцируют чувство вины.

Надо вмешаться:

– Лизи, – строго говорю я.

Девочка мгновенно понимает мои намерения, вцепляется в Керта:

– Папа!

По-хорошему Керту бы сказать, что он пришел забрать девочку от плохих людей, что он будет защищать ее и других сирот, но он не папа. А Керт странно молчит. Не верю, что он растерялся.

– Лизи, – подхожу я ближе.

Керт поднимается, разворачивается ко мне. Девочка при этом у него на руках, с восторгом обнимает за шею и твердит свое:

Папа-папа-папа.

Керт?

Что он творит?! Или решил сдать малышку менталистам? Они, конечно, сотрут воспоминания про «папу», но след на уровне эмоций все равно может остаться, вряд ли менталисты станут отрабатывать по «легкому» случаю все десять сеансов.

– Да, моя принцесса?

– Папа!

– Что случилось, Лизи? Она тебя напугала? – Керт ухитряется плотнее прижать девочку к себе и не сдавить. – Ничего не бойся. Я с тобой, и я никому не позволю тебя обидеть. Договорились, Лизи?

– Ты что творишь? – шиплю я, но ближе подойти не пытаюсь.

Керт усмехается:

– Рори, а на что это по-твоему похоже?

– На безобразие, – неужели непонятно?!

В ответ Керт показушно вздыхает:

– Какая строгая у нас... мама.

Что?!

Керт расплывается в широкой улыбке школьника, совершившего шалость и уверенного, что ничего ему за эту шалость не будет.

– Мама? А почему она такая злая? Может, это не она? Мама добрая.

– Лизи, мама не злая, а строгая.

Лизи смотрит на меня с сомнением, а я просто не знаю, что думать. Зря я подумала, что Керт собирается отдать девочку менталистам. Для этого было достаточно позволить звать себя папой. Но представив меня как маму, он зашел слишком далеко. Значит ли это... что Керт собирается удочерить малышку? Плохая идея. Принятие на себя заботы о ребенке слишком ответственный шаг, чтобы принимать решение на волне эмоций, не обдумав. Керт может позволить себе содержать сотню детей, но ведь малышке нужны не деньги, а родительская забота. Я боюсь, что быть брошенной гувернанткам и преподавателям, для девочки окажется гораздо тяжелее, чем вернуться в приют. Я уже проходила подобное, когда взрослые, но не думающие о последствиях люди, подбирали ребенка, как какого-то милаху-котенка, а, осознав, что не игрушку завели, а живое разумное существо, которое требует внимания постоянно, с утра до вечера каждый день, спрашивали, как вернуть обратно. Меня передергивает от воспоминаний.

– Я ей не нравлюсь, да, папа? Это мама хочет отдать меня в приют?

Черт!

Я чувствую, как улыбка выходит натянутой. Я бы себе не поверила, а дети существа чуткие. За Керта девочка цепляется искренне, я действительно ее пугаю. Не столько я, сколько знакомый девочке образ инспектора Опек. И это еще одна причина, почему она не может поверить, что я мама.

– Лизи, конечно, ты мне нравишься.

Маленькая хитрюга очень скоро заставит дворец вздрогнуть. Осознанно или нет, манипулировать девочка умеет. И нет, это неплохо, наоборот говорит о чутье и уме, а для будущей принцессы и вовсе ценно, просто нужно помочь девочке направить ее способности в правильное русло.

И раз уж на то пошло, пусть короля очаровывает, нужен же малышке добрый дедушка.

– П-правда?

– Правда, Лизм. Хочешь, я покажу тебе настоящего черта?

Глазки у девочки загораются:

– Да!

Ничего не могу с собой поделать, да и не хочу, заглушаю голос магией, чтобы Лизи не услышала, и спрашиваю с искренним наслаждением:

– Черт интереснее папы, да, Керт?

– Злая, – ухмыляется он.

А я представляю, как от имени Опеки заставлю его оформлять все полагающиеся бумаги... Хотя нет, он же стряпчих натравит.

Покачивая девочку на руках, Керт обходит меня по небольшой дуге:

– Маленькой принцессе нужно красивое платье, да, Лизи? Давай сошьем тебе много-много, м? Хочешь розовое?

– Розовое давай подарим маме, у нее тоже никакого нет.

Хитрюга.

– Маме тоже подарим, – соглашается Керт.

Похоже, мне остается только смириться.

И спровадить Керта во дворец. Незачем остальным детям наблюдать, как за Лизи «пришел» папа. Не правильно. Не могу отделаться от мысли, что удочерять спонтанно, из жалости, не то, что следует делать взрослым.

Но мои планы летят к чертям в буквальном смысле слова. Бедные гвардейцы. Они должны удерживать преступников и не позволить им дотянуться до вырвавшихся на площадку детей. Воспитатели и менталисты носятся следом в тщетных попытках призвать детей к порядку, но лишь сами создают дополнительный хаос.

А дети оголтело гоняются за лихо уворачивающимся чертом. Крики, визги, полный восторг. Открывшаяся взгляду картина слишком

нереальна. Одна из воспитательниц спотыкается, ее поддерживает менталист. Так вот в чем, вероятно, дело – дети в легкой эйфории после воздействия.

Ко мне подбегает капитан:

– Госпожа инспектор, умоляю, сделайте что-нибудь, уведите детей!

– Да, разумеется.

– Черт! Мамин черт! – Лизи на руках у Керта подпрыгивает, явно желает присоединиться к общему бедламу.

– Кто сопровождает детей в портал? – уточняю я.

Воспитательницы не годятся, тех бы самих кто сопровождал. Второй раз легче, конечно, но все равно не годятся.

– Отряд ожидает у точки входа.

Поскольку с нашей стороны арки не, вся нагрузка ложится на стационарный портал в столице. Туннель поддерживается в нерабочем режиме, и это тоже затраты.

Прикинув количество детей, я киваю – по паре на гвардейца, дотащат.

– Папа, я тоже хочу черта!

– Лизи, сначала мы уйдем из места, где жили плохие люди, – голос Керта звучит неожиданно твердо, без властных ноток, но спорить не тянет.

Лизи послушно затихает, прячет лицо у него на плече и удобнее обхватывает за шею.

– Черт! – зову я.

– Ум? – он отзывается мгновенно, прыгает ко мне. – У-у-ум.

– Замучили?

Роль живой игрушки чертика быстро утомила.

– Черт!

– Черт!

– Черт!

Дети налетают на меня, похоже, не осознавая, что я с ними не играю.

– Капитан, открывайте портал.

Судя по заминке, доверия мой приказ не вызывал, но подействовал авторитет принца, и капитан передал приказ в столицу.

Точка выхода походившая на воронку, диаметром с кулак, наливается цветом, неистово закручивается водоворотом обрывков изображений рек, полей, городов, и, наконец, распахивается, замирает.

– Черт, в портал.

– Ум? – черт с сомнением косится на детей.

– Домой. Дома я дам тебе вкусняшку.

– Ум!

Ощутимый толчок в плечо, и черт приземляется за спинами детей.

– Ловите! Ловите его!

Дети радостно бросаются следом.

Черт, умничка, нарочно не торопится, метет хвостом, кажется, что вот-вот попадется, только руку протяни.

– У-у-у! – верещит он и прыгает в портал.

Дети в азарте погони бросаются следом.

– Ловите детей! – команду я гвардейцам.

Впрочем, мужчины и без меня догадались, что от них требуется.

За детьми в портале скрываются воспитательницы и менталисты.

Керт протягивает мне руку – наша очередь.

Туннель встречает все той же круговертью, хотя обратно идти легче – постепенно что-то вроде устойчивости возникает – я все равно опираюсь на Керта. Лизи уткнулась ему в шею, заметно, что девочку мутит. Тяжело смотреть, но помочь ей ничем нельзя. И Лизи терпит без единой жалобы. Сильная девочка. Остальные дети тоже не жалуются, полуобморочно обвисли в руках гвардейцев.

К счастью, в зале нас встречают целители, и помощь получают не только дети. Один из целителей подает стаканы то ли с водой, то ли с прозрачным как слеза эликсиром. Я отказываюсь, а вот воспитательницы протягивают подрагивающие руки, жадно припадают к стаканам.

– Папа?

Целитель тебя только посмотрит, не бойся. Мы с мамой рядом.

Я оглядываюсь в поисках черта и замечаю его прицепившимся под потолком в углу. Упираясь лапами в стены черт ухитряется не падать. Как он взобрался по голым стенам отдельная загадка.

Странно... Из того, что я читала, выходило, что черти не любят высоту, предпочитают быть ближе к земле. Это у них с возрастом приходит или у моего чертенка характер уникальный? Чертенки мягко

спрыгивает и устремляется ко мне. Уверена – требовать обещанную вкусность.

Неожиданно чертенок замирает на полпути и меняет направление. Мягкими перепрыжками, явно, чтобы не напугать, подбирается к плачущему мальчику, тыкается пяточком в ладошку. Ребенок, позабыв про страхи, тошноту и плохое самочувствие, принимается тискать чертика за треугольные уши. Черт корчит мученические рожи, но вырваться не пытается.

Я отхожу чуть в сторону, чтобы не мешать Керту.

– Госпожа инспектор Майс, – мне кивает одна из воспитательниц и встает полубоком так, что получается, что мы обе смотрим на мальчика с чертом.

– Госпожа Фирс, – в тон откликаюсь я. – вы думаете о том же, о чем и я?

– Госпожа Майс, использование животных в работе с травмированными детьми не новость.

Не новость, а редкость. Во время лечения должен присутствовать квалифицированный дрессировщик, и само животное должно иметь соответствующий диплом. Словом, тот случай, когда бюрократия во вред.

В приютах питомцы тоже редкость. Их содержание ложится на плечи воспитателей и нянечек. А им нужна такая головная боль? Дело не в затратах на корм. Если животное покусает или поцарапает ребенка, да хоть просто сильно напугает, ответственность на них.

Черти не животные. Они разумные духи. Да, от их зловредной природы никуда не деться, но, как показывает мой опыт, можно выставить границы, и черт будет их соблюдать, если ему в них не тесно.

– Полагаю, начинать следует с малого. Было бы неплохо открыть питомник.

– Госпожа Майс, это в ваших силах. Нам будет трудно объяснить благотворителям, почему деньги, собранные для детей, следует потратить на чертей.

По ушам резануло противопоставление «мы» и «вы». Словно я больше не часть Опеки. Хотя. Я ведь не вернусь в кресло инспектора.

– Да, я лично займусь.

Черти могут стать детям настоящими друзьями.

Покосившись в сторону, Фирс торопливо отходит. Ее место занимает Керт.

– Рори, заberi Лизи, ладно?

– Угу, – как и ожидалось.

Девочка утомилась и несколько часов проспит, мне просто нужно побыть рядом, чтобы она не испугалась, когда проснется.

Керт собирается что-то еще сказать, но нас перебивает его адъютант:

– Ваше высочество, леди. Главы Великих столпов требуют аудиенцию.

Глава 22

– Они... что?!

– Требуют, – уже не столь уверенно отвечает адъютант.

Керт прищуривается:

– Как им угодно. Что по остальным точкам?

Я уже не вслушиваюсь в разговор, забираю притихшую Лизи. Уже у выхода из зала меня догоняет черт, проворно вскарабкивается мне на плечи. Я тихо хмыкаю. Чем больше думаю, тем больше мне нравится идея с питомником. Не только ради детей, это частности. Черти несправедливо недооценены. Сейчас их мало, и будет очень жаль, если они исчезнут окончательно.

Невесть откуда подоспевший вчерашний помощник пристраивается за правым плечом:

– Леди, у вас будут распоряжения?

– Пожалуй, нет, лорд. Хотя... – сейчас мне не нужно дергать Керта, мои приказы исполнят. Другой вопрос, стоит ли отвлекать внимание на второстепенные вещи? Скорее, да, чем нет. Мне достаточно задействовать тех, кто не занят переворотом.

– Леди, его высочество приказал ни в чем вас не ограничивать.

– В таком случае я рассчитываю на вас, лорд.

Во-первых, нужно вспомнить про дознавателя. Он был неплох в работе, но с головой у него непорядок, нужно отправить хорошего менталиста, пусть посмотрит. А заодно нужно проверить, почему в Страже никто не заметил, что дознаватель начал медленно скатываться в безумие.

Во-вторых, я очень хочу передать привет начальнику. Я не забыла, как он выпроводил меня в отпуск. Почему бы ему не сменить должность? Пусть пересядет в кресло, занимая которое, ему не придется идти на сделку с совестью.

Помощник провожает меня до спальни, кланяется и уходит исполнять приказы. Я перевожу взгляд на горничных и отправляю младшую накрыть мне чаю, обязательно со сладостями – я обещала чертенку.

Старшая горничная делает шаг вперед и предлагает забрать дремлющую Лизи, но я отрицательно качаю головой и сама отношу малышку в кровать, опускаю на подушку, накрываю одеялом. Поцеловать в лоб? Девочка спит, так что не почувствует, а у меня пока не получается воспринимать ее дочерью, в мыслях она для меня просто девочка, одна из сотен и сотен сирот.

– Мама? – она приоткрывает глаза и своими маленькими пальчиками цепко хватает меня за указательный палец. – Ты правда моя мама?

Вот что ей сказать? Она ведь не глупая.

– Лизи...

– Он, – она всхлипывает, в глазах озера непролитых слез, – он не папа, да? Я так хотела, чтобы мама и папа меня забрали.

По-хорошему надо выяснить, что случилось с ее настоящими родителями, как она попала в сиротский приют.

– Лизи, ты их помнишь?

– Не знаю.

– Хм?

– Я помню, что у мамы были светлые волосы, и она колыбельные, а потом папа сказал, что она уснула и спать будет долго-долго, под землей, – Лизи хмурится, неосознанно тянет мой палец к себе. – Потом папа сказал, что я поживу с другими детьми. Он обещал забрать!

Причины могут быть самые разные. Начиная с того, что мать могла чем-то болеть, и отец знал, что тоже заразился и долго не протянет. Поднять документы не трудно, скорее всего, причина отказа будет указана, как и имена родителей. Дальше я смогу узнать, жив ли отец девочки, собрать на него досье. В лоб задавать вопросы, когда отказ подписан и принят, незаконно.

– Я узнаю, хорошо?

– Я думала, он пришел.

– Значит, папа пришел, – я провожу по ее волосам. – А я стану твоей второй мамой. Второй ведь можно.

– Да.

– Спи.

На подушку спрыгивает черт, обнимает девочку, и она тянется к нему, больше не удерживает меня за палец. Вовремя. Снаружи раздается шум.

Помощника я отослала, пост гвардейцев от дверей покоев убрали, я ведь рассчитывала если не помогать Керту, то быть рядом, на подхвате, а вместо этого нянчу девочку. В дверь раздается тихий дробный стук.

– Да? – откликаюсь я.

Дверь приоткрывается, на пороге младшая горничная. Бросив взгляд на спящую Лизи, она шепотом, чтобы не разбудить, докладывает:

– Леди Майс, в гостиной вас ожидает глава рода Миашар.

Кто позволил ему врываться в королевские покои? Мало Керт проигнорировал требование аудиенции? Я бы тоже проигнорировала визит, я слишком далеко зашла, чтобы отступать. Раз я на стороне Керта, я должна придерживаться его линии. Однако именно сейчас мне придется выйти – я совсем не уверена, что лорд Миашар не вломится в спальню. Дома ничего подобного не происходило, этикет соблюдался строго, но дома мне бы и в голову не пришло перечить. Перечить в мелочах, я имею в виду. По-крупному я как раз оказалась той еще мятежницей. Нельзя допустить, чтобы лорд ворвался и напугал Лизи.

– Рассчитываю не тебя, – говорю я черту.

– Ум.

Я расправляю складки плаща и выхожу. В желудок будто ком снега проваливается. Я стараюсь не позволить эмоциям отразиться на лице, напоминаю себе, что я обязана справиться, и как претендентка на титул принцессы, и просто ради себя.

Глава рода... Маги живут дольше людей без дара, а уж богатейший аристократ-маг может рассчитывать не только на свою силу, но и на заботу лучших целителей, на лучшие эликсиры. Дедушка выглядит на крепкие шестьдесят, хотя на самом деле ему гораздо больше. Возраст выдает седина, но ему она скорее идет. В свете старший лорд Миашар придерживается образа мягкого старичка-добрячка, но дома он старый матерый волк.

Я выхожу, но он продолжает сидеть, закинув ногу на ногу. Вот вроде бы я стою, то есть возвышаюсь над ним, но этого совершенно не ощущается.

– Лорд, чем обязана вашему внезапному визиту?

Я останавливаюсь за диваном и опираюсь на спинку.

– Леди Аврора, вы стали моим величайшим разочарованием за последние тридцать лет.

А что было тридцать лет назад? Мой вопрос он игнорирует.

– Не могу сказать, что меня это хоть сколько-нибудь интересует.

Лорд продолжает игнорировать:

– Я видел в вас задатки, леди, полагал, что однажды, когда я отойду от дел, именно вы возглавите род.

Правда? Легче поверить, что лорд лжет, но даже если он не врет. Мне чувствовать себя польщенной или виноватой? Вины я точно не испытываю. Скорее, досаду и раздражение, но и признательность тоже. Мое образование и воспитание заслуга семьи, будь я обычной простолюдинкой, я бы не привлекла Керта.

– Неужели в доме Миашар настолько все плохо, что вы решили предаться меланхолии в моем скромном обществе, лорд?

Есть реакция!

– Отнюдь, леди. Я посетил вас по двум причинам. Во-первых, вы нарушили запрет и появились при дворе. Во-вторых, вы осмелились избавиться от печати. Быть рядовым инспектором никому не нужной Опеки – это ваш потолок, леди.

Никому не нужной?! Нет, он всего лишь выводит меня на эмоции, вряд ли он всерьез считает Опеку не нужной. Я с трудом беру эмоции под контроль.

– Лорд, я соблюдала условия, пока это зависело от меня. Снятие печати, а также мое пребывание во дворце воля его высочества принца Дакерта. Почему бы вам не адресовать свое недовольство ему?

– Леди? Может быть, вы считаете, что слово принца очередной династии выше воли главы древнего рода, чья история старше истории этой страны?

– Его высочество принц этой страны. А кто вы, лорд? Вы уверены, что в сравнении целого королевства и одной семьи выиграет семья? Пусть пять семей. Как по мне, слишком самонадеянно.

– Вы забыли, что Столпы создали эту страну, леди?

– Лорд, какое отношение заслуги седой древности имеют раскладу сил сегодня? Главы великих родов попытались выдернуть из-под его величества трон, но показали свою полную несостоятельность. Вам ведь известно не хуже меня, что заговорщики арестованы в

полном или почти полном составе, осталась мелочь, которая ничего не решает.

Взгляд деда пронзает будто копье:

– Что же, леди, вы не только отделились от семьи, вы отказались от величия своих предков. Жаль, действительно, жаль. Меня не интересуют причины, по которым вы нарушили запреты, леди. Меня интересует настоящее. Вот, – он небрежно кладет на стол амулет, – восстановите печать, леди и покиньте территорию королевства. Я подготовил для вас дом за его пределами. Начните жизнь с чистого листа.

Я прищуриваюсь:

– Лорд, во-первых, согласно нашим договоренностям десятилетней давности я не могу вернуться в свет по собственной инициативе, другие варианты не оговаривались, а также я обязалась запечатать дар, а не оставаться навсегда запечатанной. Таким образом, я ничего не нарушила, и ваши претензии не имеют никаких оснований. Во-вторых, ваши требования попросту незаконны.

– Леди, вы вынуждаете меня...

– Лорд, я ни к чему вас не вынуждаю, вы свободны в ваших действиях.

Неужели я его боялась? Почему за скучающим тоном деда мне мерещится его бессилие? А вот порталный амулет лучше накрыть пологом. Мало ли. Дед выбивает по подлокотнику дробь и вдруг резко вскидывает ладонь, легко срывает поставленный мною купол. Восстановить его я никак не успеваю, зато успеваю в полной мере осознать, что сейчас будет – амулет сработает и портал закинет меня невесть куда, а дед зачистит следы, чтобы просчитать точку выхода было невозможно.

Амулет вспыхивает и... гаснет. Вместо ожидаемого портала получается пустой пшик.

Я впервые вижу мелькнувшую в глазах деда растерянность.

– Похищение провалилось? – усмехаюсь я и вдогонку озвучиваю поразительную догадку. – Дворец больше вне вашего магического контроля, лорд?

Прежде я не осознавала, насколько контроль Столпов всеобъемлющ. Десять лет назад такое положение вещей казалось естественным, и я не задумывалась, потом я выпала из высшего света,

и проблемы дворца стали для меня бесконечно далеки, а теперь мне открылась истина. Еще недавно дед мог спокойно открывать порталы не просто во дворце, а в непосредственной близости от королевских покоев. А теперь не может.

Я обхожу диван, сажусь, закидываю ногу на ногу. Дед мой жест игнорирует, не скрываясь, к чему-то прислушивается и мрачнеет. Я могу лишь догадываться о масштабах. Похоже король или Керт одновременно обрушили всю сеть чар.

Легко на помине. Входная дверь распахивается, входит Керт. В глазах смешинки.

Я моментально встаю и кланяюсь, как и положено приветствовать принца. Дед медленно оборачивается и остается сидеть. Керт на наглость никак не реагирует, одаривает деда снисходительным взглядом:

– Лорд Миашар, вы пытались похитить мою невесту? Великие столпы всегда считались опорой трона, но не припомню, чтобы у столпов была привилегия пачкать дворец своими чарами без высочайшего дозволения. Лорд, если я предоставлю суду доказательства, а они у меня есть, главы «пятерки», а также особо отличившиеся члены рода получают смертный приговор. Есть хоть одна причина, почему я не должен закончить историю великих семей сегодняшним днем?

Дед ненадолго задумывается. Точнее, делает вид, что задумывается. От него едва заметно фонит магией, нет сомнения, что он пытается вернуть контроль. Вряд ли сеть была единственной в арсенале «пятерки». Керт безмятежен, а вот у меня мороз по коже. Когда король спрашивал, готова ли я к уничтожению рода, это был не пустой вопрос? Я ошиблась, недооценила королевскую семью. И. я не готова. Безжалостные интриганы, они все еще моя семья, особенно мне страшно за маму, за бабушку, за других родственников, далеких от политики.

Разведя руками, дед ухмыляется:

– Причина очевидна, ваше высочество.

Неужели Керт не все вычистил?!

– Просветите? – Керт по-прежнему уверен в себе и безмятежен.

– Ваш брак с Авророй нельзя оценивать как полностью бесполезный, однако иностранная принцесса принесла бы ощутимо

большую выгоду. Но вы выбрали Аврору, ваше высочество. Уверен, истинная причина одна – вы неосмотрительно влюбились, и не только влюбились, но и идете на поводу у чувств. Взгляните на Аврору, ваше высочество. Соглашаясь с вами разумом, Аврора не сможет принять казнь членов своей семьи сердцем. Вы готовы разрушить ваш брак задолго до официальной помолвки, ваше высочество?

– Для рода Миашар можно казнь заменить лишением всех привилегий и ссылкой. Оставшиеся четыре столпа... срубить.

Хах, можно выдыхать. Керт задумал что-то поинтереснее казни или ссылки, иначе бы он не маскировал предложение под видом отвлеченной беседы.

Дед морщится:

– Столпы восстанут.

– Вы верите в успех бунта, лорд?

Я не понимаю, то делает Керт, дед хватается за горло.

Секунды напряженной тишины, и дед откидывается на спинку кресла:

– Нет, ваше высочество, не верю.

Если до сих пор дед обращался к Керту с нотками сарказма, то теперь в его тоне отчетливо слышится признание титула.

– Почему бы великим родам не открыть в своей истории новую героическую страницу, лорд Миашар? Вместо бесчестия поражения и казни.

– Хм?

– Лорд, ваши предки создали эту страну, но она вам не принадлежит, ведь ваши предки осознанно и абсолютно добровольно отказались от власти и заняли место у трона. Возможно, они хотели увидеть королевство великим?

– Что вы предлагаете, ваше высочество? Я так понимаю, если я не приму ваше предложение, вы обвините меня в государственной измене, и суд приговорит причастных к казни без оглядки на Аврору?

– Верно, лорд. Я предлагаю «пятерке» вернуться на историческую родину при моей полной поддержке.

Дед разражается смехом, Керт же усмехается, и взгляд у него становится как у хищника, схватившего добычу. Дед успокаивается, касается уголка глаза, смахивает выступившую слезу:

– Вы предлагаете нам покинуть не только королевство, но и сам континент? С деарцами в свое время вы также поступили, и они вернулись.

– Как вернулись, так и улетят обратно. Члены семьи, непричастные к заговору, могут остаться.

– Заложниками?

– Само собой, – Керт улыбается шире. – Но не беспокойтесь, лорд, на соседний континент «пятерка» отправится под предлогом расследования вторжения дерцев на нашу территорию. На самом же деле вашей задачей будет захват власти в Кронде.

– Ха?!

Меня Керт поразил не меньше, чем деда.

– Когда-то ваши предки бежали из Кронда, спасая свои жизни. Безуспешные попытки вернуться предпринимались в течение двух веков после бегства. Так почему бы не попытаться еще раз?

– Хотите, чтобы мы запретили в Кронде рабство? – усмехается дед.

– Да, в отдаленном будущем, это работа для нескольких поколений. Лично от вас, лорд Миашар, я жду более скромных результатов. Вы поможете перекрыть нелегальную торговлю моими подданными со стороны Кронда и развернете моду, престижным должно стать обладание потомственными рабами, а не бывшими вольными.

Качнув головой, дед хмыкает:

– Должен признать, задача интересная. Что же, я согласен. Полагаю, главы оставшихся четырех родов также примут ваше предложение, ваше высочество. Мы можем покинуть континент со спокойной душой, королевство в надежных руках.

– Рассчитываю на вас, лорд.

– Аврора должна быть представлена свету как леди Миашар, – не терпящим возражений тоном заявляет дед.

Он прав, это всем выгодно, но тон...

Керт берет меня за руку, нежно проводит подушечкой большого пальца по тыльной стороне ладони:

– Рори, вы согласны?

Эпилог

– Мама, мама, а почему он такой высокий? Он великан, да?

– Нет, Лизи, он человек. Просто он на ходулях, – улыбаюсь я и позволяю Лизи утянуть себя вперед, к диковинному мужчине в кричащем цирковом наряде.

Во дворце мы пробыли ровно десять дней, именно столько понадобилось его величеству и его высочеству, чтобы навести в столице окончательный порядок. Конечно, окончательный – громко сказано, во многом еще предстоит разобраться, но главное было сделано, угроза королевской власти полностью устранена, а главы Великих столпов признали поражение и отправились на соседний континент возратить под свою руку некогда принадлежавшие их предкам территории.

Керт эти дни спал по три-четыре часа, страшно выматывался, вылинял и приобрел нездоровое сходство с упырем. Не выдержав, я высказала королю все, что думаю о пренебрежении здоровьем сына. Король вздохнул... и ничего не сделал. Сам он большую часть времени проводил либо в постели, либо на прогулке по саду, либо за чтением, либо в играх с Лизи, которую он сразу же признал младшей ненаследной принцессой и взялся усердно баловать как родную внучку. Король давал себе отдых и время полностью восстановиться после отравления, чтобы через десять дней приказом буквально вышвырнуть нас с Кером из дворца. Месяц, целый месяц мы проведем в королевской резиденции на минеральных водах.

Но пока мы не преодолели еще и половину пути до хваленного курорта. Разоряться на стационарный портал для нас король не стал, мы едем, а точнее ползем в каретах.

Лизи не отлипала от окна – надо ли говорить, что мы делали частые остановки?

Вот и сейчас мы остановились в небольшом городке ради ярмарки.

Циркач на ходулях наклоняется и подхватывает счастливо взвизгнувшую Лизи, подбрасывает к самому небу. Лизи заливается смехом. Циркач осторожно возвращает ее на тротуар, а я благодарю

его мелкой монетой и тут же покупаю у лоточницы трех петушков на палочке: Лизи, Керу и себе. Оказывается, детские сладости – это весело и вкусно.

Циркач неожиданно вновь наклоняется:

– Госпожа, рекомендую выступление канатоходца, он проедет под куполом на колесе без страховки. Его учитель погиб во время исполнения этого трюка.

– Мама, можно? – подпрыгивает Лизи.

– Да, дочка.

Когда я узнала историю кровного отца Лизи, мне стало легче принять ее как свою. А заодно стало понятно, что ждать некого. Отец Лизи передал малышку в приют вскоре после смерти жены, он полностью отказался от родительских прав, сейчас он повторно женат, растит сына, про Лизи не вспоминает. Очевидно, что он не вернется. Вместо него его обещание выполнит Керт. Хотя я по-прежнему с неодобрением отношусь к удочерению на эмоциях, я признаю, что решение было идеальным. Предательство родного отца малышку убивало изнутри, а теперь она обычный счастливый ребенок.

Мы покупаем билеты, разодетая девица приглашает нас в шатер. Представление уже идет: через охваченное огнем кольцо прыгает дрессированная собака. Мы занимаем свободный край одной из лавочек. Керт отбирает у меня петушков и разворачивает упаковку.

– Знаешь, – шепотом, чтобы не помешать другим зрителям, – а я впервые на таком представлении

– Я тоже, Рори. Удачно мы зашли, да?

Я улыбаюсь:

– Удачно.

Удачно, что мы настояли на путешествии инкогнито. Конечно, полная анонимность невозможна, достаточно одного взгляда на наш кортеж, чтобы понять, что едет кто-то высокопоставленный. Но здесь, на ярмарке, нас никто не знает, охрана держится на небольшом расстоянии от нас. Я фыркаю, сообразив, что боевым магам тоже придется смотреть представление.

Некстати вспоминается, что на принудительном отдыхе сейчас еще и дознаватель, отправленный, как мне доложили, в ведомственную лечебницу. Как оказалось, на мужчину свалилось несколько особенно

тяжелых дел, вот и «поплыл». Возможно, ему придется уйти в отставку...

– Рори?

– Извини, задумалась.

– О чем, если не секрет?

– О том, как все-таки хорошо быть принцессой. Знаешь, работа не отпускает. Я перед отъездом читала отчет по приюту, в котором директор прикарманивал почти треть бюджета. Если бы не твой приказ, так быстро завершить расчеты и передать дело в суд не получилось бы. Как и вряд ли мне позволили бы докопаться, что директора прикрывал мой начальник. А как твоя принцесса я справилась.

– Пф-ф, Рори, будь ты обычным инспектором, ты бы все равно вывела их на чистую воду, я в тебя верю.

– Тише, – шикают на нас соседи. Вообще-то мы едва слышно шептались, да и на арене ничего не говорят, только музыка играет. Но раз просят.

Дрессировщик выводит котов, двое сразу же запрыгивают ему на плечи. Лизи предвкушающе втягивает воздух. Я наивно удивляюсь, чем ее заинтересовал номер.

– Черт, – подается вперед Керт.

Черт третьим запрыгивает дрессировщику на загривок и перебирается на голову, стегнув одного из котов хвостом. Кот с громким мявом отпрыгивает, второй предусмотрительно шарахается до того, как прилетит удар. В зале вряд ли понимают, что что-то пошло не так. Черт же перелетает в игрушечную, увешанную колокольчиками повозку. Вероятно, коты или те же собаки должны были впрячься, не зря же к повозке привязаны ремешки с широкими ошейниками. Черт не ждет, он хватает ремешки, подтягивает к себе и принимается бросать ошейники, как круги в детской игре, когда надо попасть на специальный конус. Только у черта вместо конусов головы котов. Удивительно, но он попадает, ни разу не промахивается. Коты с воплями разбегаются – черт, повернувшись спиной метко ускоряет их хвостом. Повозка со звоном и дребезжанием катится.

Самое поразительное, что зрители принимают безобразие как должное и хлопают в ладоши. Лизи хлопает чуть ли не громче всех, даже про леденец забывает.

Черт быстро ориентируется, просто так кататься не интересно, и он ухитряется направить котов на дрессировщика. Дрессировщик попадать под колеса не захотел, бросился прочь и сглупил – побежал по кругу вдоль бортика арены. Дрессировщик, за ним коты на привязи и черт на повозке хвостом вперед вместо хлыста.

На третий круг громыхающая процессия скрывается за кулисами.

– Керт...

– Да, Рори?

– Я боюсь.

– Чего? – удивляется Керт.

– Хаоса, в который черт превратит нашу свадьбу.

– Рори, наш черт всего лишь оживит скучное торжество. Почему ты против?

– Иногда мне кажется, что я единственная знаю, что такое рассудительность и ответственность.

– Рори, не волнуйся, мы с Лизи поможем тебе забыть. Да, дочка?

– Да!

Вот что с ними делать?

Канатоходцу хватает здравомыслия не выходить под купол, пока в цирке бесится черт. Конферансье объявляет номер жонглера, и как по мне, начинает артист посредственно: подбрасывает и ловит разноцветные булавы. Заскучать зрители не успевают, за кулисами раздается грохот, полог с треском рвется, а миг спустя четверо, включая билетера, врываются на арену и, толкая друг друга, ловят уползающий обрывок полога, из-под которого торчит чертячий хвост.

Жонглер пытается продолжать, но черт, отбросив тряпку, в прыжке ловит булаву и с добычей приземляется на бордюр. Зрители приветствуют пакостника овациями, а я прикрываю ладонью глаза:

– Неужели они не понимают?

Керт пожимает плечами:

– Не всем же быть умными и догадливыми. Рори, брось. Зрителям нравится – разве не это главное? Думаю, мы должны потребовать для черта достойный гонорар. Мешок сладостей, например.

Лизи смеется, а я только головой качаю.

Между тем на арене настоящая свалка, черт ввинтился в толпу, и артисты слепо ловят друг друга. А черт проворно взбирается под купол, демонстрирует чудеса акробатики, кривляется:

– У-у-у! – предупреждает он и метко бросает булаву вниз.

Я вскакиваю. Чертов черт, я не успею поставить щит, способный закрыть от тяжелого предмета. К счастью, булава пролетает над головами, никого не зацепив. Опасная шалость, но исполнена безукоризненно. Все равно взбучку устрою.

Черт то ли ухитрился услышать про мешок сладостей, то ли, пока я не видела, за десять дней во дворце Керт успел научить черта пакостить с пользой. Черт отбирает у конференсье красный, обклеенный дешевыми блестками цилиндр, удирает в зал и принимается корчить умильные рожицы, красноречиво подставляя цилиндр. Денег черт не берет, собирает леденцы, сладкую вату и сахарные пряники. Дети угощают щедро.

– Паршивец.

– Не согласен, – фыркает Керт. – Правильный королевский черт. Пожалуй, я уговорю отца сделать его при дворе официальным шутом.

Бедные придворные. Большинство, конечно, заслуживают, но не все же.

Черт очередным прыжком перелетает к нам и вдруг протягивает конфету сначала Лизе, потом мне, потом Керту.

– У-у-у...

– Спасибо! – Лизи отправляет вкусняшку за щеку.

– Что, девочки, пойдемте? Нам стоит поторопиться, чтобы до вечера успеть в следующий город.

Лизи явно не рада, но не капризничает. Точнее, капризничает по-своему: обнимает Керта за шею, прижимается, и ему ничего не остается, кроме как подхватить дочку и нести. Черт тоже предпочитает путешествовать верхом и забирается к Керту на плечо.

Я вздыхаю:

– Я тоже хочу на ручки.

Керт оборачивается, прищуривается и вдруг приседает:

– Рори, прошу, – расплывается он в улыбке, – цепляйся.

– Шутишь?

– Ну же, моя принцесса, смелее.

Не шутит. А раз так, стесняться я точно не буду. Подхожу, обнимаю со спины, целую в щеку и обхватываю руками и ногами. Керт легко встает, будто я ничего не вешу.

– Ты чудо, – хмыкаю я.

– Приятно забраться мужу на шею и свесить ножки, да?

– Очень.

Я хочу спрыгнуть на землю, когда мы выходим из цирка, но Керт не отпускает до самой кареты. Черт, не выпуская украденного цилиндра, первым запрыгивает в салон. следом забирается Лизи.

Керт придерживает меня за руку, приобнимает. Мы на улице, рядом снуют прохожие, рядом охрана, но мир словно замирает, и в этом мгновении есть только Керт и я.

– Встреча с тобой стоила любых испытаний, Рори. Я люблю тебя. Когда мы, наконец, поженимся?

– После возвращения с курорта, – я легонько щелкаю Керта по носу. – У всех нормальных пар медовый месяц после свадьбы, а у нас – до. Я люблю тебя, Керт. Встреча с тобой стоила того, чтобы ждать хоть вечность.

Медовый месяц пролетел как один день. Завтра нам предстоит выдвигаться обратно в столицу. Не хочу...

Убедившись, что Лизи заснула, я целую дочку в лоб и тихо выхожу из ее комнаты, погрозив напоследок черту, чтобы не буянил. Повадились спать на ее подушке. Всерьез я не возражаю. Черт смысленный, пусть присматривает.

Я выхожу в темный коридор. Странно, но на первом этаже полоска света. Из королевской резиденции мы тайком перебрались на виллу. Не совсем тайком, конечно. Охрана и некоторые слуги последовали за нами, просто официально о переезде мы не объявляли и формально считается, что мы все еще в летнем дворце. И выезжать в столицу мы завтра будем как раз из дворца.

А пока я спускаюсь. Полоска света идет со стороны кухни. Вдвойне странно, потому что слуг мы отпустили, оставили только гувернантку Лизи и одну из моих личных горничных. На кухне обеим делать вроде бы нечего. Я заглядываю в щелку приоткрытой двери.

– Оу, так вот какой сюрприз ты обещал.

Керт поднимает на меня взгляд:

– Это еще не сюрприз.

Я вхожу, устраиваюсь на стуле за длинным столом, подпираю щеку кулаком. На кухне пахнет ванилью, шоколадом, специями. Керт крутится у плиты. Интересно, он прихватил фартук, когда я собирала

вещи? Не мог же он заказать новый, как две капли воды похожий на тот?

– Ты открыл в себе кулинара?

– Не самое странное увлечение, – улыбается он. – И вообще, должен же хоть кто-то в семье уметь готовить.

Я замечаю на столе пачку бумаг, подтягиваю к себе:

– Керт, ты жульничаешь! Мы же договорились – никакой работы!

В пачке отчеты из столицы.

– Я не работаю, я слежу за новостями. Третья страница, думаю, тебе будет интересно. Твой дед все же будет присутствовать на свадьбе, как и остальные родственники, а через три дня после завершения торжеств он, и еще семеро Миашар отправятся завоевывать для нас свою историческую родину. Кстати, ты тоже жульничаешь, или, считаешь, я не знаю, что ты получила документы по Опеке и по питомнику?

Я с самым невинным выражением лица погружаюсь в отчеты. Выныриваю, когда аромат сдобы становится таким, что его невозможно игнорировать. Керт выкладывает кексы на блюдо, ловко уводит его у меня из-под носа. Вместо кекса я хватаю воздух. Насмешливо цыкнув, Керт водружает на блюдо чайник, чашки, подхватывает блюдо одной рукой, ловко удерживает, а свободной рукой подхватывает меня.

– Керт!

– Держись крепче.

Наша вилла, как и королевская резиденция, стоит над собственным минеральным источником. Керт спускается в купальный зал. Иначе, наверное, огромный бассейн и не назвать. Керт опускает блюдо на бортик, меня – на пол. Я скидываю домашнюю обувь. Несмотря на то, что пол каменный, он теплый благодаря проходящим под ним трубам. Керт помогает сбросить платье. Следом летит его рубашка, штаны, фартук.

Керт спрыгивает в бассейн и окатывает меня волной искрящихся брызг. Я прищуриваюсь, но не прыгаю. Есть своя прелесть в том, чтобы медленно войти в шипучую, как шампанское, воду, оттолкнуться от нижней ступеньки и поплыть к противоположному бортику. Керт догоняет почти сразу, переворачивается на спину. Как тут удержаться? Я со смехом протягиваю руку и касаюсь загорелой

кожи, щекочу. Керт фыркает и тотчас переворачивается, ловит мою ладонь, затягивает меня в объятия, целует.

Начинаем мы прямо в воде, из бассейна перебираемся на бортик, на расстеленные махровые полотенца. Я еще успеваю задуматься – а как скоро у Лизи появится братик или сестренка, через девять месяцев или все же чуть дольше? Посторонние мысли исчезают, растворяются в поцелуях, и остается только:

– Люблю...

Скорее бы свадьба – я твердила каждый день после возвращения в столицу, а все потому, что дед не только ухитрился настоять, чтобы в храм я отправилась из родового особняка Миашар, но и добился, чтобы эти несколько дней накануне торжества я прожила в доме, который когда-то считала родным гнездом. Честное слово, лучше бы я в своей крошечной квартирке жила, но политика не оставила мне выбора. Конечно, упереться я могла, но зачем упускать выгоду?

В ожидании свадьбы дни я проводила с бабушкой и мамой. С мамой мы тайно обменивались письмами и даже время от времени встречались, никто не препятствовал. Бабушка тоже относилась ко мне тепло, но мы не были настолько близки, как с мамой.

– Дорогая внучка, вы уверены в своем решении? Мой супруг и глава нашего рода убежден, что именно вы должны встать во главе семьи. Вы же в нарушение вековых традиций переходите в род мужа. Молодой род...

А громоздить словесные конструкции обязательно? Мы же не на приеме. С Кертом я как-то успела привыкнуть к домашнему стилю общения.

– Уверена, леди.

Бабушка вздыхает с укоризной. Жаль ее, если честно. Величие рода, в который она когда-то вошла, это все, что у нее есть. Ее брак счастливым уж точно не назвать. Может быть, ей станет легче после отъезда деда? Когда я бессовестно повешу на нее чертячий питомник, она точно взбодрится.

Она качает головой:

– Я буду молиться за наше будущее.

– Леди, разве, восстановив историческую справедливость, род Миашар не обретет еще большую славу?

– Будьте счастливы, моя дорогая внучка, – бабушка смахивает выступившую в уголке глаза слезинку и поспешно уходит. Моим пустым словам о новом величии она не верит, слишком умна.

Я тронута.

– Да, дочка, будь счастлива.

Мама целует меня в лоб и тоже выходит.

В комнату без стука, не дожидаясь разрешения, врываются горничные. Служанки торопливо поправляют мой макияж, прическу, расправляют и без того идеальный подол свадебного платья, они наперебой заверяют меня, что я буду самой красивой невестой, Непривычная пышная юбка, с которой не справиться без помощи, многометровый шлейф, скромный лиф и нескромный каскад украшений – тиара в волосах, ожерелье, серьги. Я смотрю на себя в зеркало, и мне кажется, что за блеском бриллиантов и переливами атласа меня попросту не видно.

– Леди, могу я сообщить лорду, что вы готовы?

Я медлю, бросаю последний взгляд на свое отражение и выхожу в будуар:

– Да, можете.

Старшая горничная уходит, чтобы доложить деду. Свадьба с Кертом для меня счастье, хотя торжество для меня не столько праздник, сколько следование королевскому протоколу и работа на публику. Подданные должны увидеть, что избранница принца достойна однажды стать королевой. Сейчас мне предстоит неприятная часть.

Входит дед:

– Леди Миашар, прекрасно выглядите.

– Благодарю.

Дед предлагает мне локоть и я опираюсь. Глава рода будет сопровождать меня от дома до храма. Вообще-то согласно традиции глава рода провожает покидающую семью дочь до алтаря и передает жениху, но я настояла на нарушении этого правила. Перед храмом дед передаст меня королю, и уже его величество поведет меня к алтарю.

У парадного подъезда нас ждет открытая, украшенная лентами коляска.

Дед помогает забраться, а младшие родственницы кидаются расправить юбку и шлейф. Девочки поедут во второй коляске сразу за

нами – им же помогать мне со шлейфом в храме, а вот после объявления меня женой Керта привилегия заботиться о шлейфе перейдет к фрейлинам. Хах, привилегия...

– Леди, у вас неподобающее выражение лица, – делает мне замечание дед.

Отчасти справедливое, отчасти нет.

– Мы еще не тронулись, – возражаю я.

Дед отворачивается:

– Если бы не вы, леди, Великие столпы передали бы трон новой династии. Вы подорвали наше положение.

Это прощальное обвинение в предательстве семьи. предупреждение? Очевидно, что «пятерке» происходящее не нравится категорически. Уверена, найдутся те, кто предпочтет увидеть меня мертвой, чем позволить мезальянс. Керт, разумеется, принял меры.

– Обвинять меня? Смешно. Лорд, неужели мощь великих столпов настолько ничтожна, что их смогла повергнуть мелкая чиновница из Опеки?

Неожиданно дед отвечает широкой улыбкой. Он умелый лицедей, но все равно улыбка кажется мне искренней, дед смотрит на меня с гордостью и одобрением:

– Вы правы, моя внучка, столпы пали не из-за вас. Вы их всего лишь подтолкнули. Они пали, потому что их фундамент прогнил. Трудно оставаться сильным, когда достойных противников нет веками. Столпы возгордились, размякли, потеряли былую хватку, за что и поплатились. Падение «пятерки» было лишь вопросом времени. Задача, поставленная перед нами его высочеством принцем Дакертом это наш шанс вспомнить, что такое настоящее сражение, закалиться в бою и восстановить утраченную мощь. Я знаю, Аврора, вы не готовы поверить в мою искренность. Не нужно верить. Однажды я докажу делом.

– Хорошо. Я буду ждать.

Мы замолкаем – наша коляска приближается к воротам.

И справа, и слева отряды гвардейцев, затянутых в парадные мундиры. Военный оркестр играет свадебный марш. Отряд справа медленно удаляется, и кучер правит за ними. Отряд слева будет замыкающим.

– Принцесса! Принцесса Аврора!

– Принцесса Аврора! – обрушиваются на меня приветственные крики толпы. В коляску летят белые цветы.

Я поднимаю руку, улыбаюсь. Неполный месяц, который мы с Кером провели на минеральных источниках, в столице и крупных городах провинции барды пели о принцессе Авроре, отказавшейся от придворных развлечений и инкогнито работавшей на благо сирот в Опеке. Разве мог принц не полюбить самую прекрасную из принцесс? Историю нашей встречи барды тоже переврали и превратили в легенду.

– У-у-у!

Откуда?!

Мы же решили оставить черта с Лизи!

Черт не похож сам на себя. Видимо, проникся торжеством момента и впервые добровольно не стал избавляться от одежды. Праздничный наряд с пышным бантом на кончике хвоста ему, если честно, не идет. Как будто нырнул в торт. Пожалуй, в своем шутовском одеянии, черт смотрелся бы эффектнее. Приказом его величества черту и правда пожалована роль королевского зловредного шута.

– Черт, смотрите!

– Это же тот самый черт принцессы!

– У-у-у! – в отличие от меня, черт вниманием наслаждается.

Улицы запружены. Людей столько, что кажется, будто посмотреть на нашу с Кером свадьбу собралось все королевство. Мы едва продвигаемся, я чувствую себя экзотической зверушкой, которую возят по улицам на показ зевакам.

До храма мы добираемся часа три, если не больше.

– Принцесса!

– Принцесса!

У самого храма становится легче, здесь собрались аристократы.

А на ступеньках меня лично ожидает его величество. Король выглядит свежим, полным сил. Трудно поверить, что этот человек не так давно был при смерти.

Коляска останавливается, и первым выпрыгивает черт, но тотчас уступает дорогу. Дед медленно спускается, я держусь за его руку кончиками пальцев, улыбаюсь. Пока мы приветствуем короля поклонами, родственницы подхватывают шлейф. На миг я поднимаю

лицо к небу. Я войду в храм как леди Аврора Миашар, а выйду законной супругой Керта.

– Аврора, – едва слышно дед напоминает, что не время и не место впадать в задумчивость.

Я улыбаюсь еще ярче, притворно опускаю ресницы, маскирую неуместную заминку смущением.

Дед подводит меня к королю, снова поклоны.

– Ваше величество, – обращается он, – вверяю вашей заботе главную драгоценность нашего рода леди Аврору.

Драгоценность? Ладно, не буду придираюсь.

– Лорд Миашар, вы отправляетесь за рубеж с длительной миссией особой государственной важности. Естественно, мы принимаем вашу внучку как родную дочь. Вся ваша семья, лорд, получит нашу поддержку.

– Благодарю, ваше величество. Теперь я могу отправляться с легким сердцем.

Дед передает мою руку королю.

– Ваше величество, – здороваюсь я.

– Леди Аврора, добро пожаловать.

Мы поднимаемся по широким ступеням, входим под своды храма. В нос ударяет навязчивый запах благовоний. Главный зал украшен лентами и цветами. Шуршание ткани – ожидавшие нас придворные кланяются. Но мне нет до них никакого дела. В огромном переполненном людьми зале для меня есть только один человек – мой будущий муж.

– У-у-у, – черт уносится вперед.

Хах, где он раздобыл огромную корзину, из которой он разбрасывает лепестки.

Ближе, ближе, у меня сбивается дыхание, при очередном шаге я неудачно ставлю ногу, каблук подворачивается. Равновесие я сохраняю. Черт, почему я так волнуюсь?! Нужно всего лишь красиво пройти по ковровой дорожке...

До алтаря всего пара метров. Я ловлю взгляд Керта, и волнение исчезает без следа. Я готова бежать вперед, но нельзя.

– Ваше величество, – если бы меня провожал дед, Керт бы не кланялся.

– Сын, – король чуть отступает от протокола, позволяет себе вольность, – будь достойным мужем. Ваше высочество, вы станете примером и образцом для всех юных лордов.

Король передает мою руку Керту.

Последние шаги, и мы останавливаемся перед алтарем.

– Перед Небом и землей его высочество принц Дакерт и леди Аврора, – речь жреца журчит ручьем. Я не вслушиваюсь в его слова, я знаю, что он должен произнести. Своего рода напутствие и последний шанс отступить, отказаться. Так и хочется поторопить, но я слишком хорошо осознаю, что свадьба не столько моя, как бы странно это ни звучало, сколько государственная.

На нас сыпятся лепестки. Мелкие, будто снежинки, оседают у Керта в волосах. Так бы и стряхнула, но нельзя.

– Ваше высочество принц Дакерт, согласны ли вы взять в жены леди Аврору Майс?

– Согласен, – твердо отвечает Керт.

– Леди Аврора Майс, согласны ли вы стать женой его высочества принца Дакерта?

– Да, согласна.

– Ваше высочество принц Дакерт, леди Аврора, перед Небом и землей свидетельствую, брак заключен!

Грянувшая музыка оглушает, но я успеваю расслышать шепот:

– Люблю тебя, Рори.

– Встреча с тобой подарок Небес, – отвечаю я.

Мои слова тонут в музыке, но она не может заглушить лавину возгласов с улицы.

Керт чуть сжимает мои пальцы, привлекая внимание, и кивком указывает на чудо за высоким стрельчатым окном – ясное безоблачное небо окрасила радуга. Счастливый знак!